

Герберт Уэллс

Чудесное посещение

<http://book.zehinli.info>

Ночь странной птицы

В Ночь Странной Птицы в Сиддертоне (и ближе) многие жители видели сияние над Сиддерфордской пустошью. Но в Сиддерфорде его не видел никто, так как сиддерфордцы по большей части уже легли спать.

Весь день то и дело поднимался ветер, так что жаворонки в поле сбивчиво щебетали низко над землей, а когда решались подняться, их носило по ветру, как листья. Солнце зашло в кровавой сумятице туч, а месяц так сквозь них и не пробился. Сияние, говорят, было золотое, как зажегшийся в небе луч, и оно не лежало ровным отсветом - его повсюду прорезали зигзаги огненных вспышек, точно взмахи сабель. Оно возникло на одно мгновение, и темная ночь после него осталась, как была, такой же темной. "Природа" поместила о нем ряд писем и одну безыскусную зарисовку, которая никому не показалась похожей. (Вы можете ее увидеть, эту непохожую зарисовку сияния, на странице 42-й в томе ССIX указанного издания.).

В Сиддерфорде сияния не видел никто, но Энни, жене рыбака Дергана, не спалось в ту ночь, и она видела его отсвет - мерцающий золотой язычок, заплывавший на стене.

Она же была одной из тех, кто слышал звук. Кроме нее, слышал звук придурковатый Дерган Недоумок и мать непутевой Эмори. Они рассказывали, что прозвучало так, как будто запели дети или задрожали струны арфы, - внезапное гудение, какое иногда сам собою издает орган. Началось и тут же оборвалось, точно открыли и закрыли дверь, и ни до, ни после они ничего не слышали, кроме завывания ночного ветра над полем да рева в пещерах под Сиддерфордской скалой. Мать Эмори сказала, что ей, когда она услышала, захотелось плакать, а Недоумок только печалился, что не слышит их больше.

Вот и все, что вам могут рассказать о сиянии над Сиддерфордской пустошью и о якобы сопровождавшей его музыке. Действительно ли они как-то связаны со Странной Птицей, о которой пойдет рассказ, я не берусь судить.

А ради чего я привожу здесь эти сведения, станет ясней из дальнейшего.

ПОЯВЛЕНИЕ СТРАННОЙ ПТИЦЫ

Сэнди Брайт шел домой от Спиннера и нес свиной окорок, полученный им в обмен на стенные часы. Сияния он никакого не видел, зато и слышал и видел Странную Птицу. Ему вдруг послышалось вроде бы хлопанье крыльев и чей-то стон - женский как будто; а так как человек он нервный и был как есть один на дороге, он испугался и, оглянувшись (в холодном поту!), увидел что-то большое и черное в тусклой темноте кедровника на склоне холма. Оно несло, казалось, прямо на него, и, бросив свой окорок, он опрометью кинулся бежать, но тут же споткнулся и упал.

Напрасно старался он - в таком он был смятении духа - вспомнить начальные слова молитвы господней. А Странная Птица кружила над ним - большая, больше его самого, с широченным разворотом крыльев и, как ему представилось, черная. Он завопил и уже подумал, что тут ему и конец. Но птица пронеслась мимо вниз понад склоном холма и, взмыв над церковным домом, скрылась в тумане на долине ближе к Сиддерфорду.

А Сэнди Брайт все лежал ничком и глядел в темноту вслед этой Странной Птице. Наконец приподнялся и, встав на колени, возблагодарил милосердное небо, отведшее от него неминуемую гибель, а сам поводил глазами вниз по склону холма. Сошел он вниз и, вступив уже в деревню, все разговаривал сам с собой и каялся вслух в своих грехах, чтобы Странная Птица не вернулась.

Кто его слышал, думали все, что он пьян. Но с этой ночи он стал другим человеком: бросил пить и перестал обманывать казну, продавая без патента серебряные побрякушки. А окорок так и остался лежать на склоне холма, пока его наутро не подобрал хозяин кредитной лавки в Порт-Бердоке.

Следующим видел Странную Птицу конторщик нотариуса из Айпинг-Хенгера, вздумавший перед утренним завтраком подняться на холм, чтобы поглядеть на солнечный восход. Тучи за ночь разогнало ветром, и только несколько легких облаков таяло в ясном небе. Сперва ему почудилось, что он видит орла.

Птица была где-то около зенита, в невообразимой дали, - просто светлое пятнышко над розовыми перистыми облаками, - и казалось, она трепетала и билась о небо, как пленная ласточка об оконное стекло. Потом она опустилась в тень земли, проскользнула по длинной дуге к Порт-Бердоку, сделала круг над Хенгером и исчезла за рощами Сиддермортон-парка. Она показалась очень большой - больше, чем в рост человека. Перед тем как ей скрыться, свет восходящего солнца хлестнул через гребень холмов и задел ее крылья - и они вспыхнули ярко, как огонь, а цветом, как драгоценные камни.

Так она и пронеслась, а конторщик стоял и смотрел, разинув рот.

Какой-то батрак, направляясь в поле, проходил под каменной стеной Сиддермортон-парка и увидел, как Странная Птица промелькнула на миг над его головой и скрылась в одном из туманных просветов между буками. Цвета крыльев он не разглядел и только мог засвидетельствовать, что ноги птицы, голенастые длинные ноги, были розовы и голы - точно нагое тело, а туловище белое в крапинку. Она стрелой прорезала воздух и исчезла.

Таковы сообщения о Странной Птице первых трех очевидцев.

Однако в наши дни не может человек струхнуть перед дьяволом и собственными своими грехами или увидеть при свете зари радужные крылья - и после ничего об этом не рассказывать. Молодой конторщик нотариуса рассказал за завтраком о чуде сестре и матери, а после, когда шел на свою службу в Порт-Бердок, говорил о нем в дороге с хэммерпондским кузнецом и все утро, забросив переписку дел, судачил с другими конторщиками. А Сэнди Брайт пошел обсудить случившееся мистером Джекилем, проповедником-примитивистом <примитивизм - одно из разветвлений баптизма>, пахарь же рассказал старому Хью, а позже еще и викарию <викарием в Англии именуется обычно приходский священник, получающий содержание от светского землевладельца> Сиддермортонского прихода.

- Здешний народ не склонен к фантазиям, - сказал Викарий. - Хотел бы я знать, что в этом рассказе правда? Если отбросить, что крылья показались ему коричневыми, можно бы подумать, что это был фламинго.

ОХОТА НА СТРАННУЮ ПТИЦУ

Викарий Сиддермортонского прихода (что в девяти милях по птичьему полету в глубь страны от Сиддермута) был орнитологом. Холостой человек его положения почти неизбежно должен пристраститься к тому или другому занятию этого рода - ботанике, собиранию древностей, фольклору. Он увлекался еще и геометрией и от случая к случаю предлагал "Педагогическому вестнику" какую-нибудь неразрешимую задачу, но его коньком была орнитология. Он уже добавил двух залетных гостей к списку редких для Британии птиц. Имя его не раз появлялось на страницах "Зоолога" (хотя сейчас, боюсь, оно уже забыто, жизнь так быстро шагает вперед!). Назавтра после появления Странной Птицы к нему один за другим пришли двое и в подкрепление рассказа батрака - хотя прямой связи тут и не было - поведали о сиянии над Сиддерфордской пустошью.

У Сиддермортонского викария было в его научных занятиях два соперника:

Галли из Сиддертона - тот, что воочию видел сияние (это он послал в "Природу" его зарисовку), и Борленд, купец, увлекавшийся естественной историей и державший в Порт-Бердоке магазин "Диковинки моря". Борленду, полагал викарий, надо бы держаться своих головоногих, а он зачем-то нанял чучельника и, пользуясь преимуществом приморского жителя, ловил редких морских птиц. Каждый, кто знает, что такое коллекционер, мог не сомневаться, что и суток не пройдет, как оба эти человека кинутся обрыскивать местность в погоне за необычайной гостью.

Викарий сидел у себя в кабинете и уставил глаза в корешок книги Сондерса "Птицы Британии". Уже в двух местах там значилось: "Единственная известная в Англии особь представлена в частном собрании преподобного К.Хильера, викария прихода Сиддермортон". Третье такое примечание! Вряд ли кто другой из коллекционеров может похвалиться подобным успехом.

Викарий посмотрел на часы - ровно два. Он недавно откушал и обычно в этот час - после второго завтрака - "предавался отдохновению". Он знал, что если сейчас пройдет по солнцепеку, это плохо скажется на самочувствии - появятся

боль в затылке и общая слабость. Но Галли уже, наверно, не зевает, вышел давно на охоту! Что, если птица весьма примечательная и достанется Галли?

Ружье стояло в углу. (Радужные крылья и розовые ноги! Несообразность окраски - вот что сильнее всего разжигало любопытство!) Он взял ружье.

Он думал выйти через стеклянную дверь на веранду, спуститься в сад и оттуда выбраться на верхнюю дорогу, чтобы не попасться на глаза своей экономке. Он знал, что та не одобряла его охотничьи прогулки. Но садом прямо на него шла жена его помощника и две ее дочери - все три с теннисными ракетками в руках. Жена его помощника была молодая особа непреклонной воли. Она преспокойно играла в теннис на лужайке перед его верандой, срезала его розы, расходилась с ним по богословским вопросам и во всеуслышание осуждала его поведение в частной жизни. Он пребывал в малодушном страхе перед ней, всегда старался ее умиловить. Но поступиться своею страстью к орнитологии - это уж слишком!

Словом, он вышел через парадное.

Если бы не коллекционеры, Англия, можно сказать, была бы полным-полна редких птиц, чудесных бабочек, странных цветков и тысячи интересных вещей.

Но коллекционер благополучно предотвращает это, либо все истребляя своей рукой, либо же уплачивая сумасшедшие деньги и тем самым толкая людей низших сословий на истребление всего, что появится необычайного. Этим он заодно обеспечивает людям работу - наперекор всяким парламентским актам.

Таким путем он, например, уничтожает корнуэльскую розовоклювую галку, батскую белую бабочку, пятнистую лилию "испанская королева" и может приписать себе честь окончательного истребления бескрылой гагарки, как и сотни других редких птиц, растений, насекомых. Все это прямая заслуга коллекционера и совершена им одним. Во имя науки! И это правильно, это так и должно быть; в самом деле, все необычное безнравственно (подумайте хорошенько - и вы сами придете к этой мысли), равно как необычный образ мысли есть безумие. (Попробуйте подыскать иное определение, пригодное для всех случаев как того, так и другого.) А если разновидность встречается редко, то отсюда следует, что она не приспособлена к жизни. Коллекционер, по сути дела, лишь солдат-пехотинец в дни, когда главенствует тяжелое оружие: он предоставляет сражающимся делать свое дело, а сам прирезывает сраженных. Итак, можно летней порой пройти из конца в конец всю Англию и увидеть только девяносто видов самых обычных полевых цветов и еще более обычных бабочек да дюжину обычных птиц, и ни разу не столкнуться с оскорбительным нарушением однообразия - не вспыхнет на ветке странный цветок, не встрепетается незнакомое крыло. Все лишнее забрано в коллекции многие годы назад. По сей причине мы все должны любить коллекционеров и свято помнить, когда они нам демонстрируют свои домашние коллекции, чем мы им обязаны. Эти их пропахшие камфарой маленькие ящики, их стеклянные витринки и альбомы из промокательной бумаги не что иное, как могилы Редкого и Прекрасного, символы Торжества Досуга (благодаря проведенного!) над Радостями Жизни. (Впрочем,

это все, как вы справедливо можете заметить, не имеет никакого касательства к Странной Птице.).

Есть среди пустоши место, где между кочками влажного мха посверкивает черная вода и волосатая росянка (пожирательница беспечных насекомых) протягивает свои голодные окровавленные руки к богу, который отдает одни свои творения на пропитание другим. По кромке болотца растут березы с серебряной корой, и светлая зелень лиственницы мешается с темной зеленью ели. Туда-то под медовое жужжание вереска и пришел Викарий в полуденный зной, неся ружье под мышкой, ружье, заряженное крупной дробью в расчете на Странную Птицу. А в свободной руке он держал носовой платок, которым поминутно отирал с лица бисеринки пота.

Он прошел бережком мимо большого пруда, мимо заводи, полной бурых листьев, где берет свое начало Сиддер, и по дорожке (сперва песчаной, потом меловой) вышел к калитке, ведущей в парк. К калитке нужно подняться на семь ступенек, а затем, по ту сторону, спуститься на шесть. Это устроено так с той целью, чтобы не могли убежать олени. И когда Викарий остановился в проходе, его голова возвышалась над землей футов на десять, если не больше. И вот, скосив глаза туда, где заросли папоротника-орляка заполняли просвет между двумя купами старых буков, он углядел что-то многоцветное, то взвивавшееся, то исчезающее. Лоб у него взмок, мускулы напряжились; он втянул голову в плечи, стиснул в руках ружье и застыл на месте. Потом, не отводя глаз, он спустился по ступенькам в парк и, все еще держа в обеих руках ружье, не пошел, а скорее пополз к той заросли орляка.

Ничто не шевельнулось, и он уже начал было опасаться, что его обманули глаза. Он подошел к папоротнику вплотную и под шумный шелест залез в него чуть не по плечи. Тут что-то переливавшееся разными цветами взвилось прямо перед ним, ярдах в двадцати, не больше, и забило в воздухе. Миг - и оно повисло над папоротником на полном развороте крыльев. Он увидел, что это такое, у него перехватило дыхание, и - от неожиданности и по привычке - он нажал курок.

Раздался крик нечеловеческой муки, крылья дважды всплеснули в воздухе, и жертва быстро по косою слетела вниз и хлопнулась наземь, на зеленый косогор за буками, - куча корчащегося тела, сломанных крыльев и разлетающихся окровавленных перьев.

Викарий стоял в ужасе, сжимая в руке дымящееся ружье. Это была вовсе не птица, а юноша с необычайно красивым лицом, одетый в шафрановую ризу и с радужными крыльями, по перьям которых широкие волны тонов - вспышки пурпурного и багряного, золотисто-зеленого и ярко-голубого - накатывались волна на волну, пока он бился в агонии. Никогда еще Викарий не видел такого роскошного разлива красок: ни окна с многоцветными стеклами, ни крылья бабочек, ни даже великолепие разглядываемых через призму кристаллов - никакие цвета на земле не могли с этим сравниться. Ангел дважды поднимался,

но лишь затем, чтобы тут же снова повалиться на бок. Потом биение крыльев затихло, испуганное лицо стало бледным, переливы красок потускнели, и вдруг он, рыдая, распластался на земле, и переменчивые цвета сломанных крыльев быстро угасли, слившись в однородный тускло-серый цвет.

- О, что со мной случилось? - вскричал Ангел (потому что это был Ангел) и затрясся в судороге, вцепившись в землю вытянутой рукой; потом затих.

- Боже! - сказал Викарий. - У меня и в мыслях не было... - Он осторожно подошел поближе. - Извините меня, - сказал он, - боюсь, я вас подстрелил.

Это было лишь утверждением очевидного.

Ангел, казалось, только сейчас заметил его присутствие. Он приподнялся, опершись на одну руку, и карими своими глазами посмотрел Викарию в глаза.

Затем, подавив стон и прикусив нижнюю губу, он через силу приподнялся и сидя оглядел Викария с головы до ног.

- Человек! - сказал Ангел, зажав виски ладонями. - Человек в нелепейшей черной одежде и без единого перышка. Значит, я не обманулся. Я в самом деле попал в Край Сновидений!

ВИКАРИЙ И АНГЕЛ

Есть вещи явно невозможные. Эту ситуацию даже самый слабый интеллект признает невозможной. То же, верно, скажет о ней и "Атенеум", если удостоит нашу повесть рецензией. Папоротник в брызгах солнечного света, развесистые буки. Викарий и ружье, в общем, приемлемы. Другое дело Ангел!

Любой здравомыслящий человек вряд ли станет читать дальше такую сумасбродную книгу. Викарий и сам вполне оценил всю немыслимость положения. Но у него не хватило решимости. Вследствие этого он, как вы сейчас узнаете, не отринул немыслимое. Он разомлел, он плотно перед тем позавтракал, он не был настроен вдаваться в тонкие умствования. Ангел захватил его врасплох, а дальше сбил его с толку сперва неуместным радужным свечением, а затем сильным трепетом крыльев. Викарию поначалу не пришло на ум спросить себя, возможен ли Ангел или нет. В тот первый миг растерянности он его принял - и беда свершилась. Поставьте себя на его место, мой уважаемый "Атенеум". Вы пошли на охоту. Вы кого-то подстрелили.

Уже это одно должно привести вас в расстройство. Вы видите, что подстрелили Ангела и он минуту бьется на земле, потом, приподнявшись, заводит разговор. Он не извиняется за свою немыслимость. Напротив, он перекладывает вину на вас. "Человек! - говорит он, тыча пальцем. - Человек в нелепейшей черной одежде и без единого перышка. Значит, я не обманулся.

Я в самом деле попал в Край Сновидений!" Вы просто должны ответить. Если только вы не дали стрелача. Или должны разmozжить ему череп вторым зарядом, чтобы избежать объяснений.

- В Край Сновидений! Извините меня, если я осмелюсь высказать предположение, что вы сами явились оттуда, - заметил Викарий.

- Как это может быть? - сказал Ангел.

- У вас из крыла сочится кровь, - сказал Викарий. - Прежде чем продолжать разговор, доставьте мне такое удовольствие... печальное удовольствие... и разрешите мне его перевязать. Я, право же, искренне сожалею... - Ангел закинул руку за спину и передернулся от боли.

Викарий помог своей жертве встать на ноги. Ангел послушно повернулся, и Викарий, с охами и вздохами, внимательно осмотрел пораненные крылья. Он не без любопытства обнаружил, что они сочленяются с верхним внешним краем лопаток, образуя как бы дополнительные плечевые суставы. Левое крыло почти не пострадало - только оказались выбиты два-три правильных пера да парочка дробинок застряла в *ala spuria* <в ложном плече (лат.)>; но в правом была, по-видимому, перебита кость. Викарий, как умел, остановил кровотечение и подвязал крыло, используя вместо бинта свой носовой платок и кашне, которое экономка заставляла его носить во всякую погоду.

- Боюсь, некоторое время вы не сможете летать, - сказал он, ощупывая кость.

- Мне не нравится это новое ощущение, - сказал Ангел.

- Эта боль при ощупывании кости?

- Как вы сказали? - спросил Ангел.

- Боль.

- Боль! Вы называете это "болью". Да, боль мне решительно не нравится...

Много ее у вас, этой боли, в Краю Сновидений?

- Увы, немало, - сказал Викарий. - Для вас она внове?

- Совершенно внове, - сказал Ангел. - Она мне не нравится.

- Занятно! - сказал Викарий и для крепости прикусил узел зубами. - Полагаю, как временная перевязка это сойдет, - сказал он. - Я в свое время обучался оказывать первую медицинскую помощь, но меня не учили накладывать повязку на крыло. Боль не стала легче?

- Сперва жгло огнем, а теперь печет, - сказал Ангел.

- Боюсь, печь будет еще довольно долго, - заметил Викарий, все еще занимаясь раной.

Ангел пожал левым крылом и круто повернулся, чтобы еще раз посмотреть на Викария. Он, пока шел разговор, все пытался поглядеть на собеседника через плечо. Подняв брови, он оглядел его с головы до ног, и улыбка широко разлилась по его красивому, с нежными чертами лицу.

- Невероятно! - сказал он, мило усмехнувшись. - Разговаривать с человеком!

- Знаете, - сказал Викарий, - сейчас, когда я об этом думаю, мне равным образом кажется невероятным, что я разговариваю с Ангелом. Я привык трезво смотреть на вещи. Викарию иначе и нельзя. Ангелов я всегда мыслил как некое художественное понятие...

- Мы точно так же мыслим о людях...

- Но вы же видели столько людей...

- До этого дня ни одного. То есть на картинах и в книгах, конечно, сколько угодно. А сегодня с восхода солнца я видел уже немало настоящих, осязаемых людей и видел, кроме того, двух-трех коней - знаете, такие странные четвероногие, немного похожие на обычного единорога, только безрогого; и еще целый сонм уродливых, угловатых созданий, называемых "коровами". Я, понятно,

слегка испугался при виде такого множества мифических чудищ и забрался сюда, чтобы спрятаться до темноты. Я полагаю, что немного погодя станет опять темно, как было вначале. Фу! С этой вашей болью шутки плохи. Хорошо бы поскорей проснуться.

- Мне что-то невдомек, - пробормотал Викарий, сдвинув брови и хлопнув себя ладонью по лбу. - "Мифическое чудище"! - Наихудшим ругательством, примененным к нему за долгие годы (неким сторонником отделения церкви от государства), было "пережиток средневековья". - Так ли я вас понял? Вы меня считаете чем-то... чем-то, что вам снится?

- Разумеется, - сказал с улыбкой Ангел.

- И весь мир вокруг меня, эти корявые деревья и разлапистые папоротники...

- Все это очень похоже на сон, - сказал Ангел. - Ну совсем такое, как может привидеться кому-нибудь во сне... или родиться в воображении художника.

- Так у вас есть среди ангелов художники?

- Художники всех разборов, ангелы с чудесным воображением - они изобретают людей, и коров, и орлов, и тысячи невозможных существ.

- Невозможных существ! - повторил Викарий.

- Невозможных существ, - сказал Ангел. - Мифических.

- Но я-то реален! - провозгласил Викарий. - Уверяю вас, вполне реален.

Ангел пожал крылами и, вздрогнув от боли, улыбнулся.

- Я всегда могу отличить, снится ли мне что или я вижу это наяву, - сказал он.

- Вам и снится! - Викарий посмотрел по сторонам. - Вам снится! - повторил он.

- У меня помутилось в голове.

Он протянул руку, вперед, шевеля всеми пальцами.

- Ага! - сказал он. - Кажется, я что-то себе уяснил. - Его и в самом деле осенила блестящая мысль. В конце концов он недаром изучал в Кембридже математику. - Попрошу вас: назовите мне несколько животных вашего мира...

Реального мира, известных вам реальных животных.

- Реальных животных! - улыбнулся Ангел. - Что ж, есть у нас грифы и драконы... есть джаббервоки и... херувимы... и сфинксы и... гиппогрифы... и морские девы... и сатиры... и...

- Благодарю, - перебил Викарий, когда Ангел, казалось, только вошел во вкус. - Благодарю. Вполне достаточно. Я начинаю понимать.

Секунду он молчал, наморщив лоб.

- Да... Теперь я вижу.

- Что вы видите? - спросил Ангел.

- Грифы, сатиры и так далее. Ясно, как...

- А я их не вижу, - сказал Ангел.

- Нет, конечно. Все дело в том, что в этом мире их и не увидишь. Но наши люди с воображением, знаете ли, все нам о них рассказали. И даже мне иногда (здесь в деревне есть такие места, где вы просто должны все принимать так, как вам предлагают, а если нет, то это сочтут за обиду), даже мне, скажу вам, снились они не раз - джаббервоки, оборотни, мандрагоры... С нашей точки зрения, знаете ли, они создания из мира снов.

- Из мира снов! - молвил Ангел. - Как странно. Какой необычайный, удивительный сон! Все навыворот. Людей вы называете реальностью, ангелов - мифом. Это наводит на мысль, что каким-то образом должны существовать два мира...

- По меньшей мере два, - вставил Викарий.

- ...Которые лежат совсем близко друг от друга и при этом все же не подозревая...

- Близко, как в книге страница к странице.

- ...Проникая друг в друга, но живя каждый своею жизнью. Сон поистине упоительный!

- Да... А нам и во сне не снилось... То есть снилось только во сне!

- Да, - сказал Ангел задумчиво. - Так оно, верно, и есть - что-нибудь в этом роде. Мне теперь припоминается: иной раз, когда я засыпаю или когда задремываю под полуденным солнцем, мне вдруг привидятся странные помятые лица, вроде вашего, и деревья с зелеными листьями на ветвях, и вот такая несуразная, неровная земля, как здесь... Так оно, верно, и есть. Я упал в другой мир.

- Иногда, лежа в постели, - начал Викарий, - уже в полусне, я, случается, вижу лицо, такое же красивое, как ваше, и странную ослепительную панораму, чудесные картины, проплывающие мимо, парящие над ними крылатые тела, расхаживающие взад и вперед дивные - а иной раз и грозные - образы. И мне даже слышалась порой звучащая в моих ушах сладостная музыка... Возможно, когда наше внимание отвлечено от чувственного мира, от давящего на нас окружающего мира, - например, когда мы переходим в сумрак отдыха, то другие меры... Совсем как со звездами: звезды, эти иные миры в пространстве, мы видим, когда отступает сияние дня... Художники-сновидцы, те видят подобные вещи более явственно...

Они посмотрели друг на друга.

- И я каким-то непостижимым образом упал из своего родного мира в этот ваш мир! - сказал Ангел. - В мир моих снов, ставших явью. - Он посмотрел вокруг. - В мир моих снов.

- Умопомрачительна - сказал Викарий. - Это, пожалуй, наводит на мысль, что (гм-гм), что четвертое измерение все-таки существует. В каком случае, разумеется, - продолжал он с жаром, так как любил геометрические умозрения и даже несколько гордился своими познаниями в этой области, - можно мыслить любое число трехмерных миров: они существуют бок о бок, и каждый для другого - только смутный сон. Нагромождены мир на мир, вселенная на вселенную! Это вполне возможно. Нет ничего невероятнее абсолютно возможного! Но удивительно, как же это выпали вы из вашего мира в мой...

- Быть не может! - сказал Ангел. - Олень и лани! Совсем, как их рисуют на гербах. Но как все это дико! Неужели я и вправду не сплю?

Он протер глаза крепко сжатыми кулаками.

Шесть или семь пятнистых оленей прошли вереницей наискось через строй деревьев и остановились, приглядываясь. - Нет, это не сон, - сказал Ангел.

- Я в самом деле подлинный, осязаемый ангел; ангел в Краю Сновидений.

Он рассмеялся. Викарий стоял, рассматривая его. Его преподобие скривил по своему обычаю рот и медленно поглаживал подбородок. Он спрашивал себя, не попал ли и он в Страну Снов.

В стране ангелов, как узнал Викарий из дальнейших разговоров, нет ни боли, ни горести, ни смерти, нет женитьб и сватовства, рождения и забвения. Только временами возникают новые предметы. Это земля без холмов и долин, дивно ровная земля, где мерцают странные строения, где непрестанно светит солнце или полный месяц и непрестанно веют тихие ветры сквозь узорные сплетения ветвей, играя на них, как на эоловых арфах. Это Страна Чудес, где в небе парят сверкающие моря с плывущими по ним неведомо куда караванами странных судов. Там цветы пламенеют в небе, а звезды горят под ногами, и там дыхание жизни - услада. Земля уходит в бесконечность, - там нет ни солнечной системы, ни межзвездного пространства, как в нашей вселенной, - и воздух возносится ввысь мимо солнца в самую дальнюю бездну неба. И там все сплошь одна Красота. Вся красота наших пластических искусств - только беспомощная передача того, что смутно улавливает глаз, мельком заглянув в тот чудесный мир; а наши композиторы, самые своеобразные из наших композиторов - это те, кто слышит, хоть и еле-еле, прах мелодий, разносимый ветрами той страны. И всюду там расхаживают ангелы и дивные дива из бронзы, мрамора и живого огня.

Это Страна Закона - ибо там у них, что ни возьми, все подчинено закону, - но их законы все как-то странно отличны от наших. Их геометрия отличается, потому что пространство у них имеет кривизну, так что всякая плоскость у них представляет собою цилиндр; и закон тяготения у них не согласуется с законом обратных квадратов, а основных цветов у них не три, а двадцать четыре. Фантастические, по понятиям нашей науки, вещи там зачастую - нечто само собой ясное, а вся наша земная наука показалась бы там бредом сумасшедшего. Так, например, на растениях нет цветков - вместо них бьют струи разноцветных огней. Вам это, конечно, покажется бессмыслицей, потому что вы не понимаете. Да и то сказать, большую часть того, что сообщил Ангел, Викарий не мог себе представить, ибо его личный опыт, ограниченный нашим материальным миром, жестоко спорил с его разумом.

Это все было слишком странно и потому невообразимо.

Что столкнуло два эти мира-близнеца таким образом, что Ангел вдруг упал в Сиддерфорд, ни Ангел, ни Викарий не могли бы сказать. Не ответит на сей вопрос и автор настоящей повести. Автора занимают только связанные с этим случаем факты, но объяснять их он не расположен, считая себя недостаточно компетентным. Объяснения - это ошибка, в которую склонен впадать век науки. Существенным фактом в данном случае явилось то, что в Сиддермортон-парке 4 августа 1895 года в отблеске славы одного из чудесных миров, где нет ни печали, ни горестей, и все еще верный ему, стоял Ангел, светлый и прекрасный, и вел разговор с Викарием прихода Сиддермортон о множественности миров. В том, что Ангел был ангелом, автор готов, если надо, дать присягу - но и только.

- У меня появилось, - сказал Ангел, - какое-то крайне непривычное ощущение - вот здесь. Оно у меня с восхода солнца. Я не помню, чтобы раньше у меня вообще бывали здесь какие-либо ощущения.

- Не боль, надеюсь? - спросил Викарий.

- О нет! Оно совсем другое, чем боль, - что-то вроде ощущения пустоты.

- Может быть, разница в атмосферном давлении... - начал Викарий, потирая подбородок.

- И знаете, у меня еще какое-то совсем особенное чувство во рту, - мне как бы... так нелепо!.. как бы хочется что-нибудь в него запихать.

- Ну да! - спохватился Викарий. - Понятно! Вы голодны.

- Голоден? - повторил Ангел. - А что это значит?

- У вас там не надо есть?

- Есть? Слово вовсе для меня незнакомое.

- Класть, понимаете, пищу в рот. Здесь иначе нельзя. Вы скоро научитесь. Если не есть, то становишься худым и несчастным, страдаешь от... от сильной... ну, понимаете... боли, и в конце концов ты должен умереть.

- Умереть! - сказал Ангел. - Еще одно непонятное слово.

- Здесь оно понятно каждому. Это значит, знаете, отбыть, - сказал Викарий.

- Мы никогда не отбываем, - возразил Ангел.

- Вы не знаете, что вас может постичь в этом мире, - начал Викарий и призадумался. - Если вы ощущаете голод и способны чувствовать боль и если у вас перебито крыло, то не исключено, что вы можете и умереть, прежде чем выберетесь отсюда. На всякий случай вам, пожалуй, неплохо бы поесть. Я бы, например... гм-гм! Есть много вещей, куда более неприятных.

- Наверное, - сказал Ангел, - мне и впрямь нужно есть. Если это не слишком трудно. Не нравится мне ваша "боль" и не нравится ваше "голоден".

Если ваше "умереть" в том же роде, я предпочту есть. Какой странный, несуразный мир!

- Обычно считается, что "умереть" хуже, чем "боль" и "голод"... А впрочем, как когда.

- Вы все это должны будете объяснить мне позже, - сказал Ангел. - Если я не проснусь. А сейчас, пожалуйста, покажите мне, как надо есть. Если вы не против. Я чувствую как бы настоящую потребность...

- Ах, извините, - спохватился Викарий и предложил ему руку. - Вы мне доставите большое удовольствие, если будете моим гостем. Дом мой не так далеко отсюда - мили две, не больше.

- Ваш дом? - сказал Ангел, немного озадаченный, но все же он с признательностью взял Викария под руку, и они, беседуя на ходу, медленно прошли сквозь буйные заросли орляка, испятнанного солнцем, через листву деревьев, перебрались дальше по ступенькам, за ограду парка и, сделав милую с лишним по вереску под жужжание пчел, спустились с холма к дому.

Вы пленились бы этой четой, когда могли бы их видеть в тот час. Ангел - стройный и невысокий, едва пяти футов ростом, с красивым, немного женственным лицом, каким бы мог написать его старый итальянский мастер (есть в Национальной галерее холст неизвестного художника "Товий и Ангел"

- так Ангел там очень на него похож, те же черты, та же одухотворенность).

На нем была только затканная пурпуром шафрановая рубашка, не прикрывавшая голых колен, ноги босы, крылья (перебитые теперь и свинцово-серые) сложены за спиной. Викарий - приземистый, изрядно толстый, краснощекий, рыжий, чисто выбритый и с ясными рыжевато-кариими глазами. На нем была крапчатая соломенная шляпа с черной лентой, весьма благопристойный белый галстук, часы на изящной золотой цепочке. Он был так занят своим спутником, что только когда показался в виду церковный дом, вспомнил, что его ружье осталось лежать, где он его выронил, - в заросли орляка.

Зато он был рад узнать, что боль в перевязанном крыле становится все легче и легче.

ОТСТУПЛЕНИЕ ОБ АНГЕЛАХ

Скажем начистоту: Ангел в нашей повести - это ангел художника, а не тот ангел, коснуться которого было бы нечестием, - не ангел религиозного чувства и не ангел народной веры. Последний всем нам знаком. Он - или, верней, она - одна среди ангельского сонма отчетливо отмечена женскими чертами: она носит платье безупречной, незапятнанной белизны, с широкими рукавами, и она блондинка - у нее длинные золотые кудри, и глаза небесно-голубые. Она чистейшая женщина - чистейшая дева или чистейшая матрона - в *robe de nuit* <ночная рубашка (франц.)> с прикрепленными к лопаткам крыльями. Ее призвание - добрые домашние дела: она склоняется над колыбелью или помогает вознестись на небо какой-нибудь родственной душе.

Нередко она держит в руке пальмовую ветвь, но никто б не удивился, встретив ее заботливо несущей грелку какому-нибудь бедному зябкому грешнику. Это она в "Лицеуме" среди сонма подруг слетает в тюрьму к Маргарите в исправленной последней сцене "Фауста"; и примерным мальчикам и девочкам, которым суждена ранняя смерть, являются такие ангелы в романах госпожи Генри Вуд. Эта беленькая женственность с присущим ей неопишуемым очарованием отдающего лавандой благочестия, с ее ароматом целомудренной и правильной жизни, есть, по всей видимости, чисто тевтонское изобретение.

Латинская мысль ее не знает. У старых мастеров вы ее не найдете. Она сопричастна той милой наивной, дамской школе искусства, для которой величайшая победа - "слеза умиления" и в которой нет места остроумию и страсти, презрению и пышности. Белый ангел изготовлен в Германии, в стране белокурых женщин и семейственной сентиментальности. Он... то есть она, приходит к нам холодная и благоговеющая, чистая и невозмутимая, молчаливо-успокоительная, как ширь и тишина звездного неба, тоже несказанно дорогого тевтонской душе... Мы ее почитаем. И ангелов древних евреев, духов могучих и

таинственных, - Рафаила, Задкиила и Михаила, чью тень уловил один лишь Уаттс, чей блеск увидел один лишь Блейк, - их мы тоже истинно почитаем.

Но Ангел, которого подстрелил Викарий, он совсем не тот, - не ангел итальянского искусства, многоцветный и веселый. Он пришел не из какого-нибудь святого места, а из Страны Прекрасных Сновидений. В лучшем случае, он создание римско-католическое. А потому отнеситесь терпимо к его потрепанному оперению и не спешите с обвинением в нечестии, пока не дочитаете повесть до конца.

В ЦЕРКОВНОМ ДОМЕ

Жена его помощника с двумя своими дочерьми и миссис Джехорем еще играли в теннис на лужайке перед окнами викариева кабинета, играли с жаром, болтая о выкройках для блузок. Но Викарий забыл о дамах и направился домой через сад.

Дамы увидели шляпу Викария над рододендронами, а рядом с ней чью-то непокрытую кудрявую голову.

- Я должна поговорить с ним о Сьюзен Уиггин, - сказала жена его помощника. Она приготовилась к подаче и стояла с ракеткой в правой руке и мячом между пальцами левой. - Он просто должен - должен как викарий навестить ее. Он, а не Джордж. Я уже... Ах!

Та чета вдруг обогнула угол и показалась на виду. Викарий под руку с...

Понимаете, для милой дамы это было, как гром среди ясного неба. Ангел был обращен к ней лицом, так что крыльев она не увидела - только лицо неземной красоты в нимбе каштановых волос и грациозную фигуру, облаченную в шафрановую тунику, едва доходившую до колен. Мысль об этих коленях вдруг пронзила и Викария. Он тоже был поражен ужасом. Как и две девицы, как и миссис Джехорем. Все пятеро были поражены ужасом. Ангел в удивлении смотрел на группу пораженных. Видите ли, он никогда до тех пор не видел никого, пораженного ужасом.

- Ми-ис-тер Хильер, - сказала жена его помощника. - Это уж чересчур! - Минуту она стояла, онемев. - О-о!

Она резко повернулась к окаменевшим девицам.

- Идемте! - Викарий открывал и закрывал безголосый рот. Мир вокруг него загудел и завертелся волчком. Взметнулся водоворот воздушных юбок, четыре дышащих негодованием лица проплыли в открытую дверь коридора, проходившего насквозь через весь дом. Викарий почувствовал, что с ними вместе уплывает его доброе имя.

- Миссис Мендхем, - заговорил он, рванувшись за ними. - Миссис Мендхем! Вы не понимаете...

- О-о! - хором простонали они снова.

Одна, две, три, четыре юбки скрылись в дверях. Викарий прошел, шатаясь, до середины лужайки и обмер.

- Вот что получается, - донесся до него голос миссис Мендхем из глубины коридора, - когда в приходе неженатый викарий... - Закачалась подставка для зонтов. Парадная дверь произвела четыре быстрых выстрела. Наступила тишина.

- Я должен был это предусмотреть, - сказал Викарий. - Она всегда излишне спешит.

Он по привычке поднес руку к подбородку. Потом повернулся к спутнику.

Ангел был, как видно, хорошо воспитан. Он взял с плетеного кресла яркий зонтик миссис Джахорем, забытый ею впопыхах, и с глубочайшим интересом изучал его. Он его раскрыл.

- Какой забавный аппаратик! - заметил он. - Для чего он?

Викарий не ответил. Ангел был одет, несомненно... - Викарий знал, что тут был уместен какой-то французский оборот, но выпало из памяти, какой.

Он так редко прибегал к французскому языку. Не "de trop" <чересчур (франц.)> - это он помнил. Что хотите, только не de trop. Ангел сам был de trop, но никак не его костюм. Ага! Sans culotte! <букв. "без штанов"

(франц.)> Викарий сейчас впервые посмотрел на гостя критическим взглядом. - Да, трудно будет объяснить, - тихо укорил он самого себя.

Ангел воткнул зонтик в дерн и подошел понюхать душистый шиповник. На ярком солнечном свете его каштановые волосы походили сейчас на нимб. Он уколол палец.

- Странно! - сказал он. - Опять боль.

- Да, - сказал Викарий, размышляя вслух. - Он очень красив, и он интересней такой, как есть. Таким он мне нравится куда больше. Но боюсь, без этого нельзя!

Нервно кашлянув, он подступил к Ангелу.

- Это, - сказал Викарий, - были дамы.

- Какая нелепость! - отозвался Ангел, улыбаясь и нюхая шиповник. - И какие причудливые формы.

- Пожалуй, - сказал Викарий. - Вы заметили... гм!.. как они себя повели?

- Они ушли. Мне даже показалось - убежали. Испугались? Я-то, понятно, испугался бескрылых созданий. Надеюсь... их не крылья мои испугали?

- Весь ваш вид в целом, - сказал Викарий и невольно покосился на розовые ноги.

- Вот как. Мне и в голову не приходило. Разумеется, я им показался так же странен, как вы мне. - Он глянул вниз. - И мои ступни. У вас-то копыта, как у гиппогрифа.

- Башмаки, - поправил Викарий.

- У вас это зовется "башмаки"? Все равно, мне жаль, что я их спугнул...

- Видите ли, - начал Викарий, поглаживая подбородок, - у наших дам, гм, особые... не совсем артистические взгляды относительно, гм, одежды. В вашем туалете вы, я опасаясь, серьезно опасаясь, что... как он ни красив, ваш костюм, вы... окажетесь в обществе, гм, несколько обособленным. У нас есть поговорка: "Пришел в Рим, так веди себя, гм, римлянином". Поверьте мне, если вы намерены... гм, общаться с нами во время... вашего невольного пребывания...

Ангел отступил на шаг и на другой, между тем как Викарий надвигался на него ближе и ближе в своем старании показать себя хорошим дипломатом и принять доверительный тон. На красивом лице гостя отразилась растерянность.

- Я не совсем понимаю, почему вы все время производите горлом эти шумы? Это связано с "умереть" или "есть" или с чем-то еще из этих ваших?..

- Как ваш хозяин, я... - перебил Викарий и запнулся.

- Как мой хозяин... - повторил за ним Ангел.

- Вы не откажетесь временно, пока мы не приспособим для вас что-нибудь более постоянное, надеть, гм, костюм - совсем новый, уверяю вас... такой, как на мне?

- О! - воскликнул Ангел. Он отступил подальше, чтобы оглядеть Викария с ног до головы. - Носить одежды такие, как на вас! - сказал он. Это и озадачило его и позабавило. Глаза его стали круглыми и яркими, в уголках рта заиграла морщинка.

- Чудесно! - сказал он и захлопал в ладоши. - Какой, однако, странный, сумасшедший сон! Где они, эти одежды? - Он схватился за вырез своей шафрановой ризы.

- Дома! - остановил его Викарий. - Пожалуйста за мной. Переоденемся... дома.

Так Ангел был облачен в панталоны своего хозяина, рубашку, разрезанную вдоль спины (чтобы удобней устроить крылья), носки и туфли - парадные туфли Викария, воротник с галстуком и летний долгополый сюртук. Но когда надевали сюртук, снова дала себя знать боль, и это напомнило Викарию, что повязка наложена временная.

- Я позвоню, чтобы чай подали сейчас же, и пошлю Груммета за Крумпом, - сказал Викарий. - А обедать будем пораньше.

Пока Викарий выкрикивал в пролет лестницы свои распоряжения, Ангел в полном восторге разглядывал себя в трюмо. Если боль была ему чужда, то, видно, не чуждым (из-за снов, быть может) оказалось ему наслаждение несообразным.

Чай они пили в гостиной. Ангел сидел на рояльном табурете (на рояльном - из-за крыльев). Сначала он захотел лечь на коврик перед камином. В платье Викария он выглядел далеко не таким лучезарным, как там, на пустоши, одетый в шафрановую ризу. Его лицо все еще сияло, цвет волос и румянец на щеках были необычайно яркие, и в глазах его горел сверхчеловеческий свет, но крылья под сюртуком создавали впечатление горба. Смена одежды делала его вполне земным существом, штаны на нем морщились поперечными складками, туфли были ему сильно велики.

Он был очаровательно любезен и совершенно несведущ в самых элементарных вещах, связанных с цивилизацией. Как едят, он усвоил без особого труда, но Викарий немало повеселился, обучая гостя пить чай.

- Сплошная нелепость, - сказал Ангел. - В каком вы живете милом, забавно-уродливом мире. Подумать только - набивать всякой всячиной рот! Мы

пользуемся ртом, только чтобы говорить и петь. Наш мир, знаете, неизлечимо красив. У нас так мало уродства, что мне все это кажется... восхитительным.

Миссис Хайниджер, экономка Викария, подавая чай, неодобрительно покосилась на Ангела. Она его зачислила в разряд "подозрительных просителей". Трудно сказать, кем бы она его посчитала, если бы увидела в шафрановом одеянии.

Ангел, шаркая ногами, прохаживался по комнате - чашка чая в одной руке, бутерброд в другой - и рассматривал мебель. За стеклянными дверьми, окаймляя лужайку, пламенели в жарком свете солнца подсолнух и георгины, а среди них огненным треугольником торчал зонтик миссис Джахорем. Очень смешным показался Ангелу портрет Викария над камином: непонятно было, зачем его туда повесили.

- Вы округлый, - заметил Ангел, кивнув на портрет. - Зачем вам нужен второй, плоский "вы"? - И его чрезвычайно позабавил зеркальный экран перед топкой камина. Дубовые стулья он нашел нелепыми.

- Вы же не прямоугольный, - сказал он, когда Викарий объяснил их назначение. - Мы никогда не складываемся пополам: мы, когда хотим отдохнуть, раскидываемся на асфоделях.

- Сказать по правде, - отвечал Викарий, - стулья всегда вызывали у меня недоумение. Их завели, мне думается, в те давние времена, когда полы были холодные и очень грязные. Я думаю, мы сохраняем их по привычке. У нас это стало как бы инстинктом - сидеть на стуле. Во всяком случае, если бы я зашел навестить одну из своих прихожанок и вдруг разлегся бы на полу, - казалось бы, самое естественное дело, - уж не знаю, как бы она поступила!

Во всяком случае, это мигом разнеслось бы по всему приходу. А между тем полулежачая поза представляется мне наиболее естественной для отдыха.

Греки и римляне...

- Что это такое? - перебил Ангел.

- Чучело зимородка. Я его убил.

- Убили!

- Подстрелил, - сказал Викарий. - Из ружья.

- Подстрелили! Как меня?

- Вас я, как видите, не убил. К счастью.

- Убивать - значит делать вот такое?

- Да, отчасти...

- Боже! И вы хотели сделать такое со мной, - хотели вставить мне стеклянные глаза и повесить меня в стеклянном ящике, заполненном чем-то очень некрасивым - зеленым и коричневым?

- Видите ли, - начал Викарий, - я ведь не сразу понял...

- Это и есть "умереть"? - вдруг спросил Ангел.

- Это мертвая птица. Она умерла.

- Бедненькая. Я должен побольше есть. Но вы сказали, что вы ее убили.

Почему?

- Видите ли, - начал Викарий, - я увлекаюсь птицами, и я их... гм... коллекционирую. У меня не доставало этой разновидности.

Ангел остановил на нем недоуменный взгляд.

- Такую красивую птицу, - сказал он, содрогнувшись. - Потому что вам так вздумалось! У вас недоставало разновидности!

Минуту он размышлял.

- Вы часто убиваете? - спросил он Викария.

МУЖ НАУКИ

Пришел доктор Крумп. Груммет повстречал его в каких-нибудь ста ярдах от ворот. Это был крупный, грузный человек, чисто выбритый и с двойным подбородком. На нем была серая визитка (он всегда отдавал предпочтение серому) и клетчатый черно-белый галстук.

- Ну-с, что у нас болит? - спросил он еще в дверях и без тени удивления посмотрел в лучезарное лицо Ангела.

- Этот, гм-гм, джентльмен, - сказал Викарий, - или... гм... Ангел (Ангел поклонился) - ранен пулей... Из охотничьего ружья.

- Из охотничьего? - сказал доктор Крумп. - В июле месяце! Могу я взглянуть на рану, мистер... Ангел, так как будто?

- Он, вероятно, сможет облегчить вам боль, - сказал Викарий. - Позвольте, я помогу вам снять сюртук.

Ангел послушно повернулся.

- Искривление позвоночника? - про себя, но достаточно громко бормотал доктор Крумп, обходя Ангела вокруг. - Нет! Аномальный нарост. Ух ты! Вот так штука! - Он ухватил левое крыло. - Очень любопытно, - сказал он. - Двойные передние конечности. Раздвоение клювообразного отростка лопатки.

Случай, конечно, возможный, но я с ним встречаюсь впервые. - Ангел дернулся под его ощупывающей рукой. - Плечо, предплечье - лучевая кость и локтевая. Все налицо. Несомненно, прирожденное. Перелом плеча. Любопытное изменение кожного покрова - перообразное. Ей-богу, почти крыло!

Представляет, верно, большой интерес для сравнительной анатомии. Никогда не видел ничего подобного!.. Как вы, однако, попали под выстрел, мистер Ангел?

Викарий был неприятно поражен грубым практицизмом врача.

- Наш друг! - Ангел кивнул на Викария.

- К несчастью, это дело моих рук, - сказал Викарий и вышел вперед, чтобы дать объяснение. - Я принял этого джентльмена - то есть Ангела (гм-гм) - за большую птицу...

- Вы приняли его за большую птицу! Что же будет дальше? Нам пора заняться вашими глазами, - сказал доктор Крумп. - Я вам и раньше это говорил. - Он продолжал выстукивать и прощупывать, отмечая такт хмыканьем и невнятным бурчанием... - А знаете - для дилетанта повязка сделана очень недурно. Я ее, пожалуй, оставлю, - сказал он. - Любопытное уродство! Вам это не доставляет неудобства, мистер Ангел?

Он неожиданно обошел кругом, чтобы заглянуть Ангелу в лицо.

Ангел подумал, что его опрашивают о ране.

- Да, некоторое, - сказал он.

- Если бы не кости, я посоветовал бы мазать йодом утром и на ночь. Йод - самое верное дело. Смазывать йодом, можно даже лицо сделать совсем плоским. Но костные наросты, разрастание костей, тут, понимаете, дело посложней. Я, конечно, мог бы спилить их. Однако второпях такая вещь не делается...

- Вы о моих крыльях? - Ангел встревожился.

- О крыльях? - сказал врач. - Зовите их, коль угодно, крыльями! О них - а то о чем же?

- Спилить их?! - воскликнул Ангел.

- Не согласны? Что ж, дело ваше. Я вам только могу посоветовать...

- Спилить крылья! Какое вы смешное создание! - Ангел рассмеялся.

- Как хотите, - сказал врач. Он не переносил людей, которые любят смеяться. - Очень любопытные наросты, - сказал он, обращаясь к Викарию. И к Ангелу:

- Хотя и неудобные. До сих пор я никогда не слышал о случаях такого полного удвоения - по крайней мере в животном мире. В растительном оно довольно обычно. В вашей семье это у вас одного? - Он не стал ждать ответа. - Частичное расщепление конечностей, такие случаи, мой милый Викарий, довольно обычны; знаете, шестипалые дети, телята о шести ногах или кошки с двойными пальцами. Разрешите, я вам помогу, - обратился он к Ангелу, который никак не мог управиться с сюртуком. - Но такое полное удвоение, да еще такое крылоподобное! Далеко не столь примечательно было бы, имей он попросту вторую пару рук.

Сюртук наконец надели. Врач и Ангел посмотрели друг на друга.

- Правда, - сказал доктор Крумп, - начинаешь понимать, как возник этот красивый миф об ангелах. Вид у вас несколько чахоточный, мистер Ангел, вас не лихорадит? Слишком яркий румянец - чуть ли не худший симптом, чем чрезмерная бледность. Любопытно, что ваша фамилия - Ангел. Я вам пришло жаропонижающее питье - на случай, если ночью появится жажда...

Он сделал пометку на манжете. Ангел следил за ним задумчиво, с засветившейся в глазах улыбкой.

- Одну минуту, Крумп, - сказал Викарий и, взяв доктора под руку, проводил его до дверей.

Улыбка Ангела засияла ярче. Он глянул вниз на свои обутые в черное ноги.

- Он положительно думает, что я человек! - сказал Ангел. - Как он отнесся к крыльям, меня просто поразило. Какое же он смешное создание!

Нет, сон и вправду необыкновенный!

- Вы не поняли, - шептал Викарий. - Он и есть ангел.

- Ш-ш-то-о? - чуть не, взвизгнул Доктор. Его брови поднялись, он улыбнулся.

- А крылья?

- Вещь вполне естественная, вполне... Небольшое отклонение от нормы.

- Вы уверены, что эти крылья естественны?

- Все, что существует, дорогой мой, естественно. Неестественного в мире не бывает. Если бы я думал, что бывает, я бросил бы практику и постригся в монахи. Бывают, конечно, аномалии. И даже...

- Но то, как я на него набрел... - начал Викарий.

- Да, расскажите мне, где вы его подобрали? - сказал Доктор. Он уселся в прихожей на столике.

Викарий начал, помявшись - он не был искусным рассказчиком, - со слухов о большой странной птице. Говорил он неуклюжими фразами (он хорошо знал своего епископа и, имея всегда перед глазами этот устрашающий пример, избегал приносить в повседневную речь тот стиль, которым пользовался в своих проповедях), и через каждые его три-четыре фразы Доктор слегка кивал головой и всасывал уголки губ, как бы разделяя рассказ на этапы и отмечая, что пока все в нем шло так, как и должно было идти. "Самовнушение", - пробурчал он раз.

- Извините? - переспросил Викарий.

- Ничего, - сказал Доктор. - Уверяю вас, ничего. Продолжайте, Так что же дальше? Это все чрезвычайно интересно.

Викарий рассказал, как он взял ружье и пошел на охоту.

- После дневного завтрака, так вы сказали? - перебил Доктор.

- Сразу после завтрака, - подтвердил Викарий.

- Этого, вы сами знаете, вам делать не следовало. Но прошу вас, продолжайте рассказ.

Он дошел до того, как, поднявшись к калитке, увидел Ангела.

- Стоя на солнцепеке, - ввернул Доктор. - В тени было двадцать шесть.

Когда Викарий кончил. Доктор сжал губы еще плотней, чем раньше, чуть улыбнулся и многозначительно посмотрел Викарию в глаза.

- Вы не... не думаете, - начал Викарий, запинаясь.

Доктор покачал головой. - Позвольте, - сказал он, взяв Викария за локоть.

- Вы выходите, - говорит он, - на полный желудок и в самую жару. На солнце уж, верно, выше тридцати. В вашем сознании, насколько оно наличествует, вихряются мысли о чем-то крылатом. Я говорю "насколько наличествует", потому что большая часть вашей нервной энергии отлила книзу, на переваривание съеденного завтрака. Человек, валявшийся в орляке, встает перед вами, и вы палите, не целясь. Он кидается вверх по косоугору... и тут оказывается... оказывается... что у него удвоение верхних конечностей, причем вторая их пара имеет некоторое сходство с крыльями. Конечно, это не более как совпадение. Ну, а радужные краски и прочее... Разве раньше у вас никогда не плавали перед глазами цветные пятна в яркий солнечный день?.. Вы уверены, что они были только на крыльях и больше нигде? Припомните.

- Но он и сам говорит, что он ангел! - возразил Викарий, выпучив круглые глазки и глубже засунув в карманы свои пухлые ручки.

- Эге! - произнес Доктор, сверля его глазами. - Так я и полагал. - Он умолк.

- А вы не думаете... - начал Викарий.

- Этот человек - имбецил, - сказал Доктор тихо и внушительно. - Им-бе-цил.

- Кто? - переспросил Викарий.

- Имбецил. Слабоумный. Вы не обратили внимания на женственность его лица? На его бессмысленный смешок? На его длинные волосы? И посмотрите, как он одет...

Рука Викария потянулась к подбородку.

- Это все признаки слабоумия, - сказал Доктор. - Многие дегенераты этого типа проявляют такую же склонность - присваивать себе какое-нибудь величественное наименование, намекающее на грозную силу. Один называет себя принцем Уэльским, другой - архангелом Гавриилом, третий - самим господом богом. Ибсен мнит себя Великим Учителем, а Метерлинк - новым Шекспиром. Я недавно читал об этом - у Нордау. Несомненно, это странное, прирожденное уродство подсказало ему мысль...

- Но право же... - начал Викарий.

- Я не сомневаюсь, что он сбежал из приюта.

- Я не могу полностью принять...

- Вам придется. А нет, так на то есть полиция, или, на худой конец, можно дать объявление; впрочем, его родные, возможно, пожелают избежать огласки... Кому приятно, если в семье...

- Он с виду совершенно...

- Не пройдет и двух дней, как его начнут разыскивать друзья, - успокоил Доктор, потянувшись за своими часами. - Он, я полагаю, живет неподалеку от наших мест. С виду он безопасен. Я, пожалуй, загляну к вам завтра еще раз посмотреть его крыло. - Крумп соскользнул со стола и выпрямился.

- А бабушкины-то сказки крепко в вас засели, - сказал он, похлопав Викария по плечу. - Но, знаете - ангел, это уж... Ха-ха-ха!

- А ведь я и в самом деле подумал... - проговорил с сомнением Викарий.

- Взвесьте факты, - сказал Доктор, все еще нащупывая часы, - взвесьте все факты на весах нашего точного анализа. Что от них останется? Всплески красок, игра фантазии, *muscae, volantes* <летающие мошки (лат.)>.

- А все-таки, - молвил Викарий, - я мог бы присягнуть, что крылья радужно сияли и что...

- Подумайте хорошенько (Доктор вынул часы): зной, слепящее солнце; голову напекло... Но мне в самом деле пора. Без четверти пять. Я навещу вашего... ангела (ха-ха!) завтра днем, если его тем временем никто не заберет от вас. Повязку вы сделали в самом деле очень недурно. Мне это льстит. Значит, мы не зря проводили занятия по оказанию первой помощи...

Всего хорошего.

ПОМОЩНИК ВИКАРИЯ

Викарий полумашинально отворил дверь, чтобы выпустить Крумпа, и увидел своего помощника Мендхема, который шел по аллее вдоль стены мышинового горошка и таволги. Тут его рука потянулась к подбородку, в глазах отразилось смущение. А ну, как он и впрямь обманулся? Проходя мимо Мендхема, Доктор высоко поднял шляпу над головой. "Умнейший человек, этот Крумп, - подумал Викарий, - и куда вернее судит о твоём рассудке, чем ты сам". Викарий так остро

это почувствовал. Тем трудней представилось предстоящее объяснение. А ну, как он вернется сейчас в гостиную и увидит спящего на коврике простого бродягу?

Мендхем был щупленький человечек с величественной бородой. Казалось, весь рост у него ушел в бороду, как у горчицы в семя. Но когда он говорил, вы убеждались, что у него есть также и голос.

- Моя жена пришла домой в ужасном состоянии, - прогремел он еще издалека.

- Заходите, - сказал Викарий, - заходите. Замечательный, знаете, случай...

Пожалуйста в дом. В мой кабинет, прошу. Я чрезвычайно сожалею. Но когда я все вам объясню...

- И, надеюсь, принесете извинения, - прогремел Помощник.

- И принесу извинения. Простите, не сюда. В кабинет.

- Так кто же была эта женщина? - сказал Помощник, обернувшись к Викарию, едва тот прикрыл дверь своего кабинета.

- Какая женщина?

- Ну-ну-ну!

- Нет, в самом деле?

- Накрашенная особа в легком наряде - скажем откровенно, в возмутительно легком, - с которой вы прогуливались по саду.

- Мой дорогой Мендхем... это был Ангел!

- Ангел, да и прехорошенький, а?

- Мир становится таким прозаическим, - вздохнул Викарий.

- Мир, - взревел Помощник, - становится с каждым днем черней. Но чтобы человек вашего положения открыто, без стыда...

- Тьфу ты! - сказал Викарий в сторону. Он редко позволял себе чертыхаться. - Послушайте, мистер Мендхем, тут в самом деле недоразумение.

Уверяю вас...

- Превосходно, - сказал Помощник. - Тогда объясните! - Он стоял, расставив тощие ноги, а руки скрестив на груди, и хмурился на Викария над густой своей бородой.

(Объяснения, повторяю, я всегда считал характерной ошибкой нашего века науки.).

Викарий беспомощно огляделся. Мир вокруг сделался тусклым и мертвым.

Может быть, все, что началось сегодня днем, ему просто снится? Там, в гостиной, в самом деле ангел? Или это игра какой-то сложной галлюцинации?

- Итак? - сказал Помощник, выждав целую минуту.

Рука Викария затрепыхалась на подбородке.

- Такая сложная история... Не знаю, как и приступить...

- Еще бы! - строго сказал Мендхем.

Викарий, едва сдержавшись, терпеливо продолжал:

- Сегодня днем я пошел поохотиться на некую странную птицу... Вы верите в ангелов, Мендхем? В настоящих ангелов?

- Я здесь не затем, чтобы обсуждать вопросы теологии. Я супруг оскорбленной женщины.

- Но то, что я вам сказал, не фигура речи: это действительно ангел, настоящий ангел - с крыльями. Сейчас он в соседней комнате. Вы меня не поняли, и потому...

- Ну, знаете, Хильер...

- Говорю вам, это правда, Мендхем. Клянусь, что правда. - В голосе Викария зазвучало раздражение. - Не знаю, за какие грехи мне пришлось принять в свой дом и одеть небесного гостя. Знаю только, что - хоть это, безусловно, может показаться неподобающим - сейчас у меня в гостиной сидит ангел, одетый в мой новый костюм, и допивает свой чай. Он погостит у меня - по моему приглашению - неопределенный срок. Я, спору нет, поступил неосмотрительно. Но не могу я, понимаете ли, выгнать его только из-за того, что миссис Мендхем... Я, может быть, и слабоволен, но все же джентльмен.

- Ну, знаете, Хильер...

- Уверяю вас, это правда. - В голосе Викария задрожала нота истерического отчаяния. - Я выстрелил в него, приняв за фламинго, и попал ему в крыло.

- Я думал, это случай, когда должен вмешаться епископ. Но здесь, я вижу, будет уместней вмешательство психиатров.

- Пойдите и посмотрите, Мендхем!

- Но ангелы не существуют.

- Мы учим людей другому, - сказал Викарий.

- Не существуют как материальные тела, - уточнил Помощник.

- Все-таки пойдите и посмотрите сами.

- Не хочу я смотреть ваши галлюцинации... - начал Помощник.

- Я ничего не смогу объяснить, пока вы не пойдете и не посмотрите на него, - сказал Викарий. - Ничто другое на небе или на земле так не похоже на ангела, как этот человек. Вы просто должны увидеть его, если хотите понять!

- Я не хочу ничего понимать, - сказал Помощник. - Не хочу по доброй воле идти на то, чтобы меня морочили. Скажите сами, Хильер, что это, если не попытка меня обморочить?.. Фламинго! Как бы не так!

Ангел допил чай и теперь стоял у окна, задумчиво глядя вдаль. Старая церковь в глубине долины, озаренная заходящим солнцем, казалась ему очень красивой, но он не мог понять, что означают могильные камни, выстроившиеся рядами по косогору за церковью. Когда вошли Мендхем с Викарием, он обернулся.

Мистер Мендхем мог с полным удовольствием нагрубить своему патрону, как он грубил прихожанам, но не тот он был человек, чтобы нагрубить приезжему.

Он поглядел на Ангела, и версия о "неизвестной даме" сразу отпала. Красота Ангела была слишком явно красотой юноши.

- Мистер Хильер сообщил мне, что вы изволите... э... как ни странно... называть себя Ангелом?

- ...Что вы Ангел, - поправил Викарий.

Ангел поклонился.

- Вот я и пришел, - сказал Мендхем. - Как-никак любопытно поглядеть.

- Очень, - сказал Ангел. - Черный цвет и самая форма.

- Простите, как?

- Черный цвет и хвостатая одежда, - повторил Ангел. - И нет крыльев.

- Именно, - сказал Мендхем, хотя и был в полном недоумении. - Мы, естественно, любопытствуем узнать, как и почему вы появились в деревне в таком оригинальном костюме.

Ангел поглядел на Викария. Викарий схватился за подбородок.

- Понимаете... - начал Викарий.

- Пусть он сам объяснит, - сказал Мендхем. - Прошу вас.

- Я только хотел помочь... - начал снова Викарий.

- А я не хочу, чтобы вы помогали.

- Тьфу ты! - буркнул Викарий.

Ангел переводил взгляд с одного на другого.

- У вас пробежало по лицам такое шершавое выражение! - сказал он.

- Видите ли, мистер... мистер... не знаю, как вас зовут, - сказал Мендхем уже не столь медоточивым голосом. - Дело обстоит так: моя жена, или, точнее говоря, четыре дамы играли в лаун-теннис, когда внезапно вы наскაკиваете на них; да, сэр, вы наскაკиваете на них из кустов рододендрона в полном неглиже. Вы и мистер Хильер.

- Но я же... - вмешался Викарий.

- Знаю. В неглиже был этот джентльмен. Я, разумеется (это - мое естественное право), должен потребовать объяснений! - Голос его загудел органом. - И я требую объяснений!

Ангел тихо улыбнулся на его гневный тон, на грозную позу, когда Мендхем вдруг скрестил руки на груди.

- Я в этом мире недавно... - начал Ангел.

- Девятнадцать лет по меньшей мере, - сказал Мендхем. - В такие годы пора бы знать приличия! Это не оправдание!

- Могу я сперва задать вам один вопрос? - сказал Ангел.

- Да.

- Вы думаете, я Человек - подобно вам самим? Как подумал тот клетчатый?

- Если вы не человек...

- Еще один вопрос. Вы никогда не слышали об ангелах?

- Не советую вам подносить мне эти рассказы! - предупредил Мендхем, возвращаясь к своему привычному крещендо.

- Но, Мендхем, - вмешался Викарий. - У него же крылья!

- Очень вас прошу, дайте мне поговорить с ним, - оборвал его Мендхем.

- Какой вы смешной! - сказал Ангел. - Что я ни скажу, вы меня перебиваете.

- Что же вы хотите сказать? - снизошел Мендхем.

- Что я в самом деле ангел...

- Чушь!

- Вот и опять!

- Вы лучше расскажите мне по чести, как вы очутились в кустах рододендрона в саду Викария Сиддермортонского прихода в том виде, в каком вы были. И в обществе самого Викария! Будьте любезны забыть вашу нелепую выдумку!..

Ангел пожал крылами.

- Что с ним, с этим человеком? - спросил он Викария.

- Мой милый Мендхем, - сказал Викарий, - я мог бы в двух словах...

- Кажется, мой вопрос достаточно ясен.

- Но вы не говорите, какой вам нужен от меня ответ, а если я отвечаю другое, вам не нравится.

- Чушь! - снова буркнул Мендхем. Потом опять повернулся к Викарию.

- Откуда он взялся?

Викарию стало страшно. К этому времени его вновь одолели сомнения.

- Он говорит, что он Ангел! - сказал Викарий. - Почему вы не хотите его выслушать?

- Ангел никогда не напугал бы четырех дам...

- Ах вот что вас так огорчило! - сказал Ангел.

- Достаточная, по-моему, причина! - объявил помощник Викария.

- Но я же не знал, - сказал Ангел.

- Нет, уж это слишком!

- Я искренне сожалею, что напугал тех дам.

- Еще бы вам не жалеть! Но я вижу, мне ничего от вас не добиться, от вас обоих. - Мендхем направился к двери. - Я уверен, в этом деле кроется что-то постыдное. А то почему бы вы не рассказали напрямик все как есть?

Сознаюсь, вы меня озадачили. Чего ради в наш просвещенный век вы мне рассказываете вдруг эту фантастическую, эту не правдоподобную историю об ангеле, не возьму в толк! Какая вам польза от нее?

- Но постойте же и взгляните на его крылья! - молил Викарий. - Уверю вас, он крылатый!

Мендхем уже взялся за ручку двери.

- С меня довольно и того, что я видел, - сказал он. - Вы, может быть, просто затеяли глупую шутку, Хильер?

- Ну что вы, Мендхем! - укорил Викарий.

Помощник остановился в дверях и поглядел через плечо на Викария. Он дал волю всему, что накопил против него за долгие месяцы.

- Не понимаю, Хильер, почему вы решили стать священником? Хоть убей, не понимаю! В воздухе носятся всевозможные веяния - социальные движения, экономические преобразования, женское равноправие, рационализация одежды, воссоединение христианских церквей, социализм, индивидуализм, права личности - все эти волнующие вопросы дня... Мы все - последователи Великого Преобразователя. А вы, вы набиваете птичьи чучела и повергаете в ужас дам своим полным пренебрежением к...

- Что вы, Мендхем... - начал Викарий.

Помощник не желал его слушать.

- Вы позорите свой сан вашим легкомыслием!.. Но это - пока только предварительное следствие, - добавил он с угрозой в зычном голосе и тут же (громко хлопнув дверью) вышел вон.

- Люди все такие странные? - спросил Ангел.

- Я в трудном положении, - сказал Викарий. - Понимаете... - Он запнулся, ища помощи у подбородка.

- Начинаю понимать, - сказал Ангел.

- Никто не поверит.

- Понимаю.

- Будут думать, что я говорю не правду.

- И что же?

- Мне это будет очень больно.

- Больно!.. Боль, - сказал Ангел. - Нет, я надеюсь, не будет.

Викарий покачал головой. Уважение прихожан составляло до сих пор всю радость его жизни.

- Понимаете, - сказал он, - все бы выглядело куда более приемлемо, если бы вы говорили, что вы просто человек.

- Но я не человек, - сказал Ангел.

- Да, вы не человек, - подтвердил Викарий. - Так что не выйдет...

...Здесь, знаете, никто никогда не видел ангела, не слышал об ангелах, кроме как в церкви. Если бы вы избрали для своего дебюта церковную кафедру во время воскресной службы, - все могло бы повернуться иначе. Но теперь уже не изменишь... (Тьфу ты!) Никто, решительно никто в вас не поверит!

- Надеюсь, я вам не доставляю неудобства?

- Нисколько, - сказал Викарий. - Нисколько. Вот только, что...

Разумеется, может выйти не совсем удобно, если вы станете рассказывать слишком не правдоподобную историю. Я бы позволил себе посоветовать вам (Гм!)...

- Да?

- Видите ли, люди в этом мире, поскольку они сами люди, почти неизбежно будут видеть в вас человека. Если вы станете утверждать другое, они просто объявят, что вы говорите не правду. Только исключительные люди ценят исключительное. В Риме следует... ну... немного считаться с римскими предрассудками и говорить на латыни. Увидите, так будет лучше для вас же...

- Вы предлагаете мне делать вид, будто я превратился в человека?

- Вы сразу уловили мою мысль.

Ангел смотрел на любимые мальвы Викария и думал.

- Может случиться, - медленно проговорил он, - что в конце концов я и впрямь превращусь в человека. Я не стану утверждать, что это невозможно.

Вы говорите, ангелов в этом мире нет. Кто я такой, чтобы противопоставлять себя вашему опыту? Всего лишь однодневка... для этого мира. Если вы говорите, что здесь ангелов нет, значит, я должен быть чем-то иным. Я ем, тогда как ангелы не едят. Я, быть может, уже стал человеком.

- Во всяком случае, это удобная точка зрения, - сказал Викарий.

- Если она удобна для вас...

- Вполне удобна. А теперь подумаем, как нам объяснить ваше присутствие в доме?

Ну, скажем, - продолжал Викарий после минутного раздумья, - скажем, к примеру, вы самый обыкновенный человек, который любит купаться; вам

вздумалось выкупаться в Сиддере, и, скажем, у вас украли одежду, а я застал вас в этом крайне неудобном положении. Если я предложу миссис Мендхем такое объяснение, то в нем хоть не будет сверхъестественного начала. В наши дни сверхъестественное все считают совершенно неуместным - даже на церковной кафедре. Вы просто не поверите...

- Жаль, что дело было не так, - сказал Ангел.

- Конечно, - сказал Викарий. - Очень жаль, что не так. Но, во всяком случае, вы меня весьма обяжете, если не будете выставлять на вид вашу ангельскую природу. Обяжете всех - не меня одного: установилось мнение, что вещей такого рода ангелы не делают. А ничто не доставляет худшей боли, могу вас заверить, чем отказ от привычного мнения. Установившиеся мнения можно назвать - и во многих смыслах - нашими духовными зубами. Я со своей стороны (Викарий провел рукой перед глазами), я верю, не могу не верить, что вы ангел... Как мне не верить собственным своим глазам?

- Мы нашим верим всегда, - сказал Ангел.

- Мы тоже - в известных пределах.

Часы на камине прозвонили семь, и почти одновременно миссис Хайниджер объявила, что обед подан.

ПОСЛЕ ОБЕДА

Ангел с Викарием сидели за столом. Викарий, заправляя салфетку за воротник, наблюдал, как Ангел бьется над супом.

- Вы скоро сладите с этим делом, - сказал Викарий.

С ножом и вилкой гость уже кое-как управлялся - неуклюже, но успешно.

Ангел украдкой поглядывал на Делию, маленькую служанку. Потом, когда они сидели и щелкали орехи (что Ангелу пришлось вполне по нраву) и девушка ушла, Ангел спросил:

- Это была тоже дама?

- Как вам сказать, - ответил Викарий (Крак!) - Нет... не дама. Она служанка.

- Это видно, - сказал Ангел, - у нее и сложение более приятное.

- Не вздумайте сказать это при миссис Мендхем! - предупредил Викарий, втайне обрадованный.

- У нее не выпирает так сильно под ключицами и на бедрах, а в промежутке ее больше. И цвета ее одежд не такие несогласованные - они просто безразличные. А лицо...

- Миссис Мендхем и ее дочери играли перед тем в теннис, - сказал Викарий, сознавая, что не должен слушать дурное даже о своем смертельном враге. - Вам эти штучки нравятся, эти орехи?

- Очень! - ответил Ангел. (Крак!).

- Видите ли, - продолжал Викарий (ням-ням-ням). - Сам я нимало не сомневаюсь, что вы ангел.

- Да! - сказал Ангел.

- Я вас подстрелил, я видел, как вы взлетели. Тут все бесспорно. В моем сознании. Я допускаю, что это необычно и идет вразрез с моими

установившимися понятиями, но - в практическом плане - я убежден, совершенно убежден, что виденное мною я действительно видел. Но, судя по поведению моих посетителей... (Крак!) Я просто не вижу, как нам убедить людей. Люди в наш век очень уж придиричивы по части доказательств. Так что я полагаю, многое можно сказать в пользу избранной вами линии поведения.

Временно хотя бы, мне думается, вам самому будет лучше действовать, как вы наметили, - по возможности держаться так, как будто вы человек. Впрочем, неизвестно, когда и как вы получите возможность вернуться. После всего приключившегося (буль, буль, буль, - Викарий наполняет свою рюмку), - после всего приключившегося я бы не удивился, когда бы у меня на глазах распались стены комнаты и воинство небесное явилось забрать вас отсюда или даже забрать нас обоих. Благодаря вам мое воображение так расширилось! Я долгие годы забывал Страну Чудес. И все-таки... Несомненно, будет умнее подготовить их постепенно.

- Ваша жизнь, - сказал Ангел, - ...Она еще темна для меня. Как вы здесь начинаетесь?

- Ах, подумать только! - вздохнул Викарий. - Еще и это объяснять! Мы свое существование начинаем, знаете, младенцами, беспомощным розовым комочком, завернутым в белое, пучеглазым, жалобно пищущим в купели. Потом младенцы подрастают, становятся даже красивыми, если их умыть. Они продолжают расти до известного размера. Они становятся детьми - мальчиками и девочками, юношами и девушками (Крак!)... молодыми мужчинами и молодыми женщинами. Это лучшая пора жизни, по мнению большинства, во всяком случае, самая красивая. Она полна великих надежд и мечтаний, смутных волнений и неожиданных опасностей.

- Это была девушка? - спросил Ангел, указав на дверь, в которую вышла Делия.

- Да, - сказал Викарий, - девушка. - И задумался.

- А потом?

- Потом, - продолжал Викарий, - очарование блекнет, и жизнь начинается всерьез. Молодые мужчины и молодые женщины разбиваются на пары - в своем большинстве. Они приходят ко мне, робкие, застенчивые, в праздничной уродливой одежде, и я венчаю их. А потом у них появляются розовенькие младенцы, и многие из прежних юношей и девушек делаются толстыми и грубыми; а другие - худыми и сварливыми; их милый румянец пропадает, они внушают себе ложную и нелепую мысль о своем превосходстве над более молодыми, и вся красота и радость уходит из их жизни. Вот они и начинают называть красоту и радость в жизни младших Иллюзией. А потом они превращаются понемногу в старые развалины.

- Превращаются в развалины? - сказал Ангел. - Как нелепо!

- Волосы у них лезут, приобретают тусклую окраску или пепельно-серую, - продолжал Викарий. - Взять, к примеру, меня. - Он нагнул голову вперед, показывая круглую сияющую лысинку величиной в флорин. - И зубы у них выпадают. Лица дряблеют, становятся сухими и морщинистыми, как печеное яблоко. Вы сказали про мое: "помятое". Они все больше думают о том, чего бы им

поесть и попить, и все меньше - о прочих радостях жизни. Суставы рук и ног становятся у них вихлявыми, сердца слабеют; а бывает и так, что легкие у них выкашливаются по кусочкам. Боль...

- Ах! - простонал Ангел.

- ...Боль все верней завладевает их жизнью. И тогда они уходят. Они не хотят, но должны уходить... из мира. Уходят они очень неохотно, цепляясь под конец за самую боль его, лишь бы остаться в нем подольше...

- Куда они уходят?

- Когда-то я думал, что знаю. Но теперь я постарел и знаю, что этого я не знаю. Есть у нас легенда... а может, она и не легенда. Можно быть священнослужителем и не верить в нее. Стоке утверждает, что ничего в ней нет... - Викарий покачал головой, печально глядя на бананы.

- А вы? - спросил Ангел. - Вы тоже были маленьким розовым младенцем?

- Не так давно и я был маленьким розовым младенцем.

- Вы были тогда одеты так же, как теперь?

- О нет! Что за дикая мысль? На мне, надо думать, как на них на всех, были длинные белые одежды.

- И потом вы стали маленьким мальчиком?

- Да. Маленьким мальчиком.

- А потом юношей в блеске красоты?

- Боюсь, я не блистал красотой. Я был хилым, был слишком беден и сердцем был робок. Я упорно учился и корпел над умирающими мыслями давно умерших людей. Так я упустил свою золотую пору, и ни одна девушка не пришла ко мне, и до времени настала скука жизни.

- А есть у вас свои маленькие розовые младенцы?

- Ни одного, - сказал Викарий после еле уловимой заминки. - Но все равно я тоже, как видите, понемногу превращаюсь в развалину. Уже и спина у меня начала клониться, точно стебель вянущего цветка. А там пройдет еще две-три тысячи дней, и я совсем одряхлею, и тогда я уйду из этого мира...

Куда, я не знаю.

- И вы должны есть вот так каждый день?

- Есть, и добывать одежду, и сохранять крышу над головой. В нашем мире есть очень неприятные вещи, по названию Холод и Дождь. Прочие люди - слишком долго объяснять, как и почему, - сделали меня чем-то вроде припева в песне их жизни. Они приносят ко мне своих розовых младенцев, и я должен наречь младенцу имя и произнести известные слова над каждым новым розовым младенцем. Когда мальчики и девочки вырастают в юношей и девушек, они опять приходят, и я совершаю над ними обряд конфирмации. Со временем вы все это поймете лучше. Далее, перед тем, как они соединятся в пары и у них появятся их собственные розовые младенцы, они должны прийти ко мне вновь и прослушать то, что я прочту им из некой книги. Если девушка заведет себе розового младенца, не дав мне сперва почитать над нею минут двадцать из той моей книги, то ни одна другая девушка в деревне не захочет с нею разговаривать и она будет отверженной среди людей. Это чтение, как вы увидите, необходимо. Как ни странно вам это покажется. А позже, когда они обратятся в развалины, я стараюсь

внушить им веру в некий странный мир, в который я и сам не очень верю, - мир, где жизнь совершенно отлична от той, какая им выпала на долю или какой они желали себе. Под конец же я их хороню и читаю из моей книги для тех, кому тоже скоро настанет черед уйти в неведомый край. Я стою подле них на заре, и в полдень, и на закате их жизни. И каждый седьмой день я, который и сам - человек, я, который не вижу дальше, чем они, говорю им о Жизни Грядущей, о жизни, про которую мы ничего не знаем. Если только она вообще существует. И, ее предвещая, сам я медленно превращаюсь в развалину.

- Какая странная жизнь! - сказал Ангел.

- Да, - повторил Викарий. - Какая странная жизнь! Но то, что делает ее странной для меня, возникло лишь совсем недавно. Я принимал в ней все как должное, пока в мою жизнь не вступили вы.

- ...В нашей жизни все так действительно, - продолжал Викарий. - Своими мелкими нуждами, преходящими уладами своими (Крак!) она опутывает наши души. Пока я проповедую этим моим людям о жизни иной, одни из них улаживают свое тело и жуют сласти, другие - те, что постарше, - дремлют, юноши поглядывают на девушек, солидные отцы семейств выставляют напоказ белые жилеты и золотые цепочки, тщеславие свое и чванство, воплощенное в реальную сущность; их жены кичатся друг перед дружкой кричащими шляпками.

А я бубню и бубню о вещах незримых и нереальных. "Да не увидят глазами, - я читаю, - и не услышат ушами, и сердцем не уразумеют", - и я поднимаю взгляд и ловлю какого-нибудь бессмертного зрелого мужа на том, как он потихоньку любит ловко сидящей на его руке перчаткой ценою в три с половиной шиллинга пара. Так за годом год все в тебе приглушается. В молодости я, когда болел, то чувствовал как нечто почти зримо достоверное, что под этим преходящим и призрачным миром есть другой, реальный мир - непреходящий мир Жизни Вечной. А теперь... - Он посмотрел на пальцы своей пухлой белой руки, играющие на ножке рюмки. - Я с того времени оброс жирком, - сказал он. (Пауза.)

Я сильно изменился и преобразился. Борьба Плоти и Духа меня не смущает, как бывало. Я с каждым днем все меньше верю в свою религию и больше верю в бога. Я живу, боюсь я, слишком успокоенной жизнью, честно отправляю требы, занимаюсь понемножку орнитологией, понемножку шахматами, балуюсь математическими пустячками... Дни мои в его руке...

Викарий вздохнул и задумался. Ангел глядел на него, и в глазах Ангела отразилось смятение перед загадкой Викария. "Буль-буль-буль", - шло из графина: Викарий снова наполнял свою рюмку.

Так Ангел обедал и беседовал с Викарием, и вот надвинулась ночь, и его стала одолевать зевота.

- Уаа-о! - произнес вдруг Ангел. - Что со мной? Какая-то высшая сила словно вдруг растянула мне рот, и большой глоток воздуха сам вошел мне в горло.

- Вы зевнули, - сказал Викарий. - У вас в ангельской стране никогда не зевают?

- Никогда, - сказал Ангел.
- Хоть вы и бессмертны!.. Я думаю, вам пора идти спать.
- Идти спать? - удивился Ангел. - А куда?

Пришлось объяснить ему про темноту и про искусство укладываться спать (ангелы, оказывается, спят только затем, чтобы видеть сны, и сны они смотрят, как первобытный человек, уткнув лоб в колени. Спят они днем, в жару, на лугах, усыпанных белыми маками). Спальные принадлежности показались Ангелу довольно нелепой затеей.

- Почему все приподнято на высоких деревянных ножках? - сказал он. - У вас же есть пол, а вы еще кладете все, что вам нужно, на деревянное четвероногое. Зачем?

Викарий объяснил философски туманно. Ангел обжег палец о пламя свечи и обнаружил полное незнание элементарных законов горения. Ему даже очень понравилось, когда язычок огня побежал вверх по занавесям. Погасив пожар.

Викарий должен был тут же прочитать лекцию об огне. Пришлось дать еще целый ряд всевозможных разъяснений, их потребовало даже мыло. Прошло не меньше часа, пока Ангела удалось благополучно уложить в постель.

- Он очень красив, - сказал Викарий, когда, вконец измученный, сошел вниз. - И он, несомненно, настоящий Ангел. Но боюсь, с ним все-таки будет тьма хлопот, пока он освоится с нашим земным укладом жизни.

Он был, казалось, сильно обеспокоен. Даже угостился лишней рюмкой хереса, перед тем как убрать вино в шкафчик.

Помощник Викария стоял перед зеркалом и торжественно отстегивал свой воротник.

- Я в жизни не слышала более фантастической выдумки, - отозвалась миссис Мендхем из своего плетеного кресла. - Он, несомненно, сумасшедший.

Ты уверен, что...

- Абсолютно, моя дорогая. Я передал тебе все, как было, - каждое слово, каждую мелочь.

- Превосходно! - сказала миссис Мендхем. - Тут же нет ни капли смысла.

- Вот именно, моя дорогая.

- Викарий, - сказала миссис Мендхем, - несомненно, сошел с ума.

- Этот горбун - положительно самый странный субъект из всех, кого я встречал на протяжении многих лет. С виду иностранец - круглое с ярким румянцем лицо и длинные каштановые волосы... Он не подстригал их, верно, несколько месяцев! - Мендхем аккуратно положил запонки на полочку туалетного стола. - Пялит на вас глаза и жеманно улыбается. Сразу видно, что глуп. И какой-то женственный.

- Но кем он может быть? - сказала миссис Мендхем.

- Не представляю себе, моя дорогая, ни кто он, ни откуда взялся.

Бродячий певец, возможно, или что-нибудь в этом роде.

- Но как он мог очутиться возле тех кустов... в таком ужасном наряде?

- Не знаю. Викарий не дал мне никакого объяснения. Он просто сказал:

"Мендхем, это ангел".

- А не стал ли он попить?.. Они, допустим, могли купаться, где-нибудь около источника, - гадала миссис Мендхем. - Но я не заметила, чтобы он нес на руке остальную одежду.

Помощник Викария сел на кровать и принялся расшнуровывать свои башмаки.

- Для меня все это непроницаемая тайна, моя дорогая. (Шнурки - флип, флип.)

Галлюцинация - вот единственное милосердное предполо...

- Ты уверен, Джордж, что это не была женщина?

- Абсолютно, - сказал Помощник Викария.

- Я, конечно, знаю, каковы мужчины.

- Это молодой человек лет девятнадцати, двадцати, - сказал Помощник Викария.

- Не понимаю, - сказала миссис Мендхем. - Ты говоришь, этот субъект гостит у Викария.

- Хильер просто сошел с ума, - провозгласил Помощник Викария. Он встал и прошлепал в носках через всю комнату к двери, чтобы выставить башмаки в коридор. - Судя по его тону, он как будто и в самом деле верит, что его калека - ангел. (Ты свои туфли выставила, дорогая?).

- (Они там, у гардероба.) Он был всегда немножко, знаешь, чудаковат. В нем есть что-то детское... Но - ангел!

Ее супруг вернулся и стоял у огня, завозившись с подтяжками. Миссис Мендхем любила, чтобы и летом топился камин.

- Он уклоняется от всех серьезных жизненных проблем и вечно носит с каким-нибудь новым сумасбродством, - сказал Помощник Викария. - Ведь это ж надо - ангел! - Он рассмеялся. - Нет, Хильер - несомненно сумасшедший! - сказал он.

Миссис Мендхем тоже рассмеялась.

- Но это все-таки не объясняет, откуда взялся горбун.

- Горбун, верно, тоже сумасшедший, - решил Мендхем.

- Единственное разумное объяснение, - сказала миссис Мендхем. (Пауза.).

- Ангел или не ангел, - сказала миссис Мендхем, - я знаю, чего я вправе требовать. Предположим даже, человек искренне думал, что находится в обществе ангела, - это еще не причина, чтобы он не вел себя, как джентльмен.

- Совершенно верно.

- Ты, конечно, напишешь епископу?

Супруг кашлянул.

- Нет, епископу я писать не стану, - сказал супруг. - Это, мне кажется, будет выглядеть не совсем лояльно... К тому же он, ты знаешь, оставил без внимания мое последнее письмо.

- Но разве...

- Я напишу Остину. Под секретом. А он, ты знаешь, непременно передаст епископу. И ты не должна забывать, моя дорогая...

- ...что Хильер может дать тебе расчет? Мой дорогой, для этого он слишком безволен! Я тогда поговорю с ним сама! А кроме того, ты же исполняешь за него всю его работу. Фактически весь приход целиком у нас на руках. Не знаю, до чего

бы дошли наши бедняки, если бы не я! Да он их завтра же всех поселил бы бесплатно у себя в доме! Взять хоть эту медоточивую Ансель...

- Я знаю, моя дорогая, - перебил Помощник Викария, отвернувшись и продолжая разоблачаться. - Ты мне рассказывала про нее не далее, как сегодня перед обедом.

Поднявшись в тесную спальню на чердаке, мы добрались в нашей повести до места, где можно наконец отдохнуть. И так как мы изрядно поусердствовали, развертывая перед вами события, будет, пожалуй, неплохо остановиться и подвести итог.

Оглянувшись, вы увидите, что сделано немало: мы начали с сияния - "не сплошного и ровного, а повсюду прорезаемого зигзагами огненных вспышек, подобных взмахам сабель", - и могучего пения арф, и пришествия Ангела на многоцветных крыльях.

Быстро и ловко, как не может не признать читатель, крылья были подрезаны, нимб сорван, блистательная красота запрятана под сюртук и панталоны, и Ангел практически превратился в человека, состоящего под подозрением, что он то ли помешанный, то ли шарлатан. Вы слышали также, или, во всяком случае, получили представление, как судили о странном госте Викарий, и Доктор, и Жена Помощника Викария. Далее вы узнаете еще немало примечательных суждений.

Отблески летнего заката на северо-западе угасли в ночи, и Ангел спит, и снится ему, что он снова в чудесном мире, где всегда светло и каждый счастлив, где огонь не жжет и лед не студен; где звездный свет струится ручейками среди неувядаемых пурпуровых цветов к морям Безмятежного Покоя.

Он спит и видит во сне, что вновь его крылья пылают тысячью красок и несут его по кристальному воздуху мира, откуда он пришел.

Он спит и видит сны. Но Викарий, слишком встревоженный, лежит и не может уснуть. Больше всего его смущают великие возможности миссис Мендхем; однако вечерний разговор открыл перед его разумом странные горизонты, и он взволнован ощущением, будто он смутно, полузрячим взором увидел кое-что от незримого доселе мира чудес, лежащего вокруг нашего мира. Двадцать лет - с тех пор, как получил этот приход, - он тут жил в деревне повседневной жизнью, защищенный своей привычной верой и шумом житейских мелочей от всяких мистических снов. Но теперь, переплетаясь с привычной досадой на докучное вмешательство ближнего, возникло до сих пор совершенно ему незнакомое чувство соприкосновения с какими-то странно новыми явлениями.

Было в этом чувстве что-то зловещее. Даже была минута, когда оно взяло верх над всеми прочими соображениями, и Викарий в ужасе вскочил с кровати, весьма убедительно ушиб коленку, нашарил наконец коробок со спичками и зажег свечу, чтобы вернуть себе веру и реальность своего обыденного мира.

Но в общем наиболее ощутимо давила мысль о миссис Мендхем, об этой неотвратимой лавине! Ее язык, казалось, навис над ним дамокловым мечом.

Чего только она не наговорит по этому поводу, покуда не иссякнет ее негодующая фантазия!

А пока счастливый пленитель Странной Птицы напрасно старался уснуть, Галли из Сиддертонна осторожно разряжал свою двустволку после утомительного и бесплодного дня, а Сэнди Брайт, преклонив колени, молился, не преминув тщательно запереть окно. Энни Дерган крепко спала с раскрытым настежь ртом, а мать непутевой Эмори стирала во сне чужое белье, и обе они еще задолго до сна полностью исчерпали тему о Струнах арфы и о Сиянии. Дерган Недоумок сидел в постели, то мурлыча обрывки мелодии, то напряженно прислушиваясь, не зазвучат ли звуки, которые он слышал раз и жаждал услышать вновь. Ну, а конторщик нотариуса из Айпинг-Хенгера - тот бился над стихами в честь продавщицы из портбердокской кондитерской и начисто забыл о Странной Птице. А вот батрак, который видел ее у ограды Сиддермортон-парка, приобрел фонарь под глазом. Это явилось наиболее вещественным следствием небольшого спора в "Корабле" о птичьих ногах.

Происшествие заслуживает (хотя бы и такого беглого) упоминания, поскольку оно, по-видимому, представляет собою единственный достоверный случай, когда ангел оказался виновником чего-либо подобного.

НАУТРО

Зайдя разбудить Ангела, Викарий увидел, что тот уже одет и стоит, глядя в окно. Было дивное утро, роса еще не сошла, из-за угла дома косые лучи восходящего солнца били, желтые и горячие, в склон холма. Птицы уже всполошились в живой изгороди и в зарослях кустов. Вверх по склону - как-никак был уже август месяц - медленно полз плуг. Ангел подпер подбородок обеими руками и не обернулся, когда Викарий подошел к нему.

- Как крыло? - спросил Викарий.

- Я о нем забыл, - ответил Ангел. - Этот там - человек?

Викарий посмотрел.

- Это пахарь.

- Почему он ходит так взад и вперед? Ему это нравится?

- Он пашет. В этом его работа.

- Работа! А зачем он ее делает? Она так однообразна - разве это не скучно?

- Скучно, - согласился Викарий. - Но ему надо ее делать, чтобы... понимаете... заработать на жизнь. Получить еду и всякое такое.

- Как странно! - удивился Ангел. - Люди все должны это делать? И вы?

- О нет. Он работает за меня. Исполняет мою долю работы.

- А почему? - спросил Ангел.

- О! В уплату за все то, что я, знаете ли, делаю для него. Мы в нашем мире полагаем справедливым разделение труда. Обмен не грабеж.

- Понимаю, - молвил Ангел, все еще следуя взглядом за тяжелыми движениями пахаря.

- А вы что делаете для него?

- Вам кажется, это легкий вопрос, - сказал Викарий, - а на деле он... куда как труден! Наше общественное устройство очень сложно. Невозможно так вот на ходу, перед завтраком, объяснить все эти вещи. Вы разве не голодны?

- Да, как будто, - медленно проговорил Ангел, не отходя от окна, и резко вдруг добавил:

- Все же не могу я не думать о том, что пахать, наверно, совсем не весело.

- Возможно, - сказал Викарий, - очень возможно. Но завтрак подан. Вы не сойдете вниз?

Ангел нехотя отошел от окна.

- Наше общество, - объяснил Викарий на лестнице, - сложный организм.

- Да?

- И в нем так установлено, что одни делают одно, другие - другое.

- И пока мы с вами будем есть, тот худой, сутулый, старый человек так и будет плестись за тем тяжелым железным резаком, который волочит пара лошадей?

- Да. Вы скоро убедитесь, что это совершенно правильно. А, грибочки и яйцо-пашот! Такова социальная система! Садитесь, прошу! Может быть, вам она представляется несправедливой?

- Мне все это непонятно, - молвил Ангел.

- Напиток, который я вам предлагаю, называется кофе, - сказал Викарий.

- Это естественно. Когда я был молодым человеком, мне тоже многое казалось непонятным. Но позднее приходит Более Широкий Взгляд на Вещи. (Эти черные штучки называются грибами; с виду они превосходны!) Побочные Соображения.

Все люди - братья, конечно, но иные из них, так сказать, младшие братья.

Есть работа, требующая культуры и утонченности, есть и другая, при которой утонченность и культура явились бы помехой. И не следует забывать о праве собственности. Должно воздавать кесарю... Знаете, чем разьяснять сейчас эти материи (отведайте этого), я, пожалуй, дам вам лучше почитать одну книжечку (ням, ням, ням - грибочки на вкус не хуже, чем на вид), в которой это все изложено очень ясно и просто.

СКРИПКА

После завтрака Викарий прошел в маленькую комнату рядом с кабинетом отыскать для Ангела книжку по политической экономии. Ибо невежество Ангела в социальных вопросах было не пробить никакими устными разьяснениями.

Дверь оставалась открыта.

- Что это? - сказал Ангел, войдя за ним следом. - Скрипка! - Он снял ее.

- Вы играете? - спросил Викарий.

Ангел уже держал в руке смычок и вместо ответа провел им по струнам.

Звук был так хорош, что Викарий сразу обернулся.

Ангел крепче стиснул рукою гриф. Смычок пролетел обратно, заколыхался, и мелодия, которой Викарий никогда в своей жизни не слышал, заплясала в его ушах. Ангел продвинул скрипку под свой изящный подбородок и продолжал играть, и, пока он играл, его глаза светились все ясней, а губы улыбались.

Сперва он смотрел на Викария, потом его лицо приняло отсутствующее выражение. Казалось, он смотрит уже не на Викария, а сквозь него, на что-то постороннее, что-то, что жило в его памяти, в его воображении, что-то бесконечно далекое, дотоле невиданное и во сне...

Викарий пытался следить за музыкой. Мелодия казалась подобной огню, она налетала, сияла, искрилась и плясала, проносилась и появлялась вновь.

Нет!.. Не появлялась! Другая мелодия, схожая и несхожая с прежней, взвивалась вслед за той, колыхалась, исчезала. Потом еще одна - та же и не та. Было похоже на трепетные языки огня, что вспыхивают попеременно над только что разведенным костром. "Здесь две мелодии - или два мотива - как верней?" - думал Викарий. Надо сказать, он удивительно мало смыслил в музыкальной технике. Гонясь друг за другом, мелодии, танцую, уносились ввысь из костра заклинаний - гонясь, колыхаясь, крутясь - в высокое небо.

Внизу разгорался костер, пламя без топлива, на ровном месте, и две резвящихся бабочки звука, танцую, уносились от него, уносились ввысь, одна над другой, стремительные, порывистые, неотчетливые.

"Две резвящихся бабочки - вот что это было!" О чем думает Викарий? Где он? Ну конечно же, в маленькой комнате рядом с кабинетом! И Ангел стоит напротив и улыбается ему, играя на скрипке и глядя сквозь него, точно он не более как окно... Опять тот мотив - желтое пламя, в бурном порыве расходящееся веером; сперва один, и за ним, взметнувшись быстрым наплывом, другой. Снова два создания из огня и света, гонясь друг за другом, уносятся ввысь, в этот светлый безмерный простор.

Кабинет и вся реальность жизни вдруг поблекли перед глазами Викария, становились все прозрачней, как расплывающийся в воздухе туман; и он с Ангелом уже стоят рядом на самой вершине творимой башни музыки, вокруг которой кружили сверкающие мелодии, исчезали, появлялись опять. Он был в стране красоты, и вновь, как вначале, блеск небес озарял лицо Ангела и жаркая радость красок билась в его крыльях. Себя самого Викарий видеть не мог. Но я не берусь описать вам видение этой великой и широкой земли, ее невообразимую незамкнутость, и высоту, и благородство. Там ведь нет пространства, подобного нашему, нет и времени, каким мы его знаем; пришлось бы, хочешь не хочешь, говорить путанными метафорами и с досадой в конце концов признаться в своем бессилии. И было это всего лишь видением.

Чудесные создания, носившиеся в эфире, не видели их, стоявших там, на башне, и пролетали сквозь Них, как можно пройти сквозь туман. Викарий утратил всякое ощущение длительности, всякое понятие о необходимости...

- Ах! - сказал Ангел и вдруг опустил скрипку.

Викарий забыл о книжке по политической экономии, забыл обо всем, пока Ангел не кончил. Минуту он сидел притихший. Потом, вздрогнув, очнулся. Он сидел на старом с железной оковкой сундуке.

- Да, - сказал он медленно, - вы, оказывается, большой искусник. - Он растерянно посмотрел вокруг. - У меня, пока вы играли, было как бы видение. Мне чудилось, будто я вижу... Что же я видел? Пронеслось! - Он стоял, точно ослепленный ярким светом. - Я больше никогда не буду играть на скрипке, -

сказал он. - Я вас прошу, унесите скрипку в вашу комнату... и возьмите ее себе... И порой играйте для меня. Я совсем не знал, что такое музыка, пока не услышал вашу игру. У меня такое чувство, точно до этого дня я никогда и не слышал музыки. - Он смотрел на Ангела во все глаза, потом обвел взглядом комнату. - Раньше, слушая музыку, я никогда ничего подобного не чувствовал, - сказал он. И покачал головой. - Больше я никогда не буду играть.

АНГЕЛ ИССЛЕДУЕТ ДЕРЕВНЮ

Викарий - полагаю, очень неразумно - позволил Ангелу одному пойти в деревню, чтобы расширить свои представления о человечестве. Неразумно, ибо разве мог он представить себе, какой прием встретит там Ангел? Неразумно, но, боюсь, не безраздумно. В деревне он всегда держался с достоинством, он и помыслить не мог о том, чтобы ему пройти вдвоем со своим гостем по улочке, - тот непременно станет обо всем расспрашивать и указывать пальцем, а он. Викарий, должен будет объяснять. Ангел может повести себя странно - а в деревне уж непременно вообразят что-нибудь и вовсе дикое.

Будут смотреть на них во все глаза: "Кто это с ним?" К тому же разве долг не велит ему заблаговременно заняться своей проповедью? И вот, получив необходимые наставления, Ангел бодро отправился в путь один, еще ничего почти не ведая об особенностях, отличающих человеческий образ мыслей от ангельского.

Ангел медленно брел, заложив белые руки за свою горбатую спину. Он пытливо заглядывал в глаза каждому встречному. Маленькая девочка, рвавшая жимолость и вику, поглядела ему в лицо, потом подошла и вложила ему в руку свой букетик. Это был пока, пожалуй, единственный случай, когда кто-либо из людей (не считая Викария и еще одного существа) отнесся к нему с добротой. Потом, проходя мимо домика матушки Гестик, он услышал, как та бранила свою внучку.

- Ах ты наглая дрянь! - кричала матушка Гестик. - Щеголиха бесстыжая! - Ангел остановился, пораженный странным звучанием голоса матушки Гестик. - Вырядилась в лучшее платье, в шляпу с пером, и шасть со двора - фу-ты, ну-ты! - к своим кавалерам, а я тут работай на нее, как каторжная! Корчишь из себя барыню, голубушка моя, а сама шлюха шлюхой: тебе один шаг до гибели. Лень да франтовство до добра не доведут!

Голос внезапно смолк, и в сотрясенном воздухе разлилась благостная тишина.

- Как дико и нелепо! - сказал Ангел, не сводя глаз с удивительного ларчика раздора. - Кого-то корчат! - Он не знал, что матушка Гестик вдруг обнаружила его присутствие и рассматривает его сквозь щели в ставне. Но вдруг дверь распахнулась, и старуха уставилась Ангелу в лицо. Странное явление: пыльные седые волосы и грязное розовое платье, расстегнутое спереди будто нарочно затем, чтобы выставить напоказ дряблую шею и грудь, - ржавая водосточная труба, которая вот-вот станет изрыгать непостижимую ругань.

- Так-то, сударь, - начала миссис Гестик. - Больше вам и делать нечего, как подслушивать у чужих дверей, сплетни собирать?

Ангел недоуменно смотрел на нее.

- Ишь ты как! - продолжала миссис Гестик, видно, и в самом деле очень рассерженная. - Подслушивать!

- Если вам не нравится, что я вас слушаю...

- Не нравится, что он слушает! Еще бы мне это правилось! Что вы в самом деле думаете? Ишь, простачок нашелся!..

- Но если вы не хотели, чтобы я вас слышал, зачем вы так громко кричали? Я подумал...

- Он подумал! Дурак безмозглый, вот ты кто! Дурень пучеглазый. Что, не придумал ничего умней, как стоять, разиня свое поганое хайло - авось, что и попадет в него! А потом побежишь разносить по деревне! Ах ты жирная рожа, чурбан, разносчик сплетен! Уж я бы так постыдилась рыскать и подглядывать вокруг домов, где живут приличные люди...

Ангел с удивлением открыл, что какая-то неизъяснимая особенность ее голоса вызывает в нем крайне неприятные ощущения и сильное желание удалиться. Но, перебарывая себя, он стоял и вежливо слушал (как принято слушать в Ангельской Стране, пока другой говорит). Весь в целом этот взрыв был для него непонятен. Было непостижимо, по какой причине внезапно выдвинулась - так сказать, из бесконечности - эта исступленная голова. И он никак не представлял себе - весь его прежний опыт это исключал, - что можно задавать вопрос за вопросом, не дожидаясь ответов.

Ни на миг не прерывая свою цветистую речь, миссис Гестик заверила его, что он не джентльмен, спросила, не называет ли он себя таковым, отметила, что в наши дни это делает каждый проходимец, сравнила его с раскормленной свиньей, удивилась его бесстыдству, справилась, не совестно ли ему перед самим собой стоять тут у дверей, осведомилась, не врос ли он в землю, полюбопытствовала, что он этим хочет доказать, пожелала узнать, не обворовал ли он огородное пугало, чтобы напялить на себя его наряд, высказала догадку, что на такое поведение его толкает непомерное тщеславие, поинтересовалась, знает ли его мамаша, что он вышел погулять, добавила в заключение: "У меня, голубчик, кое-что найдется, чтобы сдвинуть вас с места!" - и скрылась, яростно хлопнув дверью.

Наступившая временно тишина показалась Ангелу поразительно мирной.

Голова шла у него кругом, но теперь он наконец получил возможность разобраться в своих новых ощущениях. Он перестал улыбаться и кланяться и только стоял в удивлении.

- Какое-то странное чувство, сродное боли, - сказал Ангел. - Чуть ли не хуже, чем голод, и совсем непохоже на него. Когда ты голоден, хочется есть. Она, я полагаю, была женщиной. Так и хочется удалиться. Полагаю, мне можно уйти сейчас же?

Он неторопливо повернулся и, задумавшись, пошел дальше. Он услышал, как дверь домика снова распахнулась, и, оглянувшись, увидел сквозь алый заслон въюна матушку Гестик, державшую в руках кастрюлю с горячим отваром из-под капусты.

- Хорошо сделали, что ушли, мистер Укради Штаны, - донесся через пурпур вьюна голос миссис Гестик. - Только не вздумайте прийти опять и рыскать вокруг дома, а не то я вас научу приличным манерам, уж поверьте!

Ангел остановился в полной растерянности. У него и в мыслях не было когда-либо опять подойти к этому дому. Он не понимал точного назначения черного сосуда, но общее впечатление было крайне неприятным. И ничем нельзя было это объяснить.

- Я всерьез! - говорил крещендо голос миссис Гестик. - А, чтоб тебя!..

Я всерьез!

Ангел отвернулся и пошел дальше с недоумением в глазах.

- Она очень смешная! - сказал Ангел. - Очень! Куда смешней того человечка в черном. И она говорит, что она всерьез... А что "всерьез", я не знаю!.. - Он умолк. - А другие разве у них не всерьез?.. - сказал он наконец все с тем же недоумением.

Ангел издалека завидел кузницу, где брат Сэнди Брайта подковывал лошадь возчика из Апмортонна. Возле кузницы стояли два неуклюжих подростка и глазели по-бычьему на работу кузнеца. Когда Ангел подошел ближе, эти двое, а затем и возчик медленно повернули головы (под углом в тридцать градусов) и стали следить за его приближением, уставив на него спокойный и недвижимый взгляд. Их лица выражали безразличное любопытство.

Впервые в жизни Ангел почувствовал неловкость оттого, что на него глядят. Он подошел, стараясь сохранить на лице любезное выражение, но тщетно: оно было бессильно сломить этот гранитный взгляд. Руки он держал за спиной. Он приветливо улыбался, с любопытством глядя на непонятное (для Ангела) занятие кузнеца. Но батарея глаз норовила перехватить его взгляд.

Стараясь встретить все три пары глаз сразу. Ангел утратил легкость поступи и споткнулся о камень. Один подросток насмешливо хихикнул и, охваченный смущением под вопрошающим взглядом Ангела, тут же, чтобы прикрыть внутреннее беспокойство, подтолкнул второго подростка локтем в бок. Никто не заговаривал, промолчал и Ангел.

Но едва Ангел прошел мимо, один из тех троих в вызывающем тоне промычал мотивчик.

Затем все трое расхохотались. Попробовал и другой что-то спеть, но почувствовал, что должен сперва отхаркаться. Ангел проследовал дальше своим путем.

- Это кто ж такой? - сказал второй подросток.

"Бинг, бинг, бинг", - выстукивал молоток кузнеца.

- Не иначе как иностранец, - сказал возчик из Апмортонна. - Сразу видно, что дурак, че-орт его возьми.

- А иностранцы всегда дураки, - мудро рассудил первый подросток.

- У него, похоже, горб на спине! - сказал возчик из Апмортонна. - Че-оорт меня подери, если не так.

Снова установилось нерушимое молчание, и все трое пустым, ничего не выражающим взглядом провожали удалявшуюся фигуру Ангела.

- Очень похоже на горб, - сказал возчик после нескончаемо долгой паузы.

Ангел шел дальше по деревне, и все ему казалось удивительным. "Они начинаются, проходит короткое время, и они кончаются, - говорил он сам с собой недоуменным голосом. - Но что же они делают в промежутке?" - Он услышал раз, как невидимый рот пел невнятные слова на тот мотив, что промышчал человек возле кузницы.

- Это тот несчастный, которого Викарий подстрелил из своей двустволки, - сказала Сара Глу (Приходские дома, № 1), рассматривая его поверх жалюзи.

- Похож на француза, - сказала Сьюзен Хопер, глядя в просветы этой удобной ширмы для любопытства.

- У него такие милые глаза, - сказала Сара Глу, на одно мгновение перехватив их взгляд.

Ангел продолжал свою прогулку. Мимо шел почтальон и в знак приветствия приложил руку к козырьку; дальше он увидел спящую на припеке собаку. Ангел миновал ее и увидел Мендхема, который холодно кивнул ему и поспешил пройти мимо. (Помощник Викария не хотел, чтобы его видели в деревне разговаривающим с Ангелом, пока не выяснится, что это за личность.) Потом из одного дома донесся визг раскапризничавшегося ребенка, что Ангела и вовсе озадачило. Затем Ангел вышел на мост за последним домом деревни и здесь, склонившись над перилами, загляделся на сверкание маленького водопада у мельницы.

- Они начинаются, проходит короткое-время, и они кончаются, - говорила мельничная запруда. Вода убегала под мост, зеленая и темная, исполосованная пеной.

За мельницей поднимала ввысь свою прямоугольную колокольню церковь с погостом позади, волна могильных камней и деревянных надгробий расплескалась по склону холма. Картину обрамляли шесть или семь букв.

Ангел услышал за спиной шарканье ног, скрип колеса и, повернув голову, увидел человека в грязных бурых лохмотьях и, фетровой, серой от пыли шляпе. Он стоял, слегка покачиваясь, и пристально смотрел Ангелу в спину.

Позади него другой, почти такой же грязный человек катил по мосту на тачке точильный станок.

- Здравствуй... - сказал первый, чуть улыбнувшись, - с добрым... ут-т... - Он сдерживал вырывающуюся икоту.

Ангел остановил на нем взгляд. Он еще никогда не видел такой совсем уж бессмысленной улыбки.

- Кто вы? - сказал Ангел.

Бессмысленная улыбка исчезла.

- А к-какое вам дело, кто я? Ддобб... утро...

- Идем-идем! - сказал, поравнявшись с ним, человек с точильным станком.

- Й-я гговорю "ддоб-б... утро", - сказал оборванец с обидой в голосе. - Не можете ответить?

- Идем-идем, дурак! - сказал, двинувшись дальше, человек со станком.

- Я не понимаю, - сказал Ангел.

- Нне понима... Да просто - ик! Я сказал: доб-б-б у-ут... Нне жжела... ик! отвечать? Не жжела...? Дженмен... г-грит дженмену "с добрым у-ут..."

Положено отвечать. Вы не джентльмен. Придется поучить.

Ангел был озадачен. Минуту пьяный стоял, покачиваясь, потом неуверенно снял с себя шляпу и швырнул ее Ангелу под ноги.

- Оч-чч хорошо! - сказал он таким тоном, точно принял важное решение.

- Идем-идем! - донесся голос человека со станком, откатившего свою тачку на добрых двадцать ярдов.

- Не х-х-хочешь драться, эх ты... - Ангел не разобрал слова.

- И-йя те покажу, как не отвечать дж-мену на "добр... утро".

Он принялся стаскивать с себя куртку.

- Думаешь, я пьян? - сказал он. - Я те покажу!

Человек со станком присел на край тачки и приготовился наблюдать.

- Идем-иде-ом! - сказал он.

Куртка завернулась, и пьяный топтался на месте, пытаясь выпутаться из нее и выкрикивая угрозы и ругань. Понемногу Ангел начал подозревать, пока еще довольно смутно, что эти приготовления носят враждебный характер.

- Рродная ммать не узнает тебя, так я тебя разделаю! - сказал пьяный, закинув куртку чуть не на голову.

Наконец одежда оказалась на земле, и пьяный точильщик позволил внимательному глазу Ангела разглядеть сквозь частые прорехи в останках жилета прекрасное, волосатое и мускулистое, тело. Он с молодецким видом выпятил грудь.

- Хочешь, сорву с тебя кочерыжку, а? - предложил пьяный и сделал шаг вперед и шаг назад, подняв кулаки и оттопырив локти.

- Валяй, пошли, - донеслось с дороги.

Внимание Ангела сосредоточилось на паре огромных, волосатых черных кулаков, которые раскачивались, то надвигаясь, то отступая.

- Валяй, говоришь? Йя ему покажу! - сказал джентльмен в лохмотьях и затем с предельной свирепостью:

- Голубчик ты мой. Я т-те покажу!

Он вдруг рванулся вперед, и Ангел, повинувшись новорожденному инстинкту, отступил на шаг и, чтобы избежать удара, даже заслонил рукой лицо. Кулак прошел на волосок от ангельского плеча, и точильщик грудой лохмотьев повалился наземь, упершись лбом в перила моста. Ангел с полминуты стоял в колебании над дергающейся в судороге грязной кучей богохульства, потом повернулся к ждавшему на дороге товарищу своего противника.

- Ддай мне только встать, - сказал человек на мосту. - Дай мне встать, и я те покажу, скотина! Я те покажу!

Странная неприязнь, судорога отвращения охватила Ангела. Он медленно побрел прочь от пьяного к человеку с точильным станком.

- Что все это значит? - сказал Ангел. - Я не понимаю.

- Дурак он паршивый!.. Говорит, у него серебряная свадьба, - досадливо ответил человек со станком и с возросшим нетерпением в голосе еще раз закричал в сторону моста:

- Иде-ом!

- Серебряная свадьба! - повторил Ангел. - Что это такое, серебряная свадьба?

- А, чистый вздор, - сказал человек на тачке. - Он всегда найдет, на что сослаться. С души воротит. На той неделе был день его рождения, будь он неладен, а перед тем он никак не мог протрезвиться после выпивки в честь моей новой тачки. (Да идем же, дурень!).

- Но я не понимаю, - сказал Ангел, - почему он так шатается? Почему он все старается поднять свою шляпу и никак не поднимет?

- Почему? - сказал точильщик. - Есть же еще на свете такие, черт их возьми, невинные дитяти! Почему? Да потому, что нализался! А то с чего бы?

Идем же... чертов болван. Потому что пьян в дым. Вот почему!

По тону голоса второго точильщика Ангел рассудил, что разумней будет воздержаться от новых расспросов. Но он стоял у его тачки и продолжал наблюдать за таинственными маневрами на мосту.

- Иде-ом! Эх, видать, придется мне пойти самому и поднять ему эту шляпу... ну просто беда мне с ним. Никогда еще у меня не было такого паршивого напарника. Беда мне с ним, да и только.

Человек с тачкой призадумался.

- Добро бы он был джентльмен и не должен был бы зарабатывать себе кусок хлеба. И ведь такой дурак. Как хватит малость, так ему удержу нет.

Задирает каждого встречного. (Наконец-то пошел!) Провались я на месте, если он не собрался драться со всей Армией Спасения, будь она неладна!

Совсем разума нет у человека. (Эгей! Идем-иде-о-ом! Иде-ом!) Нет, придется мне все-таки сходить за его шляпой, будь она неладна! Сколько хлопот доставляет, а ему хоть бы что!

Второй точильщик вернулся на мост и, любовно чертыхаясь, помог первому надеть шляпу и куртку. Ангел все глядел на них. Потом, в полном недоумении перед столькими тайнами, двинулся назад в деревню.

После этой встречи Ангел прошел мимо мельницы и, обогнув церковь, направился осмотреть надгробья.

- Это как будто место, куда они складывают обломки развалин, - сказал Ангел, читая надписи. - Любопытное слово - "Вдовица" - "Resurgam"...

<восстану из мертвых (лат.)> Значит, они не вовсе уничтожаются. И такая огромная понадобилась куча, чтобы удержать ее под землей... Какая сила духа!

- Хокинс! - тихо молвил Ангел... - Хокинс? Имя мне незнакомо... Он, значит, не умер - ясно же: "Приобщился Сонму Ангелов 17-го мая 1863 г."

Ему, верно, было здесь, внизу, так же неуютно, как мне. Но не пойму, зачем на памятник поставили сверху эту штуку вроде горшка. Любопытно! Тут кругом еще

несколько таких же - каменные горшочки, а над ними обрывки застывшего каменного покрывала.

Из Народного училища высыпала ватага мальчишек, и сперва один, а за ним и несколько других остановились, разиня рот, при виде черной сгорбленной фигуры Ангела среди белых надгробных камней.

- А у него горб на спине! - заметил маленький критик.

- Волосы-то как у девчонки! - сказал второй.

Ангел обернулся на их голоса. Его поразило странный вид смешных маленьких голов, торчавших по замшелой стене. Он тихо улыбнулся глазевшим на него личикам и, отвернувшись, снова засмотрелся на чугунную решетку вокруг могилы Фитц-Джарвиса. "Странно, какое чувство недоверия, - сказал он. - Плиты, груды камней, эти решетки... Боятся они?.. Или мертвые иногда пытаются встать? Их как будто хотят придавить... строят укрепления..."

- Остриги волосья, остриги волосья, - запели хором трое мальчуганов.

- И чудные они, люди! - сказал Ангел. - Вчера тот мужчина хотел спилить мне крылья, сейчас эти маленькие создания хотят отрезать мне волосы! А тот человек на мосту предложил сорвать с меня "кочерыжку". Еще немного, и они ничего от меня не оставят.

- Где нашел ты эту шляпу? - пел другой мальчуган. - Где ты взял свой балахон?

- Они задают вопросы, но ответы им, видимо, не нужны, - сказал Ангел. - Это ясно по их тону. - Он задумчиво смотрел на мальчиков. - Мне непонятны методы человеческого общения. То, что происходит сейчас, наверно, изъяснение дружбы, нечто вроде обряда. Но я не знаю ответов. Пожалуй, мне лучше пойти назад к маленькому толстому человечку в черном, с золотой цепочкой через весь живот, и пусть он мне объяснит. Все так непросто.

Он повернулся к арке у входа на кладбище.

- Эгей! - пронзительным фальцетом сказал один из мальчиков и швырнул в него скорлупой букового ореха. Она, подпрыгивая, покатила по кладбищенской дорожке. Ангел остановился в удивлении.

Тут все мальчики расхохотались. В подражание первому второй тоже сказал "Эгей!" и попал в Ангела. Удивленный вид горбуна был прямо восхитителен.

Они все стали кричать "Эгей!" и швыряться скорлупой буковых орехов. Одна скорлупа попала Ангелу в кисть руки, другая сильно кольнула за ухом. Ангел неумело замахал, проговорил, запинаясь, несколько слов упрека и вышел на дорогу. Его замешательство и трусость удивили и возмутили мальчиков.

Нечего поощрять слюнтяев! Обстрел становился все жесточе. Вы без труда представите себе яркие моменты боя: самые задиристые мальчуганы сомкнутым строем выбегают вперед и дают дружные залпы; мальчуганы более робкие следуют врассыпную позади, ограничиваясь одиночными выстрелами. Шавку Милтона Попрошайки это зрелище привело в экстаз, и она, вообразив самые дикие вещи, с визгом принялась бегать по кругу, подбираясь все ближе к ангельским лодыжкам.

- Ай-ай-ай! - сказал могучий голос. - Не ожидал! Не ожидал! Где мистер Джарвис? Кто учил вас таким манерам, маленькие негодники!

Малыши кинулись кто влево, кто вправо, иные - махом через ограду на школьный двор, иные - во всю прыть по улице.

- Эти мальчишки просто невыносимы! - гудел, подходя, мистер Крумп. - Очень сожалею, что они надоедали вам.

Ангел был, казалось, сильно расстроен.

- Не пойму, - сказал он. - Человеческие обычаи просто...

- Ну, разумеется. Для вас они непривычны. Как ваш отросток?

- Мой - как вы назвали? - спросил Ангел.

- Ваша раздвоенная конечность. Как она сейчас? Раз уж вы тут рядом, зайдемте ко мне. Зайдемте, и я посмотрю еще разок, что там у вас делается.

(Ах вы, шалопаи!) А тем временем эти маленькие невежи разойдутся по домам.

В деревнях они все одного пошиба. Не способны понять ничего, что выходит за пределы нормы. Увидел приезжего непривычной внешности - швыряй в него камень! Их воображение не идет дальше своего прихода... (Смотрите, вкачу вам микстуры, если еще раз поймаю вас на том, что вы задеваете приезжих!).

Впрочем, скажу я, ничего другого и ждать не приходится... В эту дверь, прошу! Так Ангела, все еще полного смущения, затащили на перевязку.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ ЛЕДИ ХАММЕРГЕЛЛОУ

В Сиддермортон-парке стоит Сиддермортон-Хаус - барский дом, где живет старая леди Хаммергеллоу; живет главным образом бургундским и деревенскими сплетнями - милая старая дама с морщинистой шеей и красно-бурым цветом лица. Она подвержена бурным приступам дурного настроения и признает для своих слуг и арендаторов только три средства от всех их бед: бутылку джина, одеяло из благотворительного фонда или новенькую крону. От Сиддермортон-Хауса милая леди полторы. Старая дама владеет всей деревней, за исключением южной окраины, принадлежащей сэру Джону Готчу, и правит ею самодержавно, что в наши дни разделения власти несет отраду, как родник среди пустыни. Она предписывает и запрещает браки, изгоняет из деревни неудобных ей людей путем простого повышения арендной платы, увольняет батраков, обязывает еретиков ходить в церковь и заставила Сьюзен Денгетт, когда та выбрала для своей дочки имя "Юфимия", окрестить младенца Мэри-Анной. Она протестантка широких воззрений и не одобряет, что у Викария лысинка похожа на тонзуру. Она член Приходского Совета, вследствие чего Совет во всем составе плетется к ней по холму и через вересковую пустошь и все свои речи (так как она глуховата) произносит не с трибуны, а в трубку слухового аппарата. Политикой она больше не интересуется, но до начала текущего года была яркой противницей "этого Гладстона". Вместо лакеев она держит в доме только женскую прислугу - по милости американского биржевого маклера Хоклея и его четырех ливрейных великанов.

Она держит деревню во власти чуть не колдовской. Вы можете в трактире "Кот и Рог Изобилия" поклясться господом богом, и никого вы этим не заденете; но помяните всуе имя леди Хаммергеллоу, и все будут так оскорблены, что вас, чего доброго, выставят вон. Проезжая через Сиддермортон, она неизменно

заглядывает к почтмейстерше Бесси Флумп - послушать, где что случилось, а затем к мисс Финч, портнихе - проверить Бесси Флумп. Иногда она навещает Викария, иногда миссис Мендхем, которую ни во что не ставит, а изредка и Крумпа. Ее блистательная пара сивых чуть не переехала Ангела, когда он шел в деревню.

- Так вот он, этот гений! - сказала леди Хаммергеллоу, обернулась и посмотрела на него в позолоченный лорнет, который всегда держала в своей морщинистой, трясущейся руке. - Сумасшедший? Что-то непохоже. Лицо у бедняжки красивое. Жалко, надо было с ним поговорить.

Она тем не менее заехала к Викарию, чтобы лично расспросить его про новость. Разноречивые отчеты мисс Флумп, мисс Финч, миссис Мендхем, Крумпа и миссис Джехорем совсем сбили ее с толку. Окончательно затравленный, Викарий старался, как мог, объяснить ей в трубку, что произошло на самом деле. Он не упомянул о крыльях и шафрановой ризе. Но все же он чувствовал всю безнадежность положения. Своего протеже он называл "мистером" Ангелом.

А сам бросал жалобные реплики в сторону своего зимородка. Старая дама заметила его замешательство. Ее чудная старческая голова дергалась взад и вперед, трубка вдруг тыкалась в его лицо, когда он вовсе и не собирался говорить, а потом сощуренные глазки жадно впивались в него, забыв про объяснения, сходявшие в это время с его губ, охи да ахи невпопад. Но кое-что она, несомненно, разобрала.

- Вы пригласили его погостить на неопределенный срок? - сказала леди Хаммергеллоу в то время, как великая мысль быстро принимала в ее уме отчетливую форму.

- Да, я совершил... может быть, по оплошности, такую... такую...

- И вы не знаете, откуда он?

- Не знаю совершенно.

- И я полагаю, не знаете, кто его отец? - таинственно добавила леди Хаммергеллоу.

- Не знаю, - сказал Викарий.

- Но-но! - сказала шаловливо леди Хаммергеллоу и, поднеся к глазам лорнет, вдруг ткнула Викария трубкой в бок.

- Моя дорогая леди Хаммергеллоу!

- Я так и предполагала. Не подумайте, что я буду вас винить, мистер Хильер. - Она засмеялась самодовольным циничным смешком. - Мир есть мир, мужчина есть мужчина. И бедный мальчик - калека, да? Это в своем роде кара. Я еще утром заметила... Мне это напомнило "Алую Букву" Готорна.

Мать, как я понимаю, умерла. Это, пожалуй, к лучшему. Нет, в самом деле, я женщина широких взглядов - я вас уважаю за то, что он у вас есть. В самом деле уважаю.

- Что вы, леди Хаммергеллоу!

- Не отрицайте, вы только все испортите. Для женщины, знающей свет, здесь все совершенно ясно. Ах, эта миссис Мендхем! Она мне смешна со своими подозрениями. Какая дикая мысль... для жены священника! Но это случилось, надеюсь, до того, как вы приняли сан?

- Леди Хаммергеллоу, вы ошибаетесь. Поверьте мне.

- Мистер Хильер, ни слова! Я знаю. Говорите, что вам угодно, вы ни на йоту не измените моего мнения. И не пытайтесь. Я и не подозревала, что вы такой интересный мужчина!

- Но это подозрение невыносимо.

- Мы станем вместе помогать ему, мистер Хильер. Можете на меня положиться. Это необычайно романтично. - Она источала благоволение.

- Но, леди Хаммергеллоу, вы должны меня выслушать!

Она решительно отняла от уха трубку и, прижав ее к груди, затрясла головой.

- Я слышала, Викарий, у него большой музыкальный талант?

- Заверяю вас самым торжественным образом...

- Я так и думала. И будучи притом калекой...

- Вы введены в жесточайшее...

- Я подумала, что если он в самом деле так одарен, как говорит эта Джахорем...

- Это - самое несправедливое подозрение, какое только падало когда-либо на человека!

- Впрочем, я всегда была невысокого мнения о ее уме.

- Как можно в моем положении! И разве мое доброе имя так мало весит?

- Пожалуй, можно будет испробовать его в качестве исполнителя.

- Разве я... (А что толку?... Провались оно все!).

- Итак, дорогой Викарий, предлагаю: предоставим ему возможность показать нам, на что он способен. Я все обдумала, пока ехала сюда. В ближайший вторник я устрою у себя небольшой прием - для людей с хорошим вкусом, и пусть он придет со скрипкой. Так? И если пройдет удачно, я посмотрю, не смогу ли я ввести его и в другие дома, и мы, что называется, станем его продвигать.

- Но леди... леди Хаммергеллоу!

- Ни слова больше! - отрезала леди Хаммергеллоу, все еще решительно прижимая трубку к груди и стиснув в руке лорнет. - Я, право, больше не могу - лошади застоялись. Кетлер так не любит, когда я их заставляю слишком долго стоять. Ему, бедному, очень скучно бывает ждать, если нет поблизости кабака. - Она направилась к дверям.

- Черт возьми! - сказал Викарий вполголоса. Он еще ни разу не произнес этих слов с того часа, как принял сан. Судите по этому, в какое расстройство может привести человека появление в его доме ангела.

Он стоял под верандой и следил, как отъезжала карета. Казалось, мир вокруг разваливается на куски. Неужели он напрасно тридцать с лишним лет вел добродетельную, целомудренную жизнь? Подумать только, на какие вещи считают его способным эти люди! Он стоял и смотрел на зеленую ниву напротив, на разбросанную по склону холма деревню. Они казались достаточно реальными. И все-таки - впервые в жизни - у него явилось странное сомнение в их реальности. Он почесал подбородок, повернулся и медленно поднялся по лестнице в свою гардеробную и долгое время сидел, не сводя глаз с какой-то желтой ткани.

- "Знаю ли я, кто его отец!" - сказал он. - А он, бессмертный, он парил в своем небе, когда наши предки были еще сумчатыми... Хотелось бы, чтобы сейчас он был рядом.

Он встал и пощупал ризу.

- Интересно, откуда у них берутся такие вещи, - сказал Викарий. Потом подошел к окну и стал смотреть. - Мне думается, все на свете чудо, даже восход и закат солнца. Мне думается, нет ее, несокрушимой основы всякой веры. Но есть у человека некий установленный порядок принятия всего сущего. И вот он нарушен. Я как будто пробуждаюсь для невидимого. Какая-то из странных странная неуверенность. Никогда со дней моей юности я не чувствовал себя таким смятенным, внутренне неустроенным.

ДАЛЬНЕЙШИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ АНГЕЛА В ДЕРЕВНЕ

- Теперь все в порядке, - сказал Крумп, кончив перевязку. - Это, несомненно, проделки памяти, но сегодня ваши отростки кажутся мне совсем не такими большими, как вчера. Наверно, они меня слишком тогда поразили.

Оставайтесь, позавтракаем вместе, раз уж вы здесь. Полдник, знаете, да? А потом ребятишки уберутся опять в училище до самого вечера.

- Я никогда в жизни не видел, чтобы рана так хорошо заживала, - сказал он, когда шел с Ангелом в столовую. - У вас кровь и плоть, наверно, чертовски чисты и совершенно свободны от бактерий. Какой бы дрянью ни была набита ваша голова, - добавил он *sotto voce* <вполголоса (итал.)>.

За завтраком он пристально наблюдал за Ангелом, и разговаривал, стараясь побольше выведать как бы между прочим.

- Вас не утомило вчерашнее путешествие? - сказал он вдруг.

- Путешествие? - удивился Ангел. - Да, крылья как-то онемели.

(...Его не собьешь, - подумал Крумп. - Придется, видно, войти в его игру.).

- Так вы почти всю дорогу летели, а? И ни на чем не ехали?

- Не было никакой дороги, - объяснял Ангел, набирая горчицу. - Я летел по ходу симфонии с несколькими Гриффонами и Огненным херувимом, и вдруг настал сплошной мрак, и я оказался здесь, в вашем мире.

- Ага! - сказал Крумп. - Так вот почему у вас нет с собой никакого багажа. - Он провел салфеткой по губам, и в глазах его заиграла усмешка.

- Полагаю, наш мир вам хорошо знаком. Вы наблюдали за нами через алмазные стены и всякое такое. А?

- Не очень хорошо. Мы изредка видим его во сне. Лунными ночами, когда нас усыпляют кошмары, вея черными крыльями.

- А, да... понятно, - сказал Крумп. - Очень поэтичное иносказание. Не выпьете ли бургундского? Вот оно, рядом с вами... В нашем мире существует, знаете, убеждение, что ангелы совсем не так редко посещают землю. Может быть, некоторые из ваших... друзей уже совершали такие путешествия?

Предполагают, что они нисходят к достойным лицам в тюрьму, танцуют танец баядерок и тому подобное. Ну, как в "Фаусте", знаете?

- Я никогда не слышал ни о чем похожем, - сказал Ангел.

- Совсем на днях одна дама, чей ребенок стал на некоторое время моим пациентом (несварение желудка), уверяла меня, когда малыш строил гримасы, будто это указывает на то, что ему снятся ангелы. В романах миссис Генри Вуд

этот симптом трактуется как безошибочное предвестие ранней смерти. Не могли ли бы вы пролить некоторый свет на эти сбивчивые патологические показания?

- Мне это все непонятно, - сказал Ангел. Он был озадачен и не представлял себе ясно, куда клонит доктор.

("Обиделся, - сказал Крумп самому себе. - Видит, что я над ним потешаюсь").

- Меня интересует одна вещь: часто вновь прибывшие жалуются там у вас на врачей, которые их пользовали? Мне всегда представлялось, что прежде всего должно быть немало толков насчет водолечения. Не далее, как в июне текущего года, когда я смотрел на эту картину в Академии...

- Вновь прибывшие? - удивился Ангел. - Я не улавливаю вашу мысль.

Доктор широко открыл глаза.

- Разве они не попадают к вам?

- К нам? - сказал Ангел. - Кто?

- Те, что здесь умирают.

- После того, как превратятся в развалины?

- У нас, знаете, так верит большинство.

- Такие люди, как та женщина, что кричала в дверь, как тот шатавшийся чернолицый мужчина, как те гадкие маленькие человечки, что швырялись скорлупой? Конечно, нет! Я никогда не видел таких созданий, пока не упал в ваш мир...

- Но! Бросьте! - сказал Доктор. - Вы еще скажете, что ваша форменная одежда вовсе не белая и что вы не умеете играть на арфе.

- Белого в Ангельской Стране вообще не бывает, - сказал Ангел. - Это же тот странный пустой цвет, который получается у вас от смешения всех других.

- Простите, сэр! - сказал Доктор, вдруг изменив тон. - Вы положительно ничего не знаете о Стране, откуда вы явились. Белое - это ее сущность!

Ангел воззрился на него. Шутит он? Нет как будто.

- Я вам сейчас покажу, - сказал Крумп, встал и подошел к буфету, на котором лежал номер "Журналь де Пари". Он поднес его Ангелу и раскрыл на цветном приложении.

- Вот вам настоящие ангелы, - сказал он. - Одни лишь крылья еще не делают ангела. Все они в белом, как видите, в кисейных платьицах, возносятся в небо, не развернув своих крыльев. Вот это ангелы, согласно мнению знатоков. Волосы словно высветлены перекисью водорода. У одного в руках маленькая арфа. Другой помогает этой бескрылой даме - так сказать, ангелу-личинке - вознестись ввысь.

- Ах, нет! Правда же, - сказал Ангел. - Это совсем не ангелы.

- Ангелы! - сказал Крумп, положил журнал обратно на буфет и с видом глубокого удовлетворения сел на свой стул. - Могу вас уверить, сославшись на самые высокие авторитеты...

- А я могу вас уверить...

Крумп всосал уголки губ и покачал головой - совсем как тогда в разговоре с Викарием.

- Спорить бесполезно, - оказал он. - Мы не можем менять свои представления только потому, что какой-то безответственный пришелец...

- Если это ангелы, - сказал Ангел, - то я никогда не бывал в Ангельской Стране.

- Вот именно, - подхватил Крумп, чрезвычайно довольный собой. - Это то, к чему я и хотел подвести.

Минуту Ангел смотрел на него круглыми глазами, потом вторично поддался особенному, чисто человеческому смятению - разразился смехом.

- Ха-ха-ха! - присоединился к нему Крумп. - Я сразу понял, что вы совсем не такой сумасшедший, каким кажетесь. Ха-ха-ха!

До конца завтрака они оба, хоть и по разным причинам, были очень веселы, и Крумп теперь обращался с Ангелом уже не иначе, как с ловким шутником.

Выйдя от Крумпа, Ангел опять направился вверх по холму к дому Викария.

Однако у перелаза - может быть, желая избежать встречи с миссис Гестик, - он свернул в сторону и пошел кружным путем мимо Жаворонкова поля и фермы Бредли.

Он набрел на Благородного Бродягу, мирно спавшего среди полевых цветов.

Он остановился, привлеченный небесным спокойствием на лице этого индивидуума. Под ангельским взглядом Благородный Бродяга вздрогнул, проснулся и привстал с земли. У него был тусклый цвет лица; одет он был в ржаво-черное; шапокляк, давно утративший свой гордый вид, был нахлобучен на один глаз.

- Добрый день, - сказал он учтиво. - Как поживаете?

- Отлично, благодарю вас, - сказал Ангел, уже освоивший эти фразы.

Благородный Бродяга смерил Ангела критическим взглядом.

- Обиваешь копыта, приятель? - сказал он. - Как я?

Ангелу он показался загадочным.

- Почему, - спросил он, - вы спите вот так, а не в воздухе, на кровати?

- Разрази меня гром! - ответил Благородный Бродяга. - Почему я не сплю на кровати? Да так получается. В Сендрингеме идет побелка, в Виндзорском замке <Сендрингем и Виндзорский замок - королевские резиденции> чинят канализацию, а больше мне ночевать негде. У вас не найдется в кармане на полпинты, а?

- У меня в кармане нет ничего, - сказал Ангел.

- Эта деревня не Сиддермортон? - спросил Бродяга. Он, хрустя суставами, встал на ноги и кивнул на кучу крыш под горой.

- Да, - сказал Ангел, - ее называют Сиддермортон.

- Я знаю ее, знаю, - проговорил Бродяга. - Это очень миленькая деревушка. -

Он потянулся, зевнул и стал смотреть на деревню. - Дома, - сказал он раздумчиво. - Съестное (он повел рукой, указывая на поля и сады). Выглядит уютно, не правда ли?

- В этом есть своя особенная причудливая красота, - сказал Ангел.

- Есть, еще бы - особенная, причудливая, да... Господи! Я бы в дым разгромил это проклятое место... Я здесь родился.

- Вот как! - вздохнул Ангел.

- Да, я здесь родился. Вы когда-нибудь слышали о напичканных лягушках?

- О напичканных лягушках? - спросил Ангел. - Нет!

- Этим вивисекторы занимаются. Возьмут лягушку, вырежут ей мозг, а потом насыют вместо мозга трухи. Это и будет напичканная лягушка. Так вот, здесь в деревне полно напичканных людей.

Ангел принял все в прямом смысле.

- Неужели это так? - сказал он.

- Так и не иначе, поверьте моему слову. Тут как есть каждому вырезали мозги и набили голову гнилыми опилками. Видите вы вон то местечко за красным забором?

- Оно зовется "Народное училище", - сказал Ангел.

- Да. Вот там их и пичкают, - сказал Бродяга, с увлечением развивая свою метафору.

- В самом деле? Как интересно!

- Делается с расчетом, - продолжал Бродяга. - Когда б у них были мозги, у них завелись бы мысли, а завелись бы у них мысли, они бы стали думать сами за себя. А сейчас вы можете пройти деревню из конца в конец и не встретите ни одного человека, который умел бы думать сам за себя. Это все люди с трухой вместо мозга. Я знаю эту деревню. Я в ней родился, и я бы, верно, по сей день жил тут и работал на тех, кто почище, если б не отбился от выпуска мозгов.

- Это болезненная операция? - спросил Ангел.

- Достаточно. Хотя голову и не трогают. И длится она долгое время. В школу их забирают маленькими, и им говорят: "Ступайте сюда, здесь вы наберетесь ума". Так они им говорят, а приходят малыши хорошими - чистое золото! И вот их начинают пичкать. Понемногу, по капельке выжимают из них добрые живые соки мозга. И забивают им черепушки датами, перечнями, всякой мурой. Выйдут они из школы - голова безмозглая, механизм заведен как надо - сейчас шляпу снимут перед всяким, кто на них посмотрит. Уж куда лучше: один вчера снял шляпу даже передо мной. Они бегают на побегушках, делают самую грязную работу да еще говорят спасибо, что им, понимаете, дают жить!

Они прямо-таки гордятся тяжелой работой и работают даром. После того, как их напичкают. Видишь, там парень пашет?

- Да, - сказал Ангел, - его тоже напичкали?

- Непременно. А то бы он сейчас, по такой приятной погоде обивал бы свои копыта, как я и благие апостолы.

- Начинаю понимать, - сказал Ангел не совсем уверенно.

- Я знал, что вы способны понять, - приободрил его Бродячий Философ. - Я сразу увидел, что вы правильный человек. Но серьезно: разве ж это не смешно - столько столетий цивилизации, а взять хоть этого безмозглого осла там, на косогоре, - исходит седьмым потом, надрывается! А ведь он англичанин. Он принадлежит, так сказать, к высшей расе во всем творении!

Один из повелителей Индии. Да это ж курам на смех! Флаг, который тысячу лет реет над полями битв и над всеми морями, - это его флаг. Еще не было в мире страны, столь великой и славной, как его страна. Не было испокон. И вот что из

нас делают. Я вам расскажу одну здешнюю историйку, как вы, я вижу, здесь - чужой. Есть тут парень по фамилии Готч - сэр Джон Готч, как он тут зовется. Так вот, когда Готч еще обучался джентльменским наукам в Оксфорде, я был восьмилетним мальчонкой, а моя сестра была девушкой семнадцати лет - у них в услужении. Но бог ты мой! Кто же не слышал эту историю, самую что ни на есть обыкновенную, о нем или о других вроде него?

- Я не слышал, - сказал Ангел.

- Каждую хорошенькую и веселую девчонку они выгоняют на панель, и каждого парня, если в нем есть хоть на грош задора и отваги или если он не хочет пить вместо пива то пойло, что ему присылает супруга помощника его преподобия, и снимать шляпу перед кем ни приведись, и оставлять кроликов и птицу тем, кто почище, - всех их выживают из деревни, как отпетых негодяев. А еще говорят о патриотизме! Об улучшении расы! Да ведь остаются такие, что их и с черномазыми не поставишь рядом, косоглазым-то на них тошно смотреть...

- Но мне не все понятно, - сказал Ангел, - я не услежу за вашей мыслью.

Бродячий Философ попробовал объясниться проще и рассказал Ангелу незамысловатую историю о сэре Джоне Готче и судомойке. Едва ли есть нужда ее пересказывать. Вы и так, наверно, догадались, что Ангела она оставила в том же недоумении. В ней полно было слов, которых он не понимал, потому что единственным средством передачи эмоций, каким располагал Философ, была богохульная ругань. Но хотя они говорили на несходных языках, он все же сумел в какой-то мере передать Ангелу свое убеждение (возможно, и необоснованное), что жизнь несправедлива и жестока и что сэр Джон Готч до крайности мерзок.

Он ушел, и последнее, что видел Ангел, была его пыльно-черная спина, удалявшаяся в сторону Айпинг-Хенгера. В поле у дороги взлетел фазан, и Философ-бродяга тут же поднял камень и метнул в птицу, которая жалобно заклохтала под злым и метким ударом. Затем он скрылся за углом.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ МИССИС ДЖЕХОРЕМ

- Я проходила мимо церковного дома и слышала, как там кто-то играл на скрипке, - сказала миссис Джехорем, принимая из рук миссис Мендхем чашку чая.

- Викарий играет, - сказала миссис Мендхем. - Я говорила об этом с Джорджем, но впустую. Не думаю, чтобы для священника было допустимо такое занятие. Это принято только у иностранцев. Однако с ним...

- Знаю, дорогая, - перебила миссис Джехорем. - Но Викария я слышала однажды на школьном празднике. Едва ли это был Викарий. Играли очень недурно, местами даже, знаете, с большим искусством. И что-то совсем новое. Я сегодня утром рассказала это нашей милой леди Хаммергеллоу. Мне пришел на ум...

- Тот сумасшедший? Очень возможно. Эти полоумные... Ах, милочка, я, верно, никогда не забуду ту ужасную встречу! Вчерашнюю.

- Я тоже.

- Мои бедные девочки! Они были так смущены, что не в силах вымолвить об этом ни единого слова. Я рассказывала леди Хаммер...

- Еще бы. Они же воспитанные девицы. Это было ужасно, милочка моя. Для них.

- А теперь, моя дорогая, скажите мне откровенно: вы и вправду поверили, что эта тварь - мужчина?

- Вы не слышали его игру.

- А я все-таки подозреваю, я даже почти уверена, Джесси... - Миссис Мендхем наклонилась вперед, как бы желая перейти на шепот.

Миссис Джехорем потянулась за печеньем.

- Но то, что я слышала сегодня утром... Я уверена, ни одна женщина на свете так не сыграет!

- Конечно, раз вы это утверждаете, то и спору нет, - сказала миссис Мендхем.

Миссис Джехорем считалась в Сиддермортоне непререкаемым авторитетом во всех вопросах живописи, музыки и литературы. Ее покойный муж был малоизвестным поэтом.

Затем строгим тоном судьи миссис Мендхем добавила:

- И все же...

- Знаете, - сказала миссис Джехорем, - я почти что склонна поверить рассказу нашего дорогого Викария.

- Ах, Джесси, вы слишком добры, - сказала миссис Мендхем.

- Нет, на самом деле, я не думаю, чтобы Викарий мог вчера, еще с утра, спрятать кого-то в своем доме. Уж мы, поверьте, узнали бы... Я не представляю себе, как могла бы чужая кошка пробежать в четырех милях от Сиддертон, и чтобы мы об этом не услышали. Здесь народ так любит посудачить...

- Я Викарию никогда не доверяла, - сказала миссис Мендхем. - Я его знаю.

- Да. Но его рассказ вполне правдоподобен. Если бы этот мистер Ангел был неким очень талантливым и эксцентричным...

- Да, нужно быть уж очень эксцентричным, чтобы одеваться так, как он.

Всему должны быть границы, дорогая.

- А шотландцы в юбках до колен? - сказала миссис Джехорем.

- Они хороши у себя в горах...

Миссис Джехорем остановила глаза на черном пятне, которое медленно ползло по желто-зеленому квадрату на склоне холма.

- Вот он идет, - сказала, поднявшись, миссис Джехорем, - прямо по полю.

Уверена, что он. Я различаю горб. Если только это не человек с мешком. Ах, боже мой, Минни, тут же есть бинокль! Так удобно - можно подсматривать, что творится у Викария!.. Да, мужчина. Несомненно, мужчина. Но какое у него нежное лицо!

Она с истинным альтруизмом передала бинокль хозяйке дома. Минуту царила шелестящая тишина.

- Сейчас, - заметила миссис Мендхем, - он одет вполне благопристойно.

- Вполне, - сказала миссис Джехорем.

Молчание.

- Он как будто рассержен.

- И сюртук в пыли.

- Походка довольно твердая, - сказала миссис Мендхем, - а то можно бы подумать... В такую жару...

Опять молчание.

- Понимаете, милочка, - сказала миссис Джехорем, опуская лорнет, - я, собственно, вот что имела в виду: он, возможно, какая-нибудь знаменитость, скрывающаяся под причудливым нарядом.

- Если можно назвать нарядом то, что граничит с наготой.

- Спору нет, это было эксцентрично. Но мне приходилось видеть маленьких детей в таких же распашонках, какая была на нем. Люди искусства часто позволяют себе разные причуды в одежде и поведении. Гений может украсть лошадь там, где какой-нибудь счетовод не посмеет заглянуть через чужой забор. Очень может быть, что он знаменитость и подсмеивается над нашей сельской простотой. И право же, его костюм был не так уж неприличен - приличней, чем велосипедный костюм на этих Новых женщинах. Я на днях видела такой в каком-то иллюстрированном журнале - кажется, в "Новом Бюджете", - знаете, милочка, ну просто трико! Нет, я склоняюсь к гипотезе о гении. Особенно после его игры. Я уверена, что он оригинал. И, вероятно, презабавный. Знаете, я буду просить Викария, чтобы он меня с ним познакомил.

- Моя дорогая! - вскричала миссис Мендхем.

- Непременно, - сказала миссис Джехорем.

- Боюсь, вы слишком опрометчивы, - предостерегла миссис Мендхем. - Гении и все такое - это хорошо в Лондоне. А не здесь, в церковном доме.

- Мы же собираемся просвещать народ. Я люблю оригинальность. Так или иначе, я хочу посмотреть на него вблизи.

- Будьте осторожны, чтобы вам не увидеть больше, чем следует, - сказала миссис Мендхем. - Я слышала, моды сильно изменились. Как я понимаю, в высшем свете решили, что гениев больше не следует поощрять. Эти недавние скандалы...

- Только в литературе, милочка, смею вас уверить. А в музыке...

- Говорите что угодно, милочка моя, - сказала миссис Мендхем, вдруг свернув на другое, - вы меня не убедите, что костюм этого субъекта не был до крайности откровенен и непристойен.

САМОЕ ОБЫЧНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Ангел задумчиво шел полем вдоль живой изгороди, направляясь к дому Викария. Лучи заходящего солнца сияли на его плечах, и тронули золотом дом, и горели огнем во всех окнах. У ворот, залитая солнечным светом, стояла маленькая Делия, служанка. Она стояла и глядела на него, приставив щитком ладонь к глазам. Ангелу вдруг пришло на ум, что хоть она здесь красива и не только красива - она живая и теплая.

Девушка открыла перед ним калитку, а сама посторонилась. Она его жалела, потому что ее старшая сестра была калекой. Он поклонился ей, как поклонился

бы всякой другой женщине, и одну секунду глядел ей в лицо. Она ответила взглядом на взгляд, и у нее екнуло в груди. Ангел нерешительно подошел.

- У вас очень красивые глаза, - сказал он спокойно, с оттенком удивления.

- О, что вы, сэр! - сказала она и отпрянула.

Удивление на лице Ангела перешло в растерянность. Он пошел дальше по дорожке между клумбами Викария, а она все стояла, придерживая рукой калитку, и неотрывно смотрела ему вслед. Под увитой розами верандой он оглянулся и посмотрел на нее.

Еще секунду она тоже смотрела на него, потом как-то неловко повела плечом, повернулась к нему спиной, захлопнув при этом калитку, и стала как будто смотреть вниз на долину, туда, где высилась колокольня.

ОСНОВА ОСНОВ ВСЕГО СУЩЕГО

За обедом Ангел рассказал Викарию обо всем, что его наиболее поразило из приключившегося с ним в тот день.

- Что странно в людях, - заметил Ангел, - это ваша готовность, чуть ли не наслаждение, с каким вы причиняете боль. Те мальчики, когда они утром швырялись в меня...

- ...Казалось, делали это с радостью? - подсказал Викарий. - Знаю.

- А ведь они не любят боль, - сказал Ангел.

- Да, - подтвердил Викарий. - Не любят, если больно им самим.

- А еще, - сказал Ангел, - я видел красивые растения, у которых листья растут остриями - два сюда и два туда, а когда я погладил один листок, он у меня вызвал очень неприятное ощущение.

- Жгучая крапива! - догадался Викарий.

- Это был новый вид боли. А другое растение, с головкой, как маленькая корона, и богато украшенное листьями, кололось и жалило...

- Чертополох, наверно.

- И у вас в саду есть красивые растения с нежным запахом...

- Шиповник, - сказал Викарий. - Как же, помню.

- И тот алый цветок, что выскочил из коробки...

- Из коробки? - удивился Викарий.

- Этой ночью, - напомнил Ангел. - Он еще полез на занавески... Огонь!

- А!.. Спички и свеча! Да, - сказал Викарий.

- Потом животные. Собака сегодня вела себя очень нехорошо... И эти мальчики, и вообще, как люди разговаривают... Каждый будто рвется или, во всяком случае, хочет доставить боль. Каждый будто о том и хлопчет, как бы причинить другому боль.

- Или как бы самому избежать ее, - сказал Викарий, отодвинув от себя тарелку.

- Да, конечно. Везде идет драка. Весь наш живой мир - сплошное поле битвы, весь мир! Нас подстегивает боль. Да. Это лежит на поверхности!

Ангел это разглядел в один день.

- Но почему же все хотят - все хочет - делать больно? - спросил Ангел.

- В Ангельской Стране это не так? - спросил Викарий.

- Не так, - сказал Ангел. - Почему же здесь это так?

Викарий медленно вытер салфеткой рот.

- Да, здесь оно так, - сказал он. - Боль, - заговорил он еще медленней, - есть основа основ нашей жизни. Знаете, - продолжал он, немного помолчав, - я, пожалуй, просто не мог бы представить себе... мир без боли... И все же, когда вы утром играли на скрипке!.. А наш мир, он другой. Он полная противоположность вашему, Ангельскому миру. Многие люди, превосходные, благочестивые люди, видя всюду боль, настолько подпали под ее действие, что стали думать, будто после смерти большинству из нас будет еще хуже, чем здесь. Мне такой взгляд представляется излишней крайностью. Но это вопрос глубокий. Его обсуждать, пожалуй, не в наших возможностях.

И Викарий, совершенно непоследовательно, пустился читать экспромтом лекцию о "Необходимости" - о том, что вещи таковы, потому что они таковы, и что каждому приходится делать то и это.

- Даже наша пища... - сказал Викарий.

- Пища? - сказал Ангел. - А что?

- Ее не получишь, не причинив боли, - сказал Викарий.

У Ангела так побелело лицо, что Викарий сразу осекся. А он уже собрался было дать гостю краткое разъяснение о том, чем был и через что прошел бараний окорок. Минуту оба молчали.

- Кстати, - вдруг вспомнил Ангел. - Вас тоже напичкали? Как простой народ?

АНГЕЛ ДЕБЮТИРУЕТ

Если леди Хаммергеллоу примет какое-либо решение, все так и пойдет, как она решила. И хотя Викарий судорожно противился, она провела задуманное в жизнь. Не прошло и недели, как в Сиддермортон-Хаус явились к ней на прием избранные ценители и Ангел со своею скрипкой. "Талант, открытый нашим Викарием!" - говорила она и таким образом с замечательной предусмотрительностью перекладывала на плечи Викария всю ответственность за возможный провал. "Милый Викарий уверяет..." - говорила она. И дальше следовал восторженный отзыв о том, как превосходно Ангел владеет инструментом. Но ей и самой полюбилась ее идея: она всегда втайне лелеяла мечту предстать покровительницей безвестного гения. До сих пор, когда доходило до проверки, обнаруживалось, что гений - вовсе и не гений.

- Ему это так подойдет, - сказала она. - У него и так уже длинные волосы, да еще при ярком своем румянце он будет на эстраде так хорош - ну просто красив. И одежда Викария сидит на нем так дурно, что он уже и сейчас очень походит на модного пианиста. А история его рождения, рассказываемая, конечно, не вслух, а шепотом, будет тоже к его выгоде...

Понятно, не здесь, а когда он переедет в Лондон.

Викарий с приближением срока испытывал страшнейшие муки. Он убивал час за часом, стараясь разъяснить Ангелу создавшееся положение; час за часом - стараясь представить себе, что подумают люди; но всего тяжелее были те часы, когда он старался предугадать, как поведет себя Ангел. До сих пор Ангел если

играл, то только для собственного удовольствия. Викарий то и дело пугал своего гостя, обрушиваясь на него с каким-нибудь новым правилом этикета, всплывшим в его памяти. Например, так: "Очень важно, знаете, куда положить шляпу. Не кладите ее на стул ни в коем случае! Держите в руках, пока, знаете, не подадут чай, а тогда... дайте подумать... тогда положите ее, знаете, куда-нибудь". Путешествие до Сиддермортон-Хауса совершилось без злоключений, но при входе в гостиную Викария бросило в озноб от страшного предчувствия. Он забыл объяснить церемонию представления гостя.

Было видно, что Ангел в своем простодушии находил ее забавной, но ничего ужасного не произошло.

- Субъект очень странного вида, - сказал мистер Ратбон-Слейтер, придававший большое значение одежде. - Не хватает лоска. Невоспитан.

Ухмыльнулся, увидав, как я пожимаю руку. А уж я, разумеется, проделал это со всем изяществом.

Произошел лишь один незначительный инцидент. Леди Хаммергеллоу, когда здоровалась с Ангелом, смотрела на него в лорнет. Гостя поразили ее глаза, необычайно большие сквозь стекла. Его удивление и откровенная попытка заглянуть поверх оправы были слишком явны. К счастью, насчет слухового аппарата Викарий предупредил его заранее.

То обстоятельство, что Ангел не может сидеть ни на чем, кроме рояльного стула, видимо, возбудило среди дам интерес, однако никаких замечаний не вызвало. Возможно, они усмотрели в этом нарочитую причуду многообещающего молодого музыканта.

Чашки он передавал очень неловко и, когда пил чай, насорил вокруг себя крошками от печенья. (Не надо забывать, что в отношении еды он был полный дилетант.) Он сидел, закинув ногу на ногу. Шляпу растерянно вертел в руках, напрасно стараясь поймать взгляд Викария. Мисс Папавер, старшая из сестер Папавер, немолодая девица, завела с ним разговор о морских курортах Европы и о сигаретах и осталась невысокого мнения о его уме.

Ангел пришел в недоумение, когда к нему придвинули пюпитр и кипу нотных тетрадей, и поначалу его несколько смущало, что леди Хаммергеллоу сидит, наклонив голову набок, и смотрит на него в золоченый лорнет своими непомерно большими глазами.

Миссис Джехорем подошла к нему перед тем, как он приступил к игре, и спросила, как называется та очаровательная вещица, которую он играл несколько дней тому назад. Ангел сказал, что она без названия, и миссис Джехорем высказала мнение, что в музыке никакие названия не нужны, и полюбопытствовала, чья это была вещь, и когда Ангел объяснил, что он ее играл по наитию, она сказала, что если так, то он настоящий гений, и воззрилась на него с откровенным (и, бесспорно, обольстительным) восхищением. Младший священник из Айпинг-Хенгера (убежденный кельт, игравший на рояле и говоривший о музыке и колорите с видом расового превосходства) ревниво наблюдал за новоявленным скрипачом.

Викарий, сразу взятый под арест и посаженный рядом с леди Хаммергеллоу, не сводил беспокойного взгляда с Ангела, пока леди во всех подробностях

рассказывала ему о гонорарах скрипачей, причем большинство подробностей она выдумывала на ходу. Инцидент с лорнетом ее покорибил, но она решила, что это не выходит за пределы дозволительной оригинальности.

Итак, представьте себе Зеленую гостиную в Сиддермортон-Хаусе. Ангела, прячущего крылья под одеждой священника и со скрипкой в руках подле большого рояля. И небольшое респектабельное общество вполне прилично одетых приличных людей, расположившихся группами по комнате. Возбужденный гомон перед началом - слышатся обрывки разговоров.

- Он здесь инкогнито, - говорит весьма немолодая мисс Папавер, наклонившись к миссис Пербрайт. - Правда, как странно и как мило? Джесси Джехорем уверяет, что встречалась с ним в Вене, но не может вспомнить его имя. Викарий знает о нем все, но он такой скрытный...

- Он раскраснелся, наш добрый Викарий, и видно, что ему не по себе, - сказала миссис Пербрайт. - Я и раньше это замечала, когда он сидел рядом с леди Хаммергеллоу. Она просто не хочет считаться с его саном. Она и теперь...

- Галстук у него съехал набок, - заметила весьма немолодая мисс Папавер, - а волосы! Он, верно, за весь день ни разу не провел по ним щеткой.

- Как видно, иностранец. Претенциозен. Это недурно для гостинной, - сказал Джордж Хэррингей, сидевший в стороне с младшей мисс Пербрайт. - Но, на мой вкус, мужчина должен быть мужествен, женщина - женственна. А вы как считаете?

- О!.. Я тоже так считаю, - сказала мисс Пербрайт младшая.

- Гинеи и гинеи, - говорила леди Хаммергеллоу. - Я слышала, многие из них живут на широкую ногу. Вы просто не поверили бы...

- Я так люблю музыку, мистер Ангел, я ее обожаю. Она что-то будит во мне, - говорила миссис Джехорем. - Кто-то, не помню кто, высказал прелестную антифезу: "Жизнь без музыки - зверство; музыка же без жизни..."

Ах, как это... вы не припомните? Музыка без жизни... Это ведь из Рескина, да?

- К сожалению, я не знаю, - сказал Ангел. - Я прочел совсем мало книг.

- Какая прелесть! - воскликнула миссис Джехорем. - Я жалею, что много читала. Я искренне разделяю ваши взгляды. Я бы тоже не читала книг, но мы, бедные женщины... Я думаю, нам не хватает оригинальности... И здесь так отчаянно затягивает эта рутинка... Всякие ненужные дела...

- Он очень миловиден, спору нет. Но в мужчине самое главное - это его сила, - сказал Джордж Хэррингей. - Как вы считаете?

- О!.. Я тоже так считаю, - сказала мисс Пербрайт младшая.

- Это женственные мужчины виновны в появлении мужеподобных женщин.

Если мужчина начинает щеголять длинными волосами, то что же остается делать женщине? И когда мужчина ходит с прелестными чахоточными румянами на щеках...

- О Джордж! Вы сегодня ужасно язвительны, - сказала мисс Пербрайт младшая. - Я уверена, что это не краска.

- Нет, правда, я совсем не его опекун, дорогая леди Хаммергеллоу.

Конечно, вы очень добры, что принимаете в нем такое участие...

- Вы в самом деле собираетесь импровизировать? - спросила миссис Джехорем в умильном восторге.

- Шш! - произнес младший священник из Айпинг-Хенгера.

Ангел заиграл, глядя в пространство и думая о чудесах Ангельской Страны, но все же незаметно дал вкрасться в создаваемую им фантазию той печали, которая уже овладевала им. Когда он забывал о слушателях, музыка его была странной и неясной, когда же окружающее вдруг проникало в его сознание, музыка становилась причудливой и капризной. Но над Викарием музыка Ангела уже приобрела такую власть, что все тревоги сразу оставили его, как только Ангел взмахнул смычком. Миссис Джехорем сидела и старательно сохраняла сочувственно-восхищенный вид (хотя музыка была временами путаной) и старалась перехватить взгляд Ангела. У него было удивительно подвижное лицо, с самыми тонкими нюансами выражения! А уж в этом миссис Джехорем знала толк! Джордж Хэррингей явно скучал, пока мисс Пербрайт младшая, обожавшая его, не выдвинула свою робкую туфельку как раз настолько, чтобы коснуться ею его мужественного башмака, и тогда он повернулся как раз настолько, чтобы оценить женственную нежность ее кокетливого взгляда, и это его утешило. Весьма немолодая мисс Папавер и миссис Пербрайт просидели неподвижно, как на проповеди, добрых четыре минуты.

Наконец немолодая мисс Папавер сказала шепотом:

- Я всегда с таким наслаждением слушаю скрипку!

И миссис Пербрайт ответила:

- Мы здесь так редко слышим хорошую музыку!

И мисс Папавер сказала:

- Он играет очень приятно.

И миссис Пербрайт:

- У него такое легкое туше!

А мисс Папавер:

- Уилли по-прежнему берет уроки?

И зашептались о самых разных вещах.

Младший священник из Айпинг-Хенгера сидел (он это помнил) на виду у всего общества. Одну ладонь он приставил к уху, а глаза недвижно вперились в пьедестал севрской вазы - гордости дома Хаммергеллоу. Движения его губ служили как бы критическими указаниями для каждого из слушателей, кто был склонен руководствоваться ими. Таков был его великодушный обычай. Он сидел с видом сурового беспристрастия, сквозь которое временами прорывалось явное осуждение или - изредка - осторожное одобрение. Викарий откинулся на спинку кресла и неотрывно глядел Ангелу в лицо, а сам отдался волшебному сну. Леди Хаммергеллоу, подергивая головой и тихо, но непрерывно шелестя шелками, вела наблюдение и силилась понять, какое впечатление производит игра Ангела. Мистер Ратбон-Слейтер важно уставил взгляд в свою шляпу, и вид у него был самый несчастный, а миссис Ратбон-Слейтер старалась запечатлеть в своей памяти фасон рукавов миссис Джехорем. А воздух вокруг был насыщен восхитительной музыкой - для всех, кто имел уши, чтобы слышать.

- Пожалуй, слишком непосредственно? - шепнула леди Хаммергеллоу и толкнула Викария в бок.

Викария точно вдруг изгнали из царства Снов.

- А?! - вскричал Викарий и привскочил.

- Тшш! - зашипел младший священник из Айпинг-Хенгера.

И каждый посмотрел на Хильера, возмущенный его грубой нечувствительностью.

- Как не похоже на Викария! - сказала весьма немолодая мисс Папавер. - Позволить себе такую вещь!

Ангел продолжал играть.

Младший священник из Айпинг-Хенгера начал проделывать месмерические мановения указательным пальцем, и мистер Ратбон-Слейтер под эти мановения как-то странно обмяк. Он повернул шляпу доньшком вверх и избрал для созерцания другой предмет. Викарий, забыв недавнее чувство неловкости, снова унесся в царство Снов. Леди Хаммергеллоу продолжала шелестеть все громче и вдобавок еще наловчилась скрипеть креслом. И вот наконец музыка оборвалась. Леди Хаммергеллоу прокричала: "Очаровательно!" - хотя не слышала ни звука, и начала аплодировать. Как по сигналу, зааплодировали и другие - все, кроме мистера Ратбон-Слейтера, который стал вместо того постукивать в поля своей шляпы. Младший священник из Айпинг-Хенгера аплодировал с видом беспристрастного судьи.

- Тогда я сказала (хлоп, хлоп, хлоп), если вы не можете готовить на мой вкус (хлоп, хлоп, хлоп), мне придется дать вам расчет, - рассказывала миссис Пербрайт, хлопая изо всех сил. ("Эта музыка для меня, как лучшее угощение!").

- О, да! Я всегда просто упиваюсь музыкой, - сказала весьма немолодая мисс Папавер. - И что же, она после этого стала готовить вкусней?

- Нисколько, - сказала миссис Пербрайт.

Викарий опять очнулся и обвел глазами зал. Другие тоже видели эти образы, или они открылись только ему одному? Нет, конечно же, они все должны были видеть... но только удивительно владеют собой. Невероятно, чтобы такая музыка не подействовала на них.

- Он чуточку gauche <неловок (франц.)>, - наседала леди Хаммергеллоу, требуя от Викария внимания. - Не кланяется, не улыбается. Ему нужно усвоить побольше всяких причуд. Каждый исполнитель, выступающий с успехом, бывает в какой-то мере gauche.

- Вы действительно сами это сочинили? - спросила миссис Джехорем, сверкнув глазами на Ангела. - Сочиняли, пока играли? Но это же чудо!

Настоящее чудо!

- Немного дилетантски, - сказал младший священник из Айпинг-Хенгера мистеру Ратбон-Слейтеру. - Большой талант, бесспорно, но, конечно, чувствуется недостаток систематических упражнений. Я заметил кое-какие мелочи... Я не прочь побеседовать с ним.

- Брюки у него, точно две гармонии, - сказал Ратбон-Слейтер. - Вот на что ему необходимо указать. Это просто неприлично.

- Вы умеете играть имитации, мистер Ангел? - спросила леди Хаммергеллоу.

- О, пожалуйста, сыграйте имитации! - подхватила миссис Джехорем. - Я обожаю имитации!

- Это была вещь фантастическая, - сказал младший священник из Айпинг-Хенгера Викарию из Снддермортон и, говоря, помогая своими узкими, бесспорно, музыкальными руками, - и, по моему мнению, несколько слишком усложненная. Я где-то слышал ее раньше, не помню, где. Он не лишен дарования, это бесспорно, но местами, я бы сказал, расхлябан. Ощущается недостаток полной четкости. Потребуется целые годы работы и дисциплины.

- Я не любитель этих сложных музыкальных пьес, - говорил Джордж Хэррингей. - Боюсь, у меня простые вкусы. Мне кажется, там не было никакой мелодии. Я ничего так не люблю, как простую музыку. Мелодия, простота - вот в чем, по-моему, нуждается наш век. Мы стали слишком утонченны. Все какое-то сложное, манерное. Простая, домашняя философия, "Отчий дом, очаг родной" - вот что по мне. А вы как считаете?

- О, я считаю... совершенно так же, - сказала мисс Пербрайт младшая.

- А ты, Эми, как обычно, все болтаешь с Джорджем? - бросила через всю гостиную миссис Пербрайт.

- Как обычно, мама!.. - сказала мисс Пербрайт младшая, оглянувшись с сияющей улыбкой на мисс Папавер и быстро опять повернулась, чтобы не упустить следующего высказывания Джорджа.

- А не могли ли бы вы с мистером Ангелом составить дуэт? - обратилась леди Хаммергеллоу к младшему священнику из Айпинг-Хенгера, который стал сверхъестественно мрачен.

- Я всегда рад доставить вам удовольствие, - сказал младший священник из Айпинг-Хенгера, сразу повеселев.

- Дуэт! - сказал Ангел. - Мне с ним вдвоем? Он, значит, умеет играть? Я так понимаю... Викарий объяснял мне... что...

- Мистер Уилмердингс - превосходный пианист, - перебил Викарий.

- Но как же с имитациями? - вмешалась миссис Джехорем. Она терпеть не могла Уилмердингса.

- С имитациями? - переспросил Ангел.

- Знаете, показать, как хрюкает свинья, как кукарекает петух, - сказал мистер Ратбон-Слейтер и добавил вполголоса:

- Самое веселое, что можно извлечь из скрипки, по-моему.

- Я, право, не понимаю, - сказал Ангел. - Как кукарекает свинья!

- А, так вы не любите имитаций, - сказала миссис Джехорем. - Я тоже не люблю, нет, правда! Я принимаю вашу критику. Они, по-моему, принижают...

- Может быть, немного позже мистер Ангел согласится... - сказала леди Хаммергеллоу, когда миссис Пербрайт объяснила ей, в чем дело. Она не верила своим ушам, вернее, своему слуховому аппарату. Если она просила имитации, она привыкла получать имитации.

Мистер Уилмердингс сел за рояль и повернулся к лежавшей сбоку знакомой кипе нот.

- Что вы скажете о "Баркароле" Шпора? <Людвиг Шпор (1784-1859) - модный в свое время немецкий композитор и скрипач> - спросил он через плечо. - Полагаю, вы ее знаете?

Ангел ответил растерянным взглядом.

Он раскрыл перед Ангелом большую нотную тетрадь.

- Какая забавная книга! - сказал Ангел. - Что обозначают эти нелепые крапинки? (У Викария при этих его словах похолодела кровь.).

- Какие крапинки? - не понял младший священник.

- Вот! - Ангел ткнул обличительным пальцем.

- Вы шутите! - сказал младший священник.

Наступило внезапное короткое молчание, столь многозначительное в светском обществе.

Затем немолодая мисс Папавер повернулась к Викарию:

- Разве мистер Ангел не умеет играть с листа, незнаком с нотным письмом?

- Я никогда не слышал... - заговорил Викарий и, справившись с первой оторопью, начал медленно заливаться краской.

- Я, по правде говоря, никогда не видел, чтобы он...

Ангел чувствовал напряженность положения, хотя не мог понять, отчего оно сделалось напряженным. Он замечал недоверчивое, недружелюбное выражение на лицах, обращенных к нему.

- Не может быть, - услышал он снова голос миссис Пербрайт. - После такой прелестной музыки!

Немолодая мисс Папавер тут же подошла к леди Хаммергеллоу и начала объяснять ей в слуховую трубку, что мистер Ангел не желает играть с мистером Уилмердингсом и делает вид, что не знает нот.

- Не умеет играть по нотам? - сказала леди Хаммергеллоу с благородным ужасом в голосе. - Вздор!

- По нотам! - повторил растерянно Ангел. - Вот это ноты?

- Он заводит шутку слишком далеко и только потому, что не хочет играть с Уилмердингсом, - сказал мистер Ратбон-Слейтер Джорджу Хэррингею.

Все замолчали в ожидании. Ангел почувствовал, что должен устыдиться. И он устыдился.

- Что ж! - сказала леди Хаммергеллоу с подчеркнутым негодованием в голосе и, закинув голову, с шумным шелестом наклонилась вперед. - Если вы не можете играть с мистером Уилмердингсом, боюсь, я не могу просить вас, чтобы вы нам сыграли что-нибудь еще. - Это прозвучало у нее, как ультиматум.

От негодования лорнет в ее руке судорожно дергался. Ангел уже достаточно очеловечился, чтобы уяснить себе, что он уничтожен.

- В чем дело? - спросила маленькая Люси Растчак в дальнем уголке гостиной.

- Он не стал играть со старым Уилмердингсом, - сказал Томми Ратбон-Слейтер. - Вот потеха! Старушенция прямо-таки побагровела. Она ведь без ума от этого болвана Уилмердингса.

- Может быть, вы нас порадуете, мистер Уилмердингс, и сыграете нам этот прелестный "Полонез" Шопена? - сказала леди Хаммергеллоу.

Все, затаив дыхание, молчали. Негодование леди Хаммергеллоу вызвало ту тишину, какая наступает перед землетрясением или перед затмением солнца.

Мистер Уилмердингс почувствовал, что окажет неоценимую услугу обществу, если начнет играть, и (отметим это к его чести - теперь, когда скоро будет подведен итог его деяниям) заиграл незамедлительно.

- Если человек хочет заниматься искусством, - сказал Джордж Хэррингей, - то он по меньшей мере должен добросовестно выучить его азбуку. А вы как...

- О, я думаю точно так же, - сказала мисс Пербрайт младшая.

Викарию чудилось, что рухнуло небо. Он сидел, съездившись в своем кресле, совсем уничтоженный. Леди Хаммергеллоу села рядом с ним и точно не видела его. Она тяжело дышала, но ее лицо было утрашающе спокойным. Сели и все остальные. Что же. Ангел непомерно невежествен или непомерно дерзок?.. Ангел смутно сознавал, что совершил какой-то тяжелый проступок, сознавал, что каким-то таинственным образом перестал быть средоточием общего внимания. В глазах Викария он читал укоризненное разочарование. Он медленно проскользнул к окну в глубине зала и сел на восьмиугольный мавританский табурет рядом с миссис Джехорем. И под действием обстановки он оценил любезную улыбку миссис Джехорем выше ее действительной цены. Он положил скрипку на диванчик в нише окна.

Миссис Джехорем с Ангелом (в стороне). Мистер Уилмердингс играет.

- Мне так давно хотелось побеседовать с вами без помех, - сказала полушепотом миссис Джехорем. - Высказать вам, какой восхитительной показалась мне ваша игра.

- Я рад, что вам она понравилась, - сказал Ангел.

- Понравилась - не то слово, - сказала миссис Джехорем. - Она меня глубоко взволновала. Другие здесь не поняли... Я обрадовалась, когда вы не стали с ним играть.

Ангел посмотрел на автомат, называемый Уилмердингсом, и тоже порадовался. (По ангельским понятиям дуэт представляет собою нечто вроде разговора на двух скрипках.) Но он промолчал.

- Я обожаю музыку, - сказала миссис Джехорем. - Я ничего не смыслю в ее технике, но есть в ней что-то такое... томление, желание...

Ангел смотрел ей в лицо. Их глаза встретились.

- Вы понимаете, - сказала она. - Я вижу, что вы понимаете. ("Нет, бесспорно, он очень милый мальчик, может быть, преждевременно созревший в смысле чувств, и с восхитительно томными глазами").

Наступившую паузу заполнял Шопен (opus № 40), играемый с невероятной четкостью.

У миссис Джехорем было еще довольно привлекательное лицо - здесь, в тени, где на ее золотые волосы ложились отсветы огней, - и в голове Ангела возникла любопытная гипотеза. Толстый слой пудры на этом лице только утверждал

мелькнувшее ему видение чего-то бесконечно светлого и милого, что было поймано, потускнело, заостенело, обтянулось жесткой оболочкой.

- Вы... - сказал совсем тихо Ангел. - Вы... разлучены... с вашим миром?

- Как вы? - прошептала миссис Джехорем.

- Этот мир так... холоден, - сказал Ангел. - Так груб. - Он подразумевал мир в целом.

- Я чувствую то же, - сказала миссис Джехорем, отнеся его слова к Сиддермортону.

- Есть души, которые не могут жить без сочувствующей души, - сказала она, глубокомысленно помолчав. - И бывают минуты, когда чувствуешь свое одиночество в мире. Вступаешь в борьбу против этого всего. Сама смеешься, кокетничаешь, прячешь свою боль...

- И надеешься, - сказал Ангел, остановив на ней чудесный взгляд. - Да.

Миссис Джехорем (она была гурманом флирта) подумала, что Ангел выполняет, и даже с лихвой, то, что обещала его внешность. (О, несомненно, он ее боготворит!).

- Вы тоже ищете сочувствия? - спросила она. - Или, может быть, вы его нашли?

- Мне кажется, - молвил Ангел очень нежно и наклоняясь к ней, - мне кажется, что я его нашел.

Снова пауза, заполненная опусом № 40. Весьма немолодая мисс Папавер и миссис Пербрайт перешептываются. Леди Хаммергеллоу (подняв лорнет) недружелюбным взором смотрит через всю гостиную на Ангела. Миссис Джехорем и Ангел глубоко, со значением смотрят друг другу в глаза.

- Ее зовут, - сказал Ангел (миссис Джехорем наклонилась к нему), - Делией. Она...

- Делия! - резко сказала миссис Джехорем, меж тем как страшное недоразумение доходило до ее сознания. - Причудливое имя... Как?.. Не может быть... Неужели маленькая горничная в доме Викария?..

Полонез закончился бравурным пассажем. Ангела крайне удивила внезапная смена выражения на лице миссис Джехорем.

- Неслыханно!.. - сказала, опомнившись, миссис Джехорем. - Делать из меня поверенную в интриге со служанкой! Право, мистер Ангел, вы, кажется, хотите быть уж слишком оригинальным.

Но тут их разговор неожиданно прервали.

Эта подглавка (насколько я помню) самая короткая в книге.

Но беспримерность проступка делает необходимым выделить ее.

Викарий, надо вам сказать, старался привить своему подопечному все те особенности, какие признаются отличительными для джентльмена. "Никогда не позволяйте даме ничего нести, - объяснял Викарий. - Скажите: "Позвольте мне" - и освободите ее от ноши". "Стойте и не садитесь, пока все дамы не усядутся". "Всегда нужно встать и открыть перед дамой дверь..." - и так далее. (Каждому юноше, имеющему старшую сестру, известен этот кодекс.).

И Ангел, не сообразивший перед тем взять у леди Хаммергеллоу чашку, когда она допила чай, протанцевал через всю залу и с поразительным проворством (оставив миссис Джехорем одну в оконной нише), с самым изысканным "Позвольте мне!" перенял чайный поднос у миловидной горничной леди Хаммергеллоу и, услужливо неся его перед нею, исчез за дверью. С невнятным хриплым криком Викарий поднялся с кресла.

- Он пьян! - сказал мистер Ратбон-Слейтер, нарушив грозную тишину. - Вот и все.

Миссис Джехорем истерически смеялась.

Викарий застыл на месте, глядя в пространство.

- Ах! Я забыл объяснить ему про слуг! - угрызаясь, сказал Викарий самому себе. - Я думал, про слуг он и сам поймет.

- Действительно, мистер Хильер! - с судорогой в голосе, прилагая все усилия, чтобы не утратить власть над собой, проговорила леди Хаммергеллоу.

- Действительно, мистер Хильер!.. Ваш гений слишком ужасен. Я должна, действительно должна просить вас, чтобы вы увели его домой.

И вот, прерывая завязавшийся в коридоре диалог между напуганной служанкой и Ангелом (полным благих намерений, хоть и крайне gauche), появляется Викарий с пунцово-красным сморщенным личиком, с сумрачным отчаянием в глазах и с галстуком, сбившимся под левое ухо.

- Идемте, - сказал он, подавляя волнение. - Идемте отсюда прочь... Я... я опозорен навек!

Ангел секунду смотрел на Викария и подчинился кротко и покорно, чувствуя, как на него ополчаются неведомые, но явно грозные силы.

Так началась и закончилась карьера Ангела в свете.

На последовавшем неофициальном митинге возмущения леди Хаммергеллоу (неофициально) взяла на себя обязанность председателя.

- Я глубоко сожалею, - сказала она. - Викарий уверял меня, что это замечательный скрипач. Я и не представляла...

- Он был пьян, - сказал мистер Ратбон-Слейтер. - Это было видно по тому, как он возился со своим чаем.

- Какое фиаско! - сказала миссис Мергл.

- Викарий меня уверял, - сказала леди Хаммергеллоу. - "Человек, которого я приютил, - гениальный музыкант", - говорил он. Его подлинные слова.

- Как у него сейчас горят уши, воображаю! - сказал юный Томми Ратбон-Слейтер.

- Я старалась, - сказала миссис Джехорем, - не дать ему расшуметься и нарочно подлаживалась к нему. Если бы вы знали, что он мне наговорил, какие вещи!

- Пьеса, которую он сыграл... - заявил мистер Уилмердингс. - ...Признаюсь, я не решился высказать ему это прямо в лицо, но, сказать по правде, это было нечто очень расплывчатое.

- Просто валял дурака на скрипке, э? - сказал Джордж Хэррингей. - Я сразу подумал, что этого мне не понять. Как, впрочем, и всю вашу утонченную музыку...

- Ах, Джордж! - сказала мисс Пербрайт младшая.

- Викарий тоже выпил лишнего, судя по галстуку, - сказал мистер Ратбон-Слейтер. - Все это довольно подозрительно. Заметили, как он все беспокоился за своего гения?

- Нужно быть очень осторожными, - сказала весьма немолодая мисс Папавер.

- Он мне рассказал, что влюблен в горничную Викария, - сказала миссис Джехорем. - Я чуть не расхохоталась ему в лицо.

- Викарий никак не должен был приводить его сюда, - решительно сказала миссис Ратбон-Слейтер.

НЕПРИЯТНОСТЬ С КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ

Таков был бесславный конец первого и последнего появления Ангела в обществе. Викарий с Ангелом шли домой: шли приунывшие черные понурые фигуры в ярком свете солнца. Ангел был глубоко огорчен тем, что огорчен Викарий. Викарий, взъерошенный и на грани отчаяния, то начинал разъяснять Ангелу правила этикета, то ударялся корить самого себя, то предавался мрачным ожиданиям.

- Они не понимают, - снова и снова повторял Викарий. - Они будут все так обижены. Не знаю, что и сказать им. Так все смутно, так запутано...

А у калитки, на том самом месте, где Ангел впервые увидел, что Делия красива, стоял, поджидая их, Хоррокс, деревенский констебль. Он держал, накрутив на руку, обрывки колючей проволоки.

- Добрый вечер, Хоррокс, - сказал Викарий констеблю, когда тот открыл перед ними калитку.

- Добрый вечер, сэр, - сказал Хоррокс. И добавил таинственным полупшепотом:

- Могу я поговорить с вами минутку, сэр?

- Конечно, - сказал Викарий. Ангел задумчиво побрел дальше один и, повстречав в прихожей Делию, остановил ее и учинил ей обстоятельный допрос о различиях между служанками и дамами.

- Вы меня, конечно, извините за вольность, сэр, - начал Хоррокс, - но тут может выйти неприятность для этого увечного джентльмена, вашего гостя.

- Да неужели? - вздохнул Викарий. - Что вы говорите!

- Сэр Джон Готч, сэр... Он страх как рассержен, сэр. Так выражается, сэр!.. Но я счел себя обязанным рассказать вам, сэр. Он определенно намерен возбудить дело по поводу вот этой самой колючей проволоки.

Определенно намерен, сэр.

- Сэр Джон Готч! - сказал Викарий. - Проволока! Не понимаю.

- Он попросил меня выяснить, кто это сделал. Мне, конечно, пришлось выполнять свой долг, сэр. Неприятный, разумеется, долг.

- Колючая проволока! Долг! Я ничего не понимаю, Хоррокс.

- Боюсь, сэр, доказательства неопровержимы. Я тщательно собрал все показания, сэр. - И констебль стал рассказывать Викарию про новый возмутительный проступок гостя из Ангельской Страны.

Но нам незачем передавать это объяснение во всех подробностях или приводить последовавшее признание Ангела. (Лично я считаю, что нет ничего скучнее, чем диалог.) Оно показало Викарию характер Ангела в новом аспекте, добавило новую причудливую черту - ангельский гнев. Тенистый проселок; душистые живые изгороди в пятнах солнечного света; по ту и другую сторону - жимолость и вика; и маленькая девочка собирает цветы, забыв о колючей проволоке, что тянется вдоль всей Сиддерфордской дороги, ограждая достоинство сэра Джона Готча от соприкосновения с "невежами" и "презренной толпой". Потом вдруг оцарапанная ручка, жалобный плач - и Ангел, сострадательный, утешающий, ищущий дознаться до сути. Разъяснения сквозь всхлипы и затем нечто совсем неожиданное в Ангеле - взрыв страстного гнева. Ангел яростно набрасывается на колючую проволоку сэра Джона Готча. Колючая проволока безрассудно попрунана - она иссечена, прогнута и сломана. Ангел, впрочем, действовал без личной злобы на кого-либо - он просто видел в проволоке безобразное и порочное злое растение, коварно замешавшееся в среду своих собратьев. Из дополнительного допроса, учиненного Викарием Ангелу, вырисовалась такая картина: Ангел один среди произведенных им разрушений, дрожащий, изумленный не самим собою, а некой неведомой силой, вдруг прорвавшейся в нем и толкнувшей его разить и резать. Изумила его и багряная кровь, заструившаяся по пальцам.

- Тогда это еще гнусней, - сказал Ангел, узнав от Викария про искусственную природу "растения". - Если бы я увидел человека, который запрягал туда эту глупую злую штуку, чтобы ранить маленьких детей, я бы уж наверно постарался причинить боль ему самому. Никогда до сих пор я не испытывал такого чувства. Право, я уже весь запятнан и окрашен, злобой вашего мира.

...И подумать только, до чего же вы, люди, безумны! Вы поддерживаете законы, разрешающие человеку совершать такие злые поступки. Да, я знаю: вы скажете, это необходимо. По каким-то отдаленным причинам. Но это меня только сильнее возмущает. Почему нельзя оценивать поступок сообразно тому, чего он стоит сам по себе, как это делается в Ангельской Стране?..

Таково было происшествие, историю которого Викарий узнал постепенно, получив общие сведения от Хоррокса, а эмоциональную окраску - позднее - от Ангела. Случилось оно накануне музыкального вечера в Сиддермортон-Хаусе.

- Вы доложили сэру Джону, кто это совершил? - спросил Викарий. - И сами вы уверены в том?

- Вполне уверен, сэр. Не может быть сомнения, что это сделано вашим джентльменом, сэр. Сэру Джону я еще не докладывал. Но я должен ему доложить сегодня вечером. Хоть я и не хотел бы причинять вам неприятность, сэр, как вы, надеюсь, сами понимаете. Таков уж мой долг, сэр. К тому же...

- Разумеется, - перебил Викарий. - Разумеется, это ваш долг. А как поступит сэр Джон?

- Он страшно возмущен против лица, натворившего это, - посягать вот так на чужую собственность, да еще вроде как бы наплевав на все порядки.

Минута молчания. Хоррокс переминался с ноги на ногу. Викарий - с галстуком, съехавшим уже чуть не на загривок (вещь для Викария совершенно необычная), - тупо уставился на носки своих башмаков.

- Я подумал, что мне следует рассказать вам, сэр, - повторил Хоррокс.

- Да, - выговорил Викарий. - Я вам очень благодарен, Хоррокс, очень! - Он почесал в затылке. - Вы, пожалуй, могли бы... Думаю, так будет лучше всего... Вы вполне уверены, что это сделал мистер Ангел?

- Уверен, как сам Шерлок Холмс.

- Тогда мне самое лучшее передать через вас сэру Джону письмо.

В тот вечер разговор за обедом у Викария, после того как Ангел рассказал, как было дело, шел о мрачных предметах - о тюрьмах, о сумасшествии.

- Теперь уже поздно раскрывать о вас правду, - объяснял Викарий. - Да, впрочем, и невозможно. Я просто не знаю, что и посоветовать. Думаю, нам нужно будет вести себя так, как подскажут обстоятельства. Я в нерешительности... Я разрываюсь пополам. Есть два мира сразу. Если бы ваш ангельский мир был только сном, или если бы наш мир был только сном, или если бы я мог поверить, что какой-то из них или оба они - только сон, ну, тогда для меня все было бы легко. Но вот передо мною настоящий Ангел и настоящий вызов в суд, а как их примирить, я не знаю. Надо бы мне поговорить с Готчем... Но он не поймет. Никто не поймет...

- Боюсь, я доставляю вам страшные неудобства. Мое ужасающее незнание вашего мира...

- Нет, дело не в вас, - сказал Викарий. - Не в вас. Я чувствую, что вы внесли в мою жизнь нечто необычное и прекрасное. Дело не в вас. Дело во мне самом. Если бы я тверже верил в то или в другое. Если бы я мог безоговорочно принять этот мир и называть вас, как доктор Крумп, неким аномальным феноменом. Так нет же. Ангельское - и вместе земное; земное - и вместе ангельское, как посмотреть! Точно на качелях.

...Однако от Готча ничего хорошего ждать не приходится. Он очень неприятный человек. Всегда и во всем. И теперь я в его руках. Он, я знаю, подает дурной пример. Пьет. Играет. И кое-что похуже. Все же надо отдать кесарево кесарю. И он ратует против отделения церкви от государства...

Далее Викарий вернулся к скандалу на приеме у леди Хаммергеллоу.

- Вы, знаете, слишком стараетесь докопаться во всем до основ, - повторил он несколько раз.

Гость пошел в свою спальню, озадаченный и совсем подавленный. Мир смотрел с каждым днем мрачнее на него и на его ангельские пути. Ангел видел, как огорчен его бедой Викарий, но не представлял себе, как он мог бы ее избежать. Все казалось таким странным и неразумным. Вдобавок его дважды прогнали из деревни, зашвыряв камнями.

Он увидел свою скрипку - она лежала на кровати, как он положил ее перед обедом. Чтобы утешиться, он ее взял и начал играть. Но теперь он играл не пленительные видения Ангельской Страны. Железо мира проникло в его душу.

Уже неделю он был знаком с болью и отверженностью, с подозрением и ненавистью, и странный, новый для него дух возмущения рос в его сердце. Он играл мелодию, все еще сладостную и нежную, как напевы Ангельской Страны, но отягченную новым звучанием - звучанием человеческого горя и борения; мелодию, то разраставшуюся в нечто подобное вызову, то сникавшую в жалобную грусть. Он играл тихо, играл в утешение самому себе, но Викарий слышал, и все его последние тревоги поглотила смутная печаль - печаль, очень далекая от скорби. И, кроме Викария, Ангела слушал кто-то еще, о ком не думали ни Ангел, ни Викарий.

ДЕЛИЯ

Она была всего в четырех-пяти ярдах от Ангела - на чердачке, смотревшем на запад. В ее комнатке оконце с ромбическими стеклами было распахнуто.

Она стояла на коленях на своем лакированном жестяном сундучке и, облокотясь на подоконник, подперла обеими руками подбородок. Молодой месяц повис над соснами, и свет его, холодный и белесый, мягко ложился на тихо дремавший мир. Свет его падал на ее белое лицо и раскрыл новую глубину в ее мечтательных глазах. Мягкие губы ее разомкнулись, открыв белые зубки.

Делия ушла в свои думы, смутные, волшебные, какие бывают у девушек. Это были скорее чувства, чем думы; облака прекрасных, прозрачных эмоций проносились по ясному небу ее сознания, принимая образы, которые менялись и исчезали. В ней была вся та чудесная взволнованная нежность, тихая и благородная жажда самопожертвования, которая живет неизъяснимо в девичьем сердце, живет как будто лишь затем, чтобы тотчас ее растоптали под ногами злого произвола будничной жизни; чтобы запахали обратно в землю, безжалостно и грубо, как фермер вновь запахивает в почву пробившийся на пашне клевер. Она загляделась на лунную тишь еще задолго до того, как Ангел начал играть, глядела в окно и ждала; и вдруг в спокойную, недвижимую красоту серебра и тени вплелась нежная музыка.

Девушка не шелохнулась, только губы ее сомкнулись и стали нежнее глаза.

Перед тем она думала о странном сиянии, вдруг загоревшемся вокруг склонившегося горбуна, когда он заговорил с нею на закате; о том, как он смотрел на нее тогда, да и раньше не раз; как, случалось, оглядывался на нее, а однажды даже прикоснулся к ее руке. Сегодня перед обедом он заговорил с ней, задавая странные вопросы. А сейчас под его музыку его лицо, казалось, возникло перед ней, как живое, его взгляд, пытливый и ласковый, всматривался в ее лицо, в ее глаза, в нее и сквозь нее - в глубину ее души. Теперь он, казалось, обращался прямо к ней, говорил ей о своем одиночестве и беде. О, эта горесть и это томление! Потому что он в беде! Но как может помочь ему служанка - ему, джентльмену с мягкой речью, который так мил в обращении, который так прекрасно играет на скрипке.

Музыка была так сладостна и проникновенна, так близка была думам ее сердца, что она вдруг стиснула ладони, и слезы полились по лицу.

Как вам сказал бы Крумп, подобное происходит с людьми только тогда, когда у них не в порядке нервная система. Но если так, то с научной точки зрения влюбленность есть состояние патологическое.

Я с прискорбием сознаю, что здесь моя повесть принимает предосудительный характер. Я даже подумал, не извратить ли мне своевольно истину в угоду госпоже читательнице. Но не могу. Я не властен над фактами.

То, что делаю, я делаю с открытыми глазами. Делия должна остаться тем, чем она была в действительности, - девушкой-служанкой. Я знаю, что наделив простую служанку - или по меньшей мере английскую служанку - тонкими человеческими чувствами, изобразив ее как-то иначе, нежели говорящей неграмотным языком, я тем самым исключаю себя из разряда респектабельных писателей. В наши дни общение со слугами, хотя бы только в мыслях, - опасное дело. В свое оправдание я могу лишь сказать (хоть это, знаю, будет напрасной попыткой), что Делия была среди служанок редким исключением.

Возможно, если провести расследование, то окажется, что по своему происхождению она принадлежала к высшему слою среднего класса; что она создана была из более тонкой глины - из глины высшего слоя среднего класса. И я могу пообещать (возможно, это послужит мне более верным извинением), что в одной из будущих моих работ я восстановлю равновесие и терпеливая читательница получит то, что всеми признано: огромные руки и ноги, безграмотную речь, полное отсутствие фигуры (фигуры бывают только у девушек среднего класса - служанкам они не по средствам), челку (по требованию) и бойкую готовность за полкроны поступиться своим самолюбием.

Такова признанная английская служанка, типическая английская женщина (если отнять у нее деньги и воспитание), каковой она предстает перед нами в произведениях современных прозаиков. Но Делия была несколько другой. Я могу только пожалеть об этом обстоятельстве - изменить его я не властен.

ДОКТОР КРУМП ДЕЙСТВУЕТ

На другое утро Ангел спозаранку спустился в деревню, перелез через изгородь и побрел берегом Сиддера сквозь высокий, по плечи, камыш. Он шел к Бендремской бухте, чтобы поближе поглядеть на море, которое в Сиддермортоне можно видеть только в ясный день с самых высоких холмов Сиддермортон-парка. И вдруг он натолкнулся на Крумпа, который сидел на бревне и курил (Крумп неизменно выкуривал ровно две унции табака в неделю - и курил он неизменно на открытом воздухе).

- Приветствую вас! - сказал Крумп своим самым бодрым голосом. - Как наше крыло?

- Отлично, - сказал Ангел. - Боль прошла.

- Полагаю, вам известно, что вы совершаете правонарушение?

- Правонарушение? - переспросил Ангел.

- Полагаю, вам не известно, что это значит, - сказал Крумп.

- Не известно, - подтвердил Ангел.

- Могу вас поздравить. Я не знаю, надолго ли вас хватит, но вы замечательно выдерживаете вашу роль. Я сперва принял вас за сумасшедшего, но вы поразительно последовательны. Ваша поза полного незнания элементарных житейских фактов, сказать по правде, - очень забавная поза.

Вы, конечно, допускаете промахи, но крайне редко. Мы с вами, несомненно, понимаем друг друга.

Он улыбнулся Ангелу.

- Перед вами спасовал бы и Шерлок Холмс. Хотелось бы мне знать, кто вы на самом деле.

Ангел улыбнулся в ответ, поднял брови и развел руками...

- Кто я, вам понять невозможно. Глаза ваши слепы, ваши уши глухи, ваша душа темна для всего, что во мне есть чудесного. Мне бесполезно говорить вам, что я упал в ваш мир.

Доктор взмахнул своею трубкой.

- Нет, уж без этих штук. Я не хочу допытываться - у вас, наверно, есть свои причины помалкивать. Только я хотел бы, чтобы вы подумали о душевном здоровье Хильера. Он действительно поверил в эту чушь.

Ангел пожал своими съезжившимися крыльями.

- Вы не знаете, каким он был раньше. Он чудовищно изменился. Он был всегда аккуратный, уравновешенный. Но последние две недели он точно в тумане, у него отсутствующий взгляд. В прошлое воскресенье он проповедовал в церкви без запонок в манжетах, с перекосившимся галстуком, а текстом избрал: "Да не увидят глазами и не услышат ушами". Он в самом деле поверил во всю эту чушь про Ангельскую Страну. Старик на грани умопомешательства.

- Вы способны смотреть на вещи только с вашей собственной точки зрения, - сказал Ангел.

- А иначе и нельзя. Во всяком случае, мне прискорбно видеть беднягу загипнотизированным, потому что вы, несомненно, загипнотизировали его! Я не знаю, ни откуда вы явились, ни кто вы такой, но я вас предупреждаю: больше я не намерен смотреть, как дурачат бедного Викария.

- Но его вовсе не дурачат. Он просто начинает видеть сны о мире, лежащем по ту сторону его познания...

- Не выйдет, - сказал Крумп. - Меня вам не одурачить. Вы одно из двух: либо сумасшедший в бегах (чему я не верю), либо шарлатан. Ничего другого предположить нельзя. Как ни мало я знаю о вашем мире, о нашем, думаю, мне кое-что известно. Так вот. Если вы не оставите Хильера в покое, я обращусь в полицию... и если вы не отступитесь от вашей выдумки, запрячу вас в тюрьму, а если будете настаивать, то в сумасшедший дом. Пусть это и не совсем добросовестно, но, клянусь вам, я завтра же объявлю вас душевнобольным, лишь бы удалить вас из деревни... Дело тут не только в Викарии, как вам известно. Надеюсь, ясно? Так что же вы скажете?

Напустив на себя вид величественного спокойствия, Крумп достал из кармана перочинный нож и начал ковырять лезвием в чашечке трубки. Пока он произносил свою речь, трубка у него погасла.

Минуту оба молчали. Ангел, бледный, смотрел вокруг. Доктор извлек из трубки перегоревший табак и выбросил вон, сложил и сунул в жилетный карман перочинный нож. Он не собирался говорить так категорически, но, как всегда, собственная речь его распалила.

- В тюрьму, - сказал Ангел, - в сумасшедший дом! Дайте подумать... - Потом он вспомнил объяснения Викария. - Нет, только не это, - сказал он.

Он подошел к Крумпу с расширившимися глазами и простер к нему руки.

- Я так и знал, что значение этих слов вам, во всяком случае, известно.

Присядьте, - сказал Крумп, кивком головы указав на ближний пенек.

Ангел, весь дрожа, сел на пенек и не сводил взгляда с доктора.

Крумп вынул кисет.

- Вы странный человек, - сказал Ангел. - Ваши убеждения, как... стальной капкан.

- Именно, - сказал Крумп. Он был польщен.

- Но говорю вам... уверяю вас, так оно и есть: я ничего не знаю или по меньшей мере я не помню, чтобы раньше я что-либо знал об этом мире - до того как очутился в ночной темноте на пустоши у Сиддерфорда.

- Где же тогда вы научились нашему языку?

- Не знаю. Только говорю вам... Но у меня нет ничего похожего на доказательство, которое могло бы убедить вас.

- И вы в самом деле, - сказал Крумп, вдруг круто к нему повернувшись и глядя ему в глаза, - вы в самом деле верите, что до того времени вы вечно пребывали в некоем сияющем небе?

- Верю, - сказал Ангел.

- Фью-у! - протянул Крумп и разжег трубку. Некоторое время он сидел и курил, оперев локоть в колено, а Ангел сидел и наблюдал за ним. Потом лицо его прояснилось.

- Вполне возможно, - сказал он скорее самому себе, чем Ангелу. И снова оба надолго замолкли.

- Видите ли, - сказал Крумп, прерывая молчание, - есть такая штука, как раздвоение личности... Человек иногда забывает, кто он, и думает, что он кто-то еще. Бросает дом, друзей, все на свете и начинает жить двойною жизнью. Подобный случай описан в "Природе" месяц тому назад. Человек был иногда англичанином и нормально владел правой рукой, а иногда валлийцем и притом левшой. Когда он бывал англичанином, он не понимал по-валлийски, когда же валлийцем - не понимал по-английски... Гм!

Он вдруг повернулся к Ангелу и сказал: "Дом!" Он вообразил, что, может быть, ему удастся оживить в Ангеле какие-то скрытые воспоминания о его забытом детстве. Он продолжал:

- Папа, папочка, папуля, отец, папаша, старик; мать, дорогая мама, матушка, мамуся... Не помогает? Над чем вы смеетесь?

- Ни над чем, - сказал Ангел. - Вы меня немного удивили, вот и все.

Неделю назад этот набор слов меня, вероятно, смутил бы.

Минуту Крумп с молчаливым укором глядел на Ангела уголком глаза.

- У вас такое искреннее лицо. Вы почти принуждаете меня поверить вам.

Вы, несомненно, не заурядный сумасшедший. Если исключить отрыв от прошлого, психика у вас достаточно, по-видимому, уравновешенная. Хотел бы я, чтобы на вас взглянули Нордау, или Ломброзо, или кто-нибудь из сальпетриеровцев <Сальпетриер - парижское убежище для престарелых женщин, а также для нервно-и психически больных>. Здесь у нас в смысле душевных заболеваний совсем мало практики, так мало, что не о чем и говорить.

Имеется, правда, один идиот - так он самый жалкий идиот из идиотов! Все прочие психически вполне здоровы.

- Возможно, этим и объясняется их поведение, - сказал Ангел задумчиво.

- Но, принимая во внимание ваше положение здесь, - сказал Крумп, оставив его замечание без ответа, - я действительно считаю, что вы оказываете на людей дурное влияние. Подобные фантазии заразительны. Дело не только в Викарии. Тут есть еще один человек, по имени Шайн, так он тоже зачудил: целую неделю был в запое и вызывал на драку каждого, кто посмеет сказать, что вы не Ангел. А другой человек, там, в Сиддерфорде, заболел, я слышал, религиозной манией на той же почве. Такие вещи заразительны.

Следует ввести карантин для вредных мыслей. Я слышал еще про один случай...

- Но что могу я сделать? - сказал Ангел. - Допустим, я (без всякого намерения) приношу вред...

- Вы можете покинуть деревню, - сказал Крумп.

- Но тогда я только перейду в какую-нибудь другую деревню.

- А это меня не касается, - сказал Крумп. - Уходите куда вам угодно.

Только уходите. Оставьте этих трех человек - Викария, Шайна и маленькую служанку, - у которых теперь кружатся в голове целые сонмы ангелов...

- Как! - сказал Ангел. - Оказаться одному лицом к лицу с вашим миром!

Оставить Делию! Не понимаю... Я не знаю даже, как достают работу, и пищу, и кров. Я начинаю бояться людей.

- Все фантазии, фантазии, - сказал Крумп, поглядывая на него. - Мания.

Ну, довольно мне вас расстраивать, - добавил он вдруг. - Пользы от этого не будет. Ясно одно: так продолжаться не может. - Он вскочил.

- До свидания, мистер... Ангел, - сказал он. - Суть дела в том, - говорю вам как врач этого прихода, - что вы оказываете нездоровое влияние.

Мы не можем оставить вас у себя. Вы должны покинуть деревню.

Он повернулся и широким шагом пошел прямо по траве к большой дороге.

Ангел, безутешный, сидел один на пенке.

- Нездоровое влияние, - медленно повторил он, глядя в пространство невидящим взглядом, и попробовал осознать, что это означало.

СЭР ДЖОН ГОТЧ ДЕЙСТВУЕТ

Сэр Джон Готч был маленький человечек со щетинистыми жидкими волосами и тонким носиком, торчащим на иссеченном морщинами лице; на ногах - тугие коричневые гетры, в руках - хлыст.

- Я пришел, как видите, - сказал он, когда миссис Хайниджер закрыла дверь.

- Благодарю вас, - сказал Викарий, - я очень вам обязан. Очень обязан!

- Рад оказать вам услугу, - сказал сэр Джон Готч (вызывающая поза).

- Это дело, - начал Викарий, - эта злополучная история с колючей проволокой, она, вы знаете, действительно... очень злополучная история.

Поза сэра Джона Готча стала куда более вызывающей.

- Согласен с вами, - сказал он.

- Поскольку этот мистер Ангел - мой гость...

- Это еще не основание для того, чтобы перерезать мою проволоку, - оборвал сэр Джон Готч.

- Никак не основание.

- Могу я спросить, кто он такой, ваш мистер Ангел? - спросил сэр Джон Готч со всей резкостью, какую дает заранее принятое решение.

Пальцы Викария подскочили к подбородку. Что пользы было говорить об ангелах такому человеку, как сэр Джон Готч!

- Сказать вам истинную правду, - сказал Викарий, - тут имеется небольшая тайна.

- Леди Хаммергеллоу намекнула мне на это.

Лицо Викария стало вдруг пунцовым.

- А вы знаете, - сказал сэр Джон Готч почти без передышки, - что он ходит по деревне и проповедует социализм?

- Милостивое небо! - сказал Викарий. - Не может быть.

- Может! Он хватается за пуговицу каждого встречного и поперечного и спрашивает у них, почему они должны работать, тогда как мы, мы с вами, понимаете, ничего не делаем. Он говорит, что мы должны воспитанием поднимать каждого человека до нашего с вами уровня... Конечно, за счет налогоплательщиков - старая песенка. Он внушал мысль, что мы - то есть, понимаете, мы с вами - нарочно держим этих людей в темноте, пичкаем их всякой ерундой.

- Неужели! - сказал Викарий. - Я и понятия не имел.

- Он перерезал проволоку в порядке демонстрации, говорю я вам, в порядке социалистической демонстрации. Если мы не примем против него крутых мер, завтра, говорю я вам, у нас будут свалены все изгороди по Флиндерской дороге, а потом пойдут гореть амбары. И по всему приходу перебьют все до последнего эти, черт их побери (извините, Викарий, знаю сам, что слишком привержен к этому словцу)... эти, благослови их небо, фазаньи яйца. Знаю я их, этих...

- Социалист! - сказал Викарий, совсем пришибленный. - Я и понятия не имел.

- Теперь вы понимаете, почему я склонен притянуть джентльмена к ответу, хоть он и ваш гость. Мне кажется, что он, пользуясь вашей отеческой...

- Нет, не отеческой! - сказал Викарий. - Право же...

- Извините, Викарий, я оговорился... вашей добротой, ходит и чинит повсюду зло, восстанавливая класс на класс и бедняка на того, кто дает ему кусок хлеба с маслом.

Пальцы Викария опять потянулись к подбородку.

- Так что одно из двух, - сказал сэр Джон Готч. - Или этот ваш гость покидает наш приход, или я подаю в суд. Мое решение окончательное.

У Викария перекосялся рот.

- Значит, вот так, - сказал сэр Джон, вскочив на ноги. - Если бы не вы, я подал бы в суд немедленно; но поскольку тут замешаны вы, решайте сами: подавать мне в суд или нет?

- Видите ли... - начал Викарий в крайнем смущении.

- Да?

- Нужно кое-что подготовить.

- Он бездельник и подстрекатель... Знаю я эту породу. Все же я даю вам неделю сроку.

- Благодарю вас, - сказал Викарий. - Я понимаю ваше положение. Я вижу сам, что ситуация становится невозможной...

- Мне, разумеется, очень жаль, что я вам доставляю эту неприятность, - сказал сэр Джон.

- Неделю? - сказал Викарий.

- Неделю, - сказал, выходя, сэр Джон.

Проводив Готча, Викарий вернулся, и долгое время он сидел за письменным столом в своем кабинете, погруженный в раздумье.

- Одна неделя? - сказал он после бесконечно долгого молчания. - Ко мне явился Ангел, Ангел во славе своей, который оживил мою душу для красоты и восторга, который открыл мои глаза на Страну Чудес и нечто еще более значительное, чем Страна Чудес... а я пообещал избавиться от него через неделю! Из чего же мы, люди, созданы?.. Как я это ему скажу?

Он принялся расхаживать взад и вперед по комнате, потом прошел в столовую и остановился у окна, бессмысленно глядя на хлебное поле. Уже накрыт был стол ко второму завтраку. Он вдруг повернулся, все еще грезя наяву, и почти машинально налил себе рюмку хереса.

СКАЛА НАД МОРЕМ

Ангел лежал на вершине скалы над Бендремской бухтой и смотрел в даль мерцающего моря. Прямо из-под его локтей шел обрыв на пятьсот семь футов вниз, чуть не к самой воде, а там, внизу, парили и кружили морские птицы.

Верхняя часть обрыва представляла собой зеленоватую меловую скалу, нижние две трети были горячего красного тона и сплошь исчерчены полосами гипса, а в пяти-шести местах из отвесной стены пробивались ключи и бурлили по ней длинными каскадами. Кипень прибоя белела на кремнистой отмели, а дальше

- там, где стлалась тень от одинокого утеса, - вода переливала тысячью оттенков лилового и зеленого, испещренная пятнами и полосами пены.

Воздух был напоен солнечным светом, и звоном маленьких водопадов, и медленным шумом моря внизу. Время от времени перед обрывом проносилась бабочка, и стаи морских птиц то садились на выступы, то сновали в воздухе взад и вперед.

Ангел лежал, и его покалеченные, съезжившиеся крылья горбились на его спине. Он наблюдал за чайками, и галками, и грачами, как они парили и кружили в солнечном свете и то стремительно падали к воде, то взмывали в слепящую синеву неба. Ангел долго лежал так и наблюдал за ними, летающими туда и сюда на развернутых крыльях. Он наблюдал и, наблюдая, вспоминал с бесконечной тоской реки звездного света и сладость земли, откуда он явился. Проскользнула чайка над его головой, быстрая и легкая, красиво белея в синеве развернутыми крыльями. Ангелу вступила тень в глаза, свет солнца их покинул. Он подумал о собственных своих покалеченных крыльях, и уткнулся лицом в свой локоть, и заплакал.

Женщина, проходившая тропой по кремнистому полю, увидела только горбуна, одетого в старый сюртук Викария из Сиддермортонна, который разлегся на самом краю обрыва и лбом уткнулся в руку. Она поглядела на него раз и еще раз.

- Глупый человек, ведь уснул, поди, - сказала она и, хотя тащила в корзине тяжелую кладь, все-таки направилась к нему, решив его разбудить.

Но, подойдя поближе, она увидела, что плечи его тяжело вздымаются, и услышала его глухое рыдание.

Минуту она стояла тихо, и ее лицо покривилось усмешкой. Потом, бесшумно ступая, она повернулась и пошла назад к тропе.

- Трудное это дело, не придумаешь, что и сказать, - сказала она. - Горемычная душа!

Ангел сразу перестал рыдать и уставился с мокрым от слез лицом на берег под обрывом.

- Этот мир, - сказал он, - окутывает меня и готов проглотить. Крылья мои усохли и стали бесполезными. Скоро я буду не чем иным, как только увечным человеком; и буду я стареть, и склонюсь перед болью, и умру... Я несчастен. И я одинок.

Потом он уперся подбородком в ладони над самым краем обрыва и стал думать о Делии - о ее лице и о свете в ее глазах. Ангел почувствовал необычайное желание пойти к ней и рассказать о своих покалеченных крыльях.

Обвить ее руками и плакать о своей потерянной земле. "Делия!" - сказал он самому себе тихо-тихо. Солнце вдруг затянуло тучей.

МИССИС ХАЙНИДЖЕР ДЕЙСТВУЕТ

Миссис Хайниджер удивила Викария, постучавшись после чая в дверь его кабинета.

- Прошу прощения, сэ, - сказала миссис Хайниджер. - Могу я взять на себя такую смелость и поговорить с вами минутку?

- Конечно, миссис Хайниджер, - сказал Викарий, не подозревая, какой на него обрушится новый удар. Он держал в руке письмо, очень странное и неприятное письмо от своего епископа, письмо, которое и раздражило его и повергло в отчаяние, ибо оно в самых резких выражениях осуждало гостей, каких Викарий считает возможным принимать в своем доме. Только епископ, ищущий популярности, живущий в век демократии, епископ, еще остающийся в какой-то мере педагогом, мог написать подобное письмо.

Миссис Хайниджер кашляла в ладонь, как будто что-то затрудняло ей дыхание. У Викария возникло скверное предчувствие. Обыкновенно при их разговорах если кто смущался, так по большей части он. А к окончанию разговора неизменно он один.

- Да? - сказал он.

- Могу я взять на себя смелость, сэ, и спросить вас, когда мистер Ангел уедет? (Кхе-кхе.).

Викарий вздрогнул.

- Спросить, когда мистер Ангел уедет? - повторил он медленно, чтобы выгадать время. - (И эта туда же!).

- Извините, сэ. Но я привыкла, сэ, прислуживать благородным; а вы, наверно, даже и не представляете себе, как чувствуешь себя, прислуживая такому, как он.

- "Такому, как он"! Вам, миссис Хайниджер, если я вас правильно понял, не нравится мистер Ангел?

- Видите ли, сэ, перед тем как я поступила к вам, я, сэ, прожила семнадцать лет у лорда Дундоллера, да и вы, простите, вы тоже, сэ, настоящий джентльмен... хоть и духовное лицо. А потом...

- Что же это такое! - вздохнул Викарий. - Так вы не считаете мистера Ангела джентльменом?

- Уж извините, сэ, что я должна вам это сказать.

- Но почему же?.. (Ох, ну конечно же!).

- Прошу извинить меня на этом слове, сэ. Но если гость вдруг переходит в вегетарианцы и оставляет все, что ни готовишь, и если у него нет приличного своего багажа и он одалживает рубашки и носки у своего хозяина; и позволяет себе есть горошек с ножа (как я видела своими глазами), и так и ищет, как бы в темном уголке поговорить со служанками, и складывает после еды салфетку и ест телячий паштет пальцами, и среди ночи играет на скрипке, не давая никому уснуть, и пялит с ухмылкой глаза, когда старшие поднимаются по лестнице, и вообще ведет себя непристойно в таких делах, что и сказать-то неудобно, - то уж тут, сэ, поневоле всякое приходит в голову. Мысли, сэ, свободны, и поневоле делаешь свои собственные выводы.

А, кроме того, в деревне на его счет поговаривают всякое, одни - одно, другие - другое. Я, как посмотрю на джентльмена, то уже знаю, джентльмен он или он не джентльмен, и мы трое - я, Сьюзен и Джордж, - мы это все обговорили меж собой, как мы есть старшие слуги, так сказать, и опытные, а Делию мы оставили в

стороне, как она еще совсем девчонка, и я хотела бы только надеяться, что ей через него не приключится никакой беды, и уж положитесь, сэр, на нас, но этот мистер Ангел совсем не тот, за кого вы его принимаете, сэр. И чем скорее он оставит этот дом, тем лучше.

Миссис Хайниджер резко оборвала свою речь и стояла, запыхавшись, мрачно глядя Викарию в лицо.

- Вы это всерьез, миссис Хайниджер? - сказал Викарий. И затем:

- О, господи!.. Что я такое сделал? - сказал Викарий, вдруг вскочив и взывая к непреклонной судьбе. - Что я сделал?

- Это уж вам знать, - сказала миссис Хайниджер. - Впрочем, в деревне поговаривают всякое.

- Ну и ну! - сказал Викарий и стал расхаживать по комнате, поглядывая в окно. Потом обернулся. - Вот что, миссис Хайниджер! Мистер Ангел уедет из нашего дома в течение недели. Вас это устраивает?

- Вполне, - сказала миссис Хайниджер. - Я так понимаю, сэр...

Взгляд Викария, непривычно красноречивый, указал на дверь.

АНГЕЛ В БЕДЕ

- Дело в том, - сказал Викарий, - что этот мир не для ангелов.

Шторы не были задернуты, и сумрак за окнами под облачным небом казался несказанно серым и холодным. Ангел сидел, удрученный, за столом и молчал.

Ему уже объяснили, что он непременно должен уехать. Раз его присутствие оскорбляло людей и делало Викария несчастным, он покорно признал справедливость этого решения; но он не мог себе вообразить, что с ним произойдет, когда он окунется в жизнь. Наверно, что-нибудь до крайности неприятное.

- Есть, конечно, скрипка, - сказал Викарий. - Однако после нашего первого опыта...

...Я должен достать для вас одежду... полное снаряжение. Ах! Вы же ничего не знаете о железных дорогах! И о деньгах! И как снимают квартиру!

И о ресторанах!.. Я должен поехать с вами, помочь вам устроиться хоть на первое время. Достать вам работу. Подумать только - ангел в Лондоне!

Трудом зарабатывает себе на жизнь! В этой людской пустыне, серой и холодной! Что с вами станет... Ах, если бы мне знать, что есть у меня на свете друг, который мне поверит.

...Я не должен был отсылать вас...

- Не печальтесь так из-за меня, мой друг, - сказал Ангел. - Здесь у вас жизнь по крайней мере конечна. И есть в ней хорошие вещи. Есть нечто такое в этой вашей жизни... Вот вы заботитесь обо мне! Я думал сперва, что во всей вашей жизни нет ничего красивого...

- Я вас предал! - сказал Викарий в порыве внезапного раскаяния. - Почему я не пошел один против всех, почему не сказал: "Это лучшее в жизни"? Что они значат, повседневные дела?

Он вдруг замолчал, потом повторил:

- Да, что они значат?

- Я вошел в вашу жизнь только затем, чтобы внести в нее смуту, - сказал Ангел.

- Не говорите так, - сказал Викарий. - Вы вошли в мою жизнь, чтобы меня пробудить. Я спал - спал и видел сны. Мне снилось, что необходимо то и это. Снилось, что эта тесная тюрьма - весь мир. И этот сон еще тяготеет надо мной и смущает меня. Вот и все! Теперь, даже если вы уедете... А не снится мне, что вы должны уехать?

Когда Викарий в ту ночь лежал в постели, вопрос опять, еще настоятельней, возник перед ним в своем мистическом аспекте. Он лежал без сна, и самые страшные видения вставали перед ним: его гость, такой беззащитный и мягкий, затерян в этом бесчувственном мире, где ему выпадают самые жестокие злоключения. Его гость, несомненно, ангел. Викарий пытался снова мысленно пережить все случившееся за последние восемь дней. Он вспомнил тот жаркий день; свой нечаянный - от неожиданности - выстрел; заплескавшие в воздухе радужные крылья; прекрасную фигуру в шафрановом одеянии, бившуюся на земле. Каким это тогда показалось ему чудесным! Потом его мысль обратилась к тому, что он слышал о мире ином; к видениям, вызванным волшебной скрипкой, к туманным колышущимся, дивным городам Ангельской Страны. Он старался вспомнить очертания зданий, форму плодов на деревьях, внешний облик крылатых созданий на ее дорогах. Из воспоминаний все это перерастало в действительность настоящего, делалось с каждым мгновением все более живым, а его беды все менее значительными. И вот, тихо, и незаметно. Викарий ускользнул от своих бед и неприятностей в Край Сновидений.

Делия сидела перед раскрытым окном в надежде услышать скрипку Ангела.

Но в эту ночь игры не было. Небо затянуло, но не так плотно, чтобы не видно было месяца. Высоко в небе проходили гряды рваных облаков, и месяц то проступал туманным пятном света, то скрывался вовсе, то опять выплывал, ясный и яркий, четко вырисовываясь в синей бездне ночи. И вдруг девушка услышала, как дверь в сад отворилась, и в мареве лунного света выступил чей-то силуэт.

Это был Ангел. Но на нем снова была шафрановая риза вместо бесформенного сюртука. В неверном свете риза выглядела бесцветной и только чуть мерцала, а крылья за его спиной казались свинцово-серыми. Он начал бегать - брал короткий разбег и подпрыгивал, хлопая крыльями; он метался взад и вперед в игре светотени под деревьями. Делия с изумлением смотрела на него. Он крикнул в отчаянии, прыгнул выше. Его съезжившиеся крылья вспыхнули и опали. Более темный лоскут в пелене облаков все покрыл темнотой. Ангел, казалось, подпрыгнул на пять или шесть футов от земли и тяжело упал. В полумраке она видела, как он бьется на земле, затем услышала его рыдания.

- Он убится! - сказала Делия. Она сжала губы и пристально смотрела вперед. - Я должна ему помочь.

Она немного подумала, потом встала, легко и быстро выбежала за дверь, тихонько соскользнула вниз по лестнице - и в сад, в лунный свет. Ангел все еще лежал на земле и рыдал, сокрушенный горем.

- Ох, что это с вами? - сказала Делия, наклонившись над ним, и робко коснулась его головы.

Ангел перестал рыдать, приподнялся и остановил на ней взгляд. Он видел ее лицо в свете месяца, нежное от сострадания.

- Что это с вами? - повторила она шепотом. - Вы убились?

Ангел поглядел вокруг и вновь остановил глаза на ее лице.

- Делия! - прошептал он.

- Вы убились? - спросила Делия.

- Мои крылья! - сказал Ангел. - Они бессильны.

Делия не поняла, но она чувствовала, что это, наверно, очень страшно.

- Здесь темно, здесь холодно, - шептал Ангел. - Мои крылья бессильны.

Ей было безотчетно больно видеть слезы на его лице. Она не знала, что делать.

- Пожалей меня, Делия, - сказал Ангел, вдруг протянув к ней руки. - Пожалей меня.

Ее точно толкнуло опуститься на колени и взять в ладони его лицо.

- Я не понимаю, - сказала она, - только мне очень жалко. Мне вас жалко от всего моего сердца.

Ангел не ответил ни слова. Он смотрел на ее маленькое личико в ярком свете месяца, и в его глазах было недоумение и восторг.

- Странный это мир! - сказал он.

Она вдруг опустила руки. Облако затянуло месяц.

- Чем я могу вам помочь? - шептала она. - Я бы все сделала, только бы помочь вам.

Он все еще смотрел на девушку, отклоняясь от нее на длину своей руки, и горе на его лице сменилось недоумением. - Странный это мир! - повторил он.

Они оба говорили шепотом, она - стоя на коленях, он - сидя во мраке в колеблющемся свете месяца на лужайке перед верандой.

- Делия, - сказала миссис Хайниджер, вдруг высунувшись в окно. - Делия, это ты?

Оба в оторопи смотрели на нее.

- Сейчас же домой, Делия! - сказала миссис Хайниджер. - Если б мистер Ангел был джентльмен (кем он сроду не был), он бы устыдился. А ты еще к тому же сиротка!

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПОСЕЩЕНИЯ

На другое утро Ангел, позавтракав, пошел в сторону пустоши, а миссис Хайниджер, испросив на то разрешения, переговорила с Викарием. Что она ему сообщила, для нас теперь не имеет значения. Викарий был явно расстроен.

- Он должен уехать, - сказал он. - Он непременно должен уехать! - И, подавленный горем, тут же забыл, в чем, собственно, состояло обвинение.

Утро он провел, то погружаясь в сумрачные думы, то судорожно хватаясь изучать прейскурант фирмы "Скифф и Уотерло" и каталог оптового магазина медицинских, учебных и церковных принадлежностей. На листке бумаги, лежавшем перед ним на письменном столе, медленно рос столбик коротких строчек. Он вырезал из каталога, из раздела "Заказ Готового Платья", указатель, как самому снять мерку, и пришил его к шторе. Вот что представлял собой составляемый им документ.

1 Черный суконный сюртук. Фасон? Три фунта 10 шил.

1 Брюки. Одна или две пары..... цена?

1 Шевиотовый костюм (написать, чтобы выслали фасоны). Мерку снять самим.
- Цена - ?

Некоторое время Викарий провел, изучая шеренгу приятных джентльменов в модных костюмах. Все они выглядели очень мило, но было трудно представить себе Ангела в таком преображении. Ибо, хотя минуло уже шесть дней, у Ангела все еще не было ни одного собственного костюма. Викарий все колебался между намерением поехать с Ангелом в Порт-Бердок, чтобы там с него сняли мерку и сшили ему костюм, и диким ужасом перед вкрадчивой манерой своего портного. Он знал, что этот его портной потребует исчерпывающего разъяснения. К тому же кто мог знать: а вдруг Ангел улетит?

Так что миновало шесть дней, и Ангел медленно, но верно набирался мудрости земного мира и утрачивал свою яркость, все еще одетый в просторный, самый новый сюртук Викария.

1 Мягкая фетровая шляпа N (скажем) 57... 8 шил. 6 пен.

1 Цилиндр 14 шил. 6 пенс.

1 Шляпная картонка?

- Полагаю, ему все-таки нужно будет завести цилиндр, - сказал Викарий.

- Там без этого нельзя, если хочешь иметь приличный вид. Фасон № 3, пожалуй, пойдет ему лучше всего. Но страшно подумать, как это он останется совсем один в огромном городе. Никто его там не поймет, и будут у него недоразумения со всеми. Однако, полагаю, другого выхода нет. Так на чем же я остановился?

1 зубная щетка. 1 щетка с гребнем. Бритва...?

1/2 дюж. рубашек. Размер? (смерить шею)... 6 шил. кажд.

Носки..? Комнатные туфли..?

2 ночн. пижамы... Цена? Скажем, 15 шил.

1 дюж. крахмальных воротничков..... 8 шил.

Подтяжки (от Оксона - с усовершенствованными пряжками для регулирования длины)..... 1 шил. 1 1/2 пенс.

(Но как он будет их надевать? - сказал Викарий.)

1 каучуковый штамп "Т.Ангел" (с чернилами для меток - полный комплект).....
9 пенсов.

(Прачки, конечно, разворуют у него все вещи.).

1 перочинный ножик с одним лезвием и штопором...

(скажем) 1 шил. 6 пенс.

N.B.: не забыть запонки для манжет, запонку для воротника и т.д.

(Викарий любил "и т.д.": это придает всему такой деловой и точный вид!).

1 кожаный чемодан (пожалуй, вот этот) и прочее и прочее - скачками от одного к другому.

Этим делом Викарий был занят все время до второго завтрака, как ни болело сердце.

Ко второму завтраку Ангел не вернулся. В этом не было ничего особенного - он и раньше пропустил однажды полуденную еду. Однако, если принять в соображение, как мало времени им осталось провести вместе, гостю, пожалуй, следовало вернуться домой. Впрочем, у него, конечно, были свои, очень уважительные, причины для отсутствия. Завтрак прошел для Викария скучно.

Потом он лег, как всегда, поспать; еще часок поработал над списком необходимого снаряжения. Беспокоиться за Ангела он начал по-настоящему только к чаю. Он все не садился за стол, прождав добрых полчаса.

"Странно!" - сказал Викарий и за чаем еще острее почувствовал свое одиночество.

Когда время близилось к обеду, а Ангела все не было, в воображении Викария стали возникать тревожные картины. К обеду он, конечно, придет, говорил Викарий, поглаживая подбородок, и сновал по дому, придумывая себе разные мелкие дела, - как было у него в обычае, когда что-нибудь нарушало привычный уклад. Закат был великолепен: солнце садилось в гряде клубящихся багряных облаков. Золото и пурпур отцвели в полумраке; вечерняя звезда собрала на свой убор весь свет сияющего неба на западе. Нарушая безмолвие вечера, охватившее мир за стенами дома, завел свою скрипучую песню коростель. Викарий хмурился все мрачней, два раза выходил он в сад, смотрел на темнеющий склон холма и плелся обратно домой. Миссис Хайниджер накрыла на стол.

- Ваш обед готов, - объявила она во второй раз, с упреком в голосе.

- Да, да, - сказал Викарий и, пыхтя, полез наверх.

Он опять спустился, прошел в свой кабинет и зажег лампу для чтения - новомодную, керосино-калильную, с сетчатым колпачком, - а спичку бросил в корзину для бумаг, не удосужась даже посмотреть, погасла ли она. Потом просеменил в столовую и принялся, не разбирая, что ест, за остывший обед...

(Дорогой читатель, уже почти пришло время проститься с нашим маленьким Викарием.).

Сэр Джон Готч (все еще негодуя из-за колючей проволоки) ехал верхом зеленой просекой через свой заповедник у Сиддера, когда вдруг он увидел

медленно пробирающегося сквозь чащу деревьев за молодой порослью как раз того человека, которого он никак не хотел бы видеть.

- Будь я проклят, - сказал очень выразительно сэр Джон Готч. - Уж это слишком!

Он приподнялся в стременах.

- Эгой! - закричал он. - Эй, ты, там!

Ангел с улыбкой обернулся.

- Убирайся вон из этого леса, - сказал сэр Джон Готч.

- Почему? - сказал Ангел.

- Будь я... - Сэр Джон Готч запнулся, подбирая какое-нибудь более сокрушительное слово. Но не придумал ничего сильнее, чем "проклят". - Вон из этого леса, - добавил он.

Улыбка Ангела угасла.

- Почему я должен убраться вон из этого леса? - сказал он и остановился.

Добрых полминуты оба молчали, потом сэр Джон Готч соскочил с седла и стал подле своего коня.

Вы не должны забывать - иначе дальнейшее могло бы скомпрометировать все ангельское воинство, - что Ангел уже вторую неделю дышал ядовитым воздухом нашей борьбы за существование. От этого пострадали не только его крылья, не только ясность его взора. Он ел, и спал, и познакомился с болью - он прошел уже довольно далеко по пути к очеловечиванию. За время, что он был гостем на земле, он все чаще встречался с суровостью нашего мира и его несогласиями, утрачивая сопричастность к светлым высотам своего собственного мира...

- Так ты не желаешь уходить! - сказал Готч и повел своего коня сквозь кусты прямо на Ангела. Ангел стоял и, чувствуя, как напрягается в нем каждый мускул, каждый нерв, следил за приближавшимся к нему противником.

- Вон из этого леса! - сказал Готч, остановившись в трех ярдах от него.

Лицо белое от бешенства, в одной руке - узда, в другой - хлыст.

Ангела пронзило током странного волнения.

- Кто ты, - сказал он тихим, дрожащим голосом, - и кто я? Что дает тебе право гнать меня из этого места? Чем провинился этот мир, чтобы люди, такие, как ты...

- Ты тот самый дурак, который перерезал мою колючую проволоку! - сказал с угрозой в голосе Готч. - Если тебе угодно это знать!

- Твою колючую проволоку! - сказал Ангел. - Колючая проволока была твоей? Ты тот самый человек, который натянул здесь колючую проволоку?

Какое ты имеешь право?..

- Хватит с нас твоей социалистической чуши! - сказал Готч, задыхаясь. - Лес мой, и я вправе ограждать его, как могу. Знаю я вас - все вы мразь, такая же, как ты! Несете чушь и разжигаете недовольство. Если ты сейчас же не уберешься отсюда...

- Отлично! - сказал Ангел, и безотчетная сила вскипела в нем.

- Вон из этого проклятого леса! - сказал Готч, сам в себе разжигая злобу в страхе перед светом, озарившим лицо Ангела.

Он сделал шаг вперед, занес хлыст, и тогда случилось такое, чего толком не поняли потом ни он, ни Ангел. Ангел, казалось, подпрыгнул в воздух, пара серых

крыльев развернулась над землевладельцем, он увидел склонившееся к нему лицо, полное дикой красоты и огненного гнева. Хлыст был вырван из его руки, конь за его спиной взвился на дыбы, опрокинул его, выдернул поводья и унесся вскачь.

Хлыст резнул Готча по лицу, когда он упал навзничь, и опять ожег ему лицо, когда он привстал. Он увидел Ангела, осиянного гневом, готового разить и разить. Готч упал ничком, чтобы уберечь глаза, и стал кататься по земле под нещадной яростью ударов, ливнем обрушившихся на него.

- Ты скот, - кричал Ангел, хлеща всюду, где только виделась ему уязвимая плоть, - ты, зверь, исполненный гордости и лжи! Ты, ломающий души людей! Ты, злой дурак с лошадьми и собаками! Будешь знать, как возносить голову над чем-либо живущим! Учись! Учись! Учись!

Готч завизжал, призывая на помощь. Дважды он попробовал подняться на ноги, привставал на колени и снова падал ничком под лютым гневом Ангела.

Наконец в горле у него что-то заклокотало, и он перестал даже корчиться под карающим бичом.

Тут Ангел вдруг очнулся от своей ярости и осознал, что стоит, задыхаясь и дрожа, попирая ногой недвижимое тело в зеленой тишине пронизанного солнцем леса.

Он поглядел вокруг, потом себе под ноги, где на сухих листьях, перепутавшихся с волосами, краснели пятна крови. Хлыст выпал из его руки, жаркий румянец сбежал с лица.

- Боль! - сказал он. - Почему он лежит так тихо?

Он снял ногу с плеча Готча, наклонился над распластанным телом, постоял, прислушиваясь, опустился на колени... потряс его.

- Проснись! - сказал Ангел. И еще глуше:

- Проснись!

Несколько минут - или дольше? - он все прислушивался, стоя на коленях, потом вдруг вскочил и поглядел на обступившие его безмолвные деревья. На него опустилось чувство глубокого омерзения, окутало его всего. Он дернул плечом и отвернулся.

- Что случилось со мной? - прошептал он в трепетном страхе.

Он отпрянул от недвижимого тела.

- Мертв! - сказал он вдруг, повернулся и, охваченный ужасом, побежал без оглядки в лес.

Через несколько минут после того, как шаги Ангела замерли вдали, Готч приподнялся, опершись на одну руку.

- Ей-богу! - сказал он. - Крумп прав... Лицо тоже рассечено. - Он провел рукой по лицу и нащупал два прорезавших его рубца, горячих и припухлых.

Я дважды подумаю, прежде чем еще раз подыму руку на сумасшедшего, - сказал сэра Джон Готч.

- ...Он, может быть, и слабоумный, но рука у него, черт возьми, сильнющая. Фью. Он начисто срезал мне верхний кончик уха этой чертовой плеткой.

...Эта чертова лошадь прискачет теперь домой по всем правилам мелодрамы. Крошка испугается. А я... Мне придется объяснять, как все произошло. Она замучает меня расспросами.

...Взять бы теперь да и расставить по заповеднику самострельных ружей и капканов. Черт бы их побрал, эти законы!

Ангел между тем, уверенный, что Готч убит, шел и шел, гонимый раскаянием и страхом, через заросли и перелески по берегу Сиддера. Вы и представить себе не можете, как он был подавлен этим сокрушительным доказательством, что он и сам все больше проникается человеческими свойствами. Вся темнота, и гнев, и боль жизни, казалось, охватывают его неумолимо, становятся частью его самого, приковывают ко всему тому, что неделю назад он находил в человеке нелепым и жалким.

- Поистине этот мир не для ангела! - сказал Ангел. - Это мир Войны, мир Боли, мир Смерти. Здесь на тебя находит гнев. Я, не знавший ни боли, ни гнева, стою здесь с кровью на руках. Я пал. Прийти в этот мир - значит пасть. Здесь ты должен испытывать голод и жажду, должен терзаться тысячью желаний. Здесь ты должен бороться за землю под ногами, и поддаваться злобе, и бить...

С горечью бессильных сожалений на лице он поднял руки к небу и опустил их в отчаянии. Тюремные стены этой тесной, кипящей страстями жизни, казалось, напоздали на него, смыкаясь верно и неуклонно, чтобы вовсе его сокрушить. Он чувствовал то, что всем нам, жалким смертным, рано или поздно приходится почувствовать, - безжалостную силу Того, Что Должно Быть не только вне нас самих, но также (что особенно тяжело) и внутри нас; всю неизбежную мучительность наших высоких решений, тех неизбежных часов, когда наше лучшее "я" бывает забыто. Но для нас это не крутой спуск, а постепенное нисхождение, совершаемое незаметно, со ступеньки на ступеньку, на протяжении долгих лет; для него же это явилось мерзким открытием, сделанным за одну короткую неделю. Он чувствовал, что в оболочке этой жизни он покалечен, что он заскоруз, ослеп и отупел; он чувствовал то, что мог бы почувствовать человек, когда бы принял страшный яд и ощутил бы, как разрушение распространяется внутри него.

Он не замечал ни голода, ни усталости, ни хода времени. Он шел и шел, сторонясь домов и дорог, уклоняясь от встреч с людьми, чтобы не видеть их и не слышать в своем безмолвном отчаянном споре с судьбой. Мысли его не летели, а стояли на месте, как перед глухой стеной, в невнятном своем протесте против такого унижительного вырождения. Случайность направила его шаги к церковному дому, и наконец, когда уже смеркалось, он очутился на пустоши и, усталый, ослабевший, несчастный, поплелся по ней к задам деревни Сиддермортон. Он слышал, как крысы шныряли и попискивали в вереске, а раз вылетела из темноты большая бесшумная птица, пронеслась мимо и опять

исчезла. А небо перед ним было в тусклом красном зареве, которого он не замечал.

Но когда он поднялся на гребень холма, яркий свет вспрынул прямо перед ним, и уже нельзя было его не заметить. Ангел пошел дальше вниз по косогору и скоро увидел более отчетливо, что означало это зарево. Оно было отсветом дрожащих, мятущихся языков огня, золотых и красных, вырывавшихся из окон и из дыры в крыше церковного дома. Огромная гроздь черных голов - по сути, вся деревня (все, кроме пожарной команды, которая топталась внизу у домика Эйлмера, отыскивая ключ от сарая, где была заперта пожарная машина) - рисовалась силуэтом на завесе огня. Слышался грозный вой - гомон голосов и вдруг чей-то отчаянный крик. Слышалось: "Нельзя, нельзя! Назад!"

И опять невнятный грозный вой.

Ангел кинулся бежать к горящему дому. Он спотыкался, он чуть не падал и все-таки бежал. Вокруг него, он видел, бежали черные фигуры. Пламя вздувалось, бурно клонясь туда и сюда, и он ощущал запах гари.

- Она вошла в дом, - сказал голос. - Все-таки вошла.

- Сумасшедшая, - сказал другой.

- Стой! Не напирай! - кричали кругом.

Он пробивался сквозь возбужденную, шарахающуюся толпу. Люди глядели на огонь, и красные отсветы плясали в их глазах.

- Стой, - сказал какой-то батрак, схватив его за плечо.

- Что это? - сказал Ангел. - Что происходит?

- Там в доме девушка, и она не может выбраться!

- Бросилась в дом за скрипкой, - сказал кто-то еще.

- Безнадежное дело! - услышал он еще чьи-то слова. - Я стоял рядом с ней. Я слышал сам. Она говорит: "Я могу спасти его скрипку". Я слышал ясно. Так и сказала: "Я могу спасти его скрипку..."

Секунду Ангел стоял, широко раскрыв глаза, потом, как при вспышке молнии, он увидел все сразу: увидел этот маленький угрюмый мир борьбы и жестокости преобразенным в блеске славы, которая затмила сияние ангельской земли; он стал нестерпимо прекрасен, этот мир, внезапно залитый чудесным светом любви и самоотречения. Ангел испустил странный крик, и прежде чем кто-либо сумел его остановить, кинулся к горящему зданию. Раздались крики:

"Горбун! Иностранец!"

Викарий (ему как раз перевязывали обожженную руку) повернул голову, и они с Крумпом увидели Ангела - черный силуэт в рамке двери на густо-красном фоне огня. Это длилось десятую долю секунды, но оба, и Викарий и врач, не могли бы запомнить свое мгновенное видение более отчетливо, даже если бы оно было картиной, которую они бы разглядывали часами. Затем Ангела скрыл какой-то предмет (что это было, не знал никто), который упал, пылая, в проеме дверей.

Послышался крик: "Делия!" - и больше ничего. Но вдруг огонь взвился над домом ослепительным пламенем, которое вознеслось в бездонную высоту - ослепительное ровное сияние, прорезаемое тысячью сверкающих вспышек, подобных взмахам сабель. И сноп искр, пылая тысячью цветов, взвихрился и исчез. Одновременно, и на один лишь миг, - наверно, по странному совпадению - взрыв музыки, как будто гром органа, вплелся в завывание огня.

Вся деревня, сбившаяся в группы черных силуэтов, услышала этот звук, исключая дядюшку Сиддонса, который был глух. Он прозвучал чудесно и странно - и сразу смолк. Дерган Недоумок, придурковатый юноша из Сиддерфорда, сказал, что этот звук начался и тут же оборвался, как будто открыли и закрыли дверь...

А маленькая Хетти Пензенс забрала себе в голову, будто она видела две крылатые фигуры, которые взвились и исчезли в огне.

(После этого она и начала тосковать о разных вещах, которые видела во сне, и стала рассеянной и странной. Это сильно огорчало ее мать. Девочка стала хрупкой, точно вот-вот должна покинуть мир, и взгляд у нее сделался какой-то отчужденный, далекий. Она все говорила об ангелах, и о радужных красках, и о золотых крыльях и вечно напевала какие-то бессмысленные обрывки песни, которую никто не знал. Наконец Крумп взялся за нее и вылечил, прописав ей усиленное питание, сироп из гипофосфатов и рыбий жир.).

ЭПИЛОГ

На этом и кончается повесть о Чудесном Посещении. Эпилог мы услышим из уст миссис Мендхем. Два маленьких белых креста стоят рядом на Сиддермортонском кладбище в том месте, где плети куманики перекинулись через каменную ограду. На одном значится "Томас Ангел", на другом - "Делия Харди", и дата смерти на обоих одна и та же. На самом деле под крестами нет ничего, кроме горстки пепла от принадлежавшего Викарию чучела страуса (как вы припоминаете. Викарий увлекался орнитологией). Я обратил внимание на эти два креста, когда миссис Мендхем показывала мне новый памятник работы Де ла Беша (после смерти Хильера приходским священником стал Мендхем).

- Гранит привезен откуда-то из Шотландии, - объясняла миссис Мендхем, - и стоил очень дорого, я забыла, сколько именно, но ужасно дорого! Вся деревня только об этом и говорит.

- Мама, - сказала Сесили Мендхем, - ты наступила на могилу.

- Ай-ай-ай, - сказала миссис Мендхем, - как нехорошо! Да еще на могилу калеки. Нет, в самом деле, вы даже представить себе не можете, во что обошелся итог памятник.

- ...Между прочим, они оба, - сказала миссис Мендхем, - погибли при пожаре, когда сгорел старый церковный дом. Это очень любопытная история.

Он был престранный человек, горбатый скрипач, который приехал неизвестно откуда и ужасно злоупотреблял добротой покойного Викария. Он играл на слух с большим апломбом, а потом мы узнали, что он совсем не знает нот, не разбирает

ни единой ноты - ни единой. Его вывели на чистую воду в присутствии большого общества. В добавление ко всему он, кажется, - так тут у нас поговаривают, - завел шашни с одной служанкой, хитрой маленькой дрянью... Но об этом пусть вам лучше расскажет Мендхем. Этот человек был полоумный и вдобавок калека с каким-то совсем особенным уродством.

Странно, какие иногда фантазии забирают себе в голову девчонки.

Она колюче посмотрела на Сесили, и Сесили вспыхнула до корней волос.

- Она осталась в доме, и он бросился в огонь спасать ее. Правда, как романтично? Он на свой лад неплохо играл на скрипке, хоть и был самоучка.

...Бедный Викарий, тогда же сгорела и вся его коллекция чуел! А она была его единственная отрада. По правде сказать, он так никогда и не оправился от этого удара. Он после пожара некоторое время жил у нас: ведь во всей деревне нет другого сколько-нибудь приличного дома. Но казалось, он все время чувствовал себя несчастным. Он был страшно потрясен. Я никогда не видела, чтобы человек так изменился. Я старалась его приободрить, только безуспешно, совершенно безуспешно! У него был какой-то нелепый бред - все ангелы и тому подобное. Временами с ним тяжело бывало говорить. Он уверял, что слышит музыку, и много часов кряду бессмысленно смотрел в пространство... Стал очень неряшлив. Умер он, не протянув и года после пожара.

1895

44

<http://book.zehinli.info>

43